

589982

Национальная
библиотека
Республики Алтай
им. М.В. Чевалкова

1.

Народ без имени.

В книге Гергарда Миллера¹ — изданной в 1787 г., читаем:

„О уйрятах или калмыках говорит Абул-Гази², они во времена владения Чингиса, около выше упомянутых, в Икар-Муран впадающих осьми рек, кочевали.

„Тогда имели они у себя предводителем Тахи-беги-хана, который со своими рбoими сыновьями долго Чингис-хану противился, но понеже они от него побеждены, то уйряты с того времени принуждены были притти под власть мунгальцев.

„Ежели кто сомневаться станет, — подлинно-ли под именем уйрятов калмыков разуметь должно, тому в доказательство служит то, что качинские, сагайские и прочие татары в красноярских и кузнецких степях калмыков еще и ныне уйрятами, а не другим каким именем, называют“.

Так „уйряты“ или ойроты с незапамятных времен тянут цепь своего происхождения, тесно соприкасаясь с тюркскими народностями, с одной стороны, и монголами — с другой.

После сокрушительного разгрома, произведенного Чингис-ханом, часть ойротов была вынуждена признать его владычество, другая же, наоборот, не желая подчиняться, бросила насиженные места и ушла за тысячи верст — за горы, в бескрайние степные пространства.

Тергеты двинулись на Волгу, в прикаспийские солончаки, образовав там калмыцкие кочевья. Алтайцы замкнулись в горах. Джунгары продолжали борьбу, пока им не удалось утвердить на развалинах великого ханства Чингиса свое независимое государство. Хошоты ассимилировались с монгольскими племенами, перенимая их верования и обычаи.

По Гергарду Миллеру:

„Уйряты разделяются на три главные поколения, которые по-калмыцки называются: элет, тергет и хошот. Под именем элет разумеются подлинные уйряты Абулгазовы, которые в нынешние времена по ту сторону Алтайских гор, между Турхустаном или

1. Историкограф и член академии наук, написавший „Историю сибирского царства“.

2. Абул-Гази-Багадур (1603-1663) — хивинский хан, написавший историю чингис-ханид. Известен своим сочинением „Родословное дерево турок“, переведенным на русский и европейские языки.

Большую Бухарию и Мунгальскую землю, живут *особливым самодержавным государством.¹

Тергеты называются калмыками, кочуют по реке Волге и состоят под Российской державою, а хошоты именуется те, которые наипаче в Тангутской земле кочуют.

„О тергетах упоминает и Абул-Гази, что они особое поколение ведут от уйратов. К тому же эти главные поколения разделяются еще на особливые роды, как сие в своем месте явственно будет“.

Из недр далеких исторических времен Чингиса проложен путь ойротами, сохранившими свой облик до наших дней. На этом отрезке времени зарождались и погибали государства. Одну эпоху сменяла другая. Несколько раз перекраивалась карта мира. Росли города.

Но алтайцы-ойроты—„понеже были побеждены Россией“ и наиболее зверски придушенные царской властью—оставались на той ступени развития, на которой они были во времена Чингиса, Абул-Гази и Гергарда Миллера.

Наиболее откровенные ненавистники побежденных народностей с циничной прямою заявляли:

„Плюньте на них! Предоставьте их той жестокой участи, какая им предназначена. Вам не изменить железного закона истории, который против них. Им не суждено иметь будущего, им предоставлено только послужить удобрием почвы, на которой должна возникнуть и развиться жизнь более счастливой расы“².

Вот другой образец рассуждений того же культурного хама и его отношения к целым расам, зажатым в тиски цивилизованного гнета:

„Будущее принадлежит исключительно высшим расам, какова, например, благородная арийская раса, а низшие неблагородные расы самой природой обречены на вымирание, и всякие усилия наивных гуманистов предотвратить этот печальный роковой приговор бессильны: природа не сентиментальна“³.

Это „пророчество“, не допускавшее сомнений, многими воспринималось как бесплорная истина, которую отвергать было бесцельно. Тем более, что все преимущества в происходившей борьбе за обладание элементарнейшими благами природы были на стороне более сильной нации-гегемона, узурпировавшей права на жизнь и свое независимое развитие у малых или подчиненных народностей.

Отсюда цинично-презрительное отношение, так называемых, „людей чистой науки“ к действительному изучению истории национальных меньшинств, поверхностный взгляд любителя, чуждого той „обреченной“ среде, о которой повествовал писатель-буржуа, насквозь пропитанный духом велькодержавного шовинизма.

1—Джунгария

2—Адрианов, —„Сборник к биографии Потанина“. Изд. 1915 г., г. Томск.

3—Тот-же источник.

Племена, населяющие территорию Горного Алтая,—эта небольшая горсточка уцелевшего народа, когда-то могущественного,—играли не последнюю роль в исторической цепи развития восточных национальностей.

Старик-ойрот.

Известный областник-сибиревед Ядринцев так отзывается о роли алтайцев или черневых татар:

„К таким весьма малоизвестным племенам принадлежит алтайская народность, несмотря на то, что значение ее в истории Сибири огромно. Эта народность, как доказывает ее язык и происхождение, находится в родстве со всеми татарами Тобольской и Томской губернии...

„В Алтае, можно сказать, находится метрополия сибирских тюрков. Здесь же приходится искать ту цепь родства, которая связывает сибирских инородцев с племенами Средней Азии и Монголии“.

Характерно, что несмотря на столь категоричное утверждение, Ядринцев не пытается дать точное определение названия или имени „алтайской народности“. Он ограничивается перечислением различных наименований местного происхождения, в большинстве навязанных русскими, извне, и почти совсем неизвестных коренному туземному населению.

Гергард Миллер поступал точнее, ссылаясь на исторические записи Абул-Гази и те названия, которые существовали в среде самих туземцев края.

Ядринцев пишет:

„В собственном смысле алтайцы, или племена, населяющие Кузнецкий и Бийский округа, носят различные местные названия, данные русскими, а именно: черневых татар, кумандянцев, телеутов, телесов, алтайцев-ойротов или алтайских калмыков и чуйских теленгитов. При этом надо заметить, что название калмыков дано алтайцам русскими, а самим им это имя неизвестно. Таково же название черневых татар, которые себя большей частью называют туба или тубалары“.

Также туманно, с бесчисленными оговорками, рисуется далекое прошлое ойротских народов.

„Здесь происходило какое-то слияние рас. Может быть, это след великих передвижений, может быть—наследие поглощенных и исчезнувших аборигенов, могилы которых, отличные от алтайских, сохраняются еще в долинах Алтая.

„Несомненно, что алтайская раса—одна из переходных рас к чистому европейскому типу“.¹

Тип ойротского пастуха.

Сотни лет до начала пролетарской революции—целая народность существовала, занимая обширнейшую территорию, не уступающую по размерам Швейцарии, но без имени, без своей письменности и грамотности, „без“ исторического прошлого, без всяких прав на существование.

Шли годы.

На почве концентрации капитала и грабительского дележа рынков, наступила полоса империалистических войн, мировых схваток и чудовищных издевательств над угнетенными классами. Последняя империалистическая война вызвала бурное обострение классовой и колониальной борьбы.

В России эта борьба закончилась победой пролетарской революции. Под руководством коммунистической партии у власти стал новый класс—строитель социалистического общества. Вместо порабощения и угнетения отдельных национальностей, он установил сотрудничество народов, объединенных идеей строительства СССР.

¹—Приведенные выдержки взяты из книги Ядринцева: „Об алтайцах и черневых татарах“, изд. 1881 г., г. Томск, стр. 3—7.

Ойроты, несмотря на свою отсталость, поняли это. В муках страданий, борьбы и героических усилий рождалась Ойротская автономная область. Она родилась, существует и будет жить, как равноправная единица великого Союза советов.

Архивной пылью покрываются „дела минувших дней“. Молодая ойротская поросль живо и радостно тянется к новой жизни. Ее волнуют сегодняшние заботы. Ей хочется сделать прыжок в неизведанное „завтра“. Но еще крепко влияние того, что сотнями лет оформляло быт и условия жизни отсталых окраин. Надо изучать это прошлое. Надо знать победы и поражения. Надо уметь видеть ошибки, чтобы не допускать их в будущем.

Если спросить, как образовалась Ойротия, почему ее не было в старой царской России, как живут люди, населяющие эту область, как их имя, откуда они?—то едва ли найдется источник, могущий дать исчерпывающие ответы на эти вопросы.

Дореволюционная Россия не знала и не хотела знать ойротов. Она оставляла этот народ без имени. Царизм кровно был заинтересован в том, чтобы вытравить у приниженных и угнетенных национальных меньшинств память об их происхождении.

Над этим не мало поработали миссионеры, колонизаторы, царские чиновники.

В угоду классовых интересов правящей клики писались „ученые труды“, в которых настойчиво и упорно „доказывалась“ бесцельность борьбы за сохранение „неблагородной вымирающей расы“.

Высокомерно-презрительное отношение к ней было горьким уделом всех обездоленных, рожденных с бронзовой кожей, с приплюснутым носом, с глазами, горящими зоркостью лесного зверя, с мускулами, не знающими усталости, и волосами вороненой стали.

—„Татаршики!“—шипел надменный сифилитик, пропойца, великодержавный мироед, пиявкой присосавшийся к телу побежденной нации.

—„Иностранцы!“—хрипел свиноподобный, тупой и бездарный чинуша.

—„Нехристи!“—ехидно хихикая, вторил „наместник бога“, русский поп-миссионер.

Кабинет товарища Леонида—секретаря парткома.

Тесная, загруженная мебелью комната. Табачный дым прогорклым чадом окутал головы собравшихся. Ночь. На столе груда неразобранных бумаг. Керосиновая лампа скупно цедит неуверенный свет.

Уткнувшись в развернутую карту, Леонид внимательно слушает докладчика. Его серые, глубоко запавшие глаза, отрываясь от карты, колют своей неподвижностью. Губы крепко сжаты. Лоб разрезают не исчезающие линии. Вьющиеся волосы вз'ерошенно копнятся, бросая тень на выступы угловатых скул.

Меджит медленно разворачивает, вытаскивая из закоулков памяти, рассказ о том, как ЦИК СССР принимал решение о создании Ойротской автономной области.

Меджит щурит глаза. В черных зрачках искрится гордая уверенность в безграничной справедливости человека, который оказал решающее влияние на постановление правительства.

— Это тов. Сталин,—говорит он,—чутко подслушал заложенное в каждом из нас желание, проник своим взглядом в сокровенные тайники забытого народа. Это он предложил:

„Пересмотреть принятое решение ВЦИК, с учетом национального момента и политической обстановки, говорящей о прямой необходимости выделения автономной области ойротского народа“.

1-го июня 1922 г. издан декрет, в котором говорится: „Образовать автономную область ойротского народа, как часть Российской Социалистической Федеративной Советской Республики“.

Свершилось то, о чем и мечтать боялись ойротские кочевники, находясь в рабской зависимости у русских царей и чиновников.

Ойроты вернули утраченное имя. Они включились в семью великих народов Союза советов, как борцы за социалистическое общество.

— Конец проклятому наследью царизма. Нет больше „инородцев“, „татаршек“, людей без имени, угнетателей и угнетенных. Есть рождающийся в огне борьбы великой Советский союз!

— Подожди, Меджит...Ты очень восторжен...—прерывает его Леонид.—Я понимаю тебя,—но надо с порывом энтузиазма сочетать расчет трезвого политика. Мы не должны успокаиваться. Борьба еще не кончена, т. к. Горный Алтай по своим природным условиям, по условиям отсталости и темноты населения, является убежищем для осколков разбитой контрреволюции, колчаковских офицеров и других темных сил.

Леонид встал. От его фигуры метнулась со стены на потолок лохматая тень. Он продолжал:

— Мы не сумели еще создать прочного и твердого положения на местах. Кулацкие элементы свободно занимаются контрреволюционной агитацией, открыто поддерживают бандитизм, срывают советские начинания, возможность мирного труда будет обеспечена только в том случае, если мы добьемся полной ликвидации бандитизма, поднимем активность бедноты, укрепим партийный и советский аппарат, если сумеем раз'яснить крестьянам и кочевникам алтайцам основы советской политики и оградим их от провакационной работы белогвардейских агентов. Надо организовать крестьянскую молодежь, втянуть ее в политическую жизнь. Для этого мы должны добиться наивысшей

спайки и дисциплины в наших рядах. Мы должны немедленно взяться за дело. Я думаю, будет не плохо, если мы настоящим заседанием постановим выделить политгруппу из наиболее ответственных товарищей и предложим ей выехать в те села, откуда больше всего угрожает опасность. Вот сжатый план действий на ближайшее время. Какие будут предложения?

— Какие там еще предложения, ставь точку, — отзывается Ролик Виноградов.

— Правильно! — замечает Толмачев. — Составляй группу. Всех присутствующих надо в нее включить. Сборы в двадцать четыре часа. Отговорок никаких не принимать.

— Есть! — соглашаюсь я. — Сегодня же нужно готовить лошадей. Ехать верхом. Иначе не проберешься. Да и в случае встречи с бандитами легче орудовать.

Решение принято.

Быв. секретарь Горно-Алтайского парткома тов. Леонид (Л. Папардэ).

2.

Ту—Эези¹.

Дик и недоступен Алтай.

На сотни верст тянутся горные массивы. Издали они кажутся синеватой лентой с зубчатыми вырезами на вершинах. Кое-где серебром отливают белки². Когда садится солнце, белки сверкают расплавленной медью и гаснут на фоне темной альпийской ночи.

---

¹—Ту-Эези—горный дух.

²—Белки—снеговые вершины.

Подходишь ближе—и горы приобретают иные формы. Куда ни взглянешь,—всюду изломы убегающих линий... Отвесные скалы хватают небо... Прячут в бездонной пропасти свои загадки-тайны... не доверяют людям... Даже солнце не всегда проникает в их глубочайшие расселины. Коснется провалов, бережно скользнет по курумнику¹ и уйдет за горизонт. Черный курумник не любит света... Плачет, закрывшись тенью... роняет слезы... хмурится.

Б е л к и.

Еще ближе—склоны загораются фиолетово-красным оттенком. Это цветы маральника² лепятся по каменистым ребрам задумчивых великанов... В зелени трав кивают причудливые головки кандыка...³

Густо вспыхивают, образуя целые поляны, оранжевые огоньки-первоцветы, пионы и ирисы... На голых скалах мясистые листья бадана.⁴

На каждом шагу—новые картины.

---

¹—Курумником называются каменистые россыпи выветривающихся скал на Алтае.

²—Маральник—цветущий кустарник, один из разновидностей рододендрона.

³—Кандык—цветущее растение, клубни которого ойротами употребляются в пищу.

⁴—Бадан—растение, содержащее большое количество дубильных веществ.

Листья бадана на голых скалах.

Вот одиноко брошенный, бессменный часовой Алтая—Бабырган. Его скалистая вершина уходит в заоблачную высь и оттуда зорко следит за разбежавшейся холмистой степью, опоясанной водами Оби, Катуня и Бии.

В стороне—лысая шапка Адагана. За ней—таежные гривы Телецких гор. Дальше—Чергинские, Семинские и Теректинские хребты.

Южная часть гор замкнута снеговым кольцом Катунских и Чуйских альп... Величавы их ледниковые вершины—Иикту и Белуха... С давних пор стоят они друг против друга... Жарко палит солнце... Но бессильно согреть их... Ледяное сердце вершин, ледяным холодом дышит их каменная грудь.

Хранители вечных снегов.

Не легко проникнуть сюда... Первобытны и трудны пути на Алтае. Человеческая нога почти не коснулась его таинственных дебрей.

Узкие тропы вьются до самых вершин снегового царства. Медведь-айу—старый хозяин троп—чутко сторожит молчаливый покой вечных ледников.

Сорвется с ближней скалы каран-кэрэдэ-орел-стервятник и поплывет в синем небе.

Взметнет из-под ног горный козел-тэка. Остановится, смотрит недоумевающе по сторонам..Новый прыжок, и многие километры покроет без передышки испуганный зверь.

Греется на солнце змея-дилан. Бурундук-кеерюк шмыгнет через дорогу..Властно прокрячит марал-анэркек...Где-то отиликнется мыйгак-самка.

И снова гробовое молчание.

Чем выше—тем гуще поросли. Горный лен-кэндир, дягильник, папоротник и репейник перемежаются с кудрявыми кронами рябин. Горит кызыл-гат—красная смородина... Черемуха-дедра переплелась с броскими лапами палан-калины. Вот гладкоствольная осина-аспак. Ее сменяет пихта, лиственница и величественный алтайскийкедр-меш.

Дальше—непроходимые гари.

Местные жители туземцы верят, что у гор есть свой хозяин-дух—Ту-эези. То ласковый и добрый, посылающий удачу; то злой и мстительный, причиняющий вред человеку.

Это он, горный дух, мешает охотнику найти добычу, перепутает следы зверя, уведет в сторону, заставит блуждать в незнакомом месте.

Это он, горный дух, пожирает скот, грохочет громом и молнией, зажигает лес.

Ту-эези--могучий владыка, неограниченный в своих возможностях, проявляющий заботу о каждой былинке, о каждом камне.

Он украшает зеленью кроны деревьев, устилает бархатом трав долины, красками неба расписывает венчик цветка.

Вот почему так ярко горит кызыл-чечек-красный цветок, лоскуток вечерней зари.

От поколения к поколению туземцев горного Алтая переходит эта легенда веков

Катушь у Манжерокских перегов.

Наша политгруппа, в составе пяти ответственных партийных работников, сопровождаемая двумя проводниками и отрядом ЧОН¹, переваливает Чаргинский хребет.

1 — Чон — части особого назначения.

Я еду с Меджитом. Он мне рассказывает о себе, о Монголии, о Южном Китае, о безлюдных пространствах Тянь-Шаня и Гоби. Он везде побывал, хорошо знает быт и нравы восточных народов.

Впереди, на взмыленном шустром жеребчике, разгоряченный и, как всегда, восторженный командир ЧОН, Ролико-Виноградов,

—Э-эй! Подтянись, товарищи!.. Сейчас ночевка...

Располагаемся на берегу говорливой речки.

Справа возвышается темная грива пихты; ниже она переходит в изумрудную зелень соснового леса, кое-где испещренную бархатистыми пятнами кедровника.

На противоположной стороне—отвесные скалы. У их подошвы громоздятся гигантские валуны, занесенные в это ущелье когда-то сползавшим сюда ледником. Обрызганные пылью рассеянной речной влаги, валуны пышно украшены разноцветными заплатами лишайников.

Мы расседываем лошадей.

Проводник Сабар, старый, низкорослый, кривоногий человек, путающийся в длинных, опущенных барашком полах шубы, рассказывает о том, как утром над ним пошутил Ту-эзи.

—Видал!.. ниже речкам бом есть?¹ Сапсем яман-бом!.. Ой, кудой бом!.. Игренька вовсе умирать котел!.. Вьюк думал пропал, лошадь пропал, сам пропадать надо!.. как екать будем?

—Гляжу,—сорвался игренька!.. вниз камням спиной пал. Себя не жалко—конь жалко!.. Ой-ой, сердитый Ту-эзи!

Прошу Меджита продолжать рассказ. Он это охотно делает, когда, поужинав, разбрасываемся широким полукругом у веселого, перебегающего по сушняку огня, добытого проводником Сабаром.

Меджит—местный ойрот, сын бедняка пастуха. Меджиту едва исполнилось 8 лет, когда умер его отец. Семья осталась без средств. Мать Меджита, поддавшись уговорам, окрестила сына и отдала в дети монголисту-купцу Иванову.

Рос Меджит забитым, загнанным зверенышем, раздираемый глухой ненавистью к своим „благодетелям“.

Четырнадцать лет Меджит бежал в далекую, неизвестную ему Монголию. Полубатраком, полуприказчиком скитался он четверть века по чужим краям, переходя от одного хозяина к другому. Был в Тибете, в Южном Китае, в Туркестане, в восточных и западных городах Монголии. Почти без помощи других выучился грамоте. Много читал.

Командир ЧОН—Ролико-Виноградов.

¹—Бом—узкий выступ скалы, по которому проходит тропа.

А как только обожгло сердце известием о пролетарской революции в России, бросил Меджит Монголию, чтобы отдать свои силы родному Алтаю.

Меджит первый кладет начало организации большевиков, а также и Совета рабочих и солдатских депутатов в селе Алтайском. Он вооружает своих товарищей и вместе с партизаном Плетневым ведет их в бой против чехословаков.

Затем тюрьмы—Бийская, Барнаульская, Мариинская. Совершает побег... Скрывается... Уходит к партизанам... В тайгу...

Узнает местонахождение Рогова. Перебравшись к нему, становится одним из командиров партизанского отряда.

С падением Колчаковщины—Меджит снова организатор, пропагандист и неустанный работник в горах Ойротии.

Солнце давно село, и как-то разом надвинулась густая темь прохладной алтайской ночи. Все небо замигало, заулыбалось тысячами ярких точек.

Товарищи крепко всхрапывали, потягиваясь у догоравшего костра. Я долго не спал, ворочаясь с боку-на-бок.

— Вставай!... По коням!... Даешь перевал!... Вста-ва-а-й!...—трубит голос Ролико-Виноградова.

Из-за гребня хвоя брызнул первый луч восхода. Мы двинулись дальше.

Суров и величествен Алтай.

Природа миллионы лет громоздила глыбы земных пород, осушила море, выветрила скалы, покрыла их плодороднейшей почвой, расцветила дивным причудливым ковром.

Но вот и последняя грань растительности. Кругом болотные топи, согра, мох, лишайник, можжевельник и вереск.

Еще несколько шагов и открываются каменистые россыпи, а там, над головой, бескрайные льды—тайга¹, холодное царство молчания.

3.

Аржан-Су².

В долинах—приятная свежесть.

Хорошо отдохнуть на берегу ручья... Звенит его незатейливая песенка...

Чуть схлынут вешние воды, а цветы маральника оденут розовым пухом берега рек, начинается паломничество в горы больных, нервно-усталых, ищущих отдыха, бегущих от городской пыли и духоты экскурсантов-туристов.

---

¹—Тайгой ойроты называют снеговые вершины гор.

²—Аржан-Су—целебные источники.

Прежде это право принадлежало чиновникам и толстосумам, купцам. Наметанный глаз жителей курортных деревушек зорко высматривал выгодных постояльцев. Целый год кормилось население этих деревень за счет прибылей, перепавших из рук „воздушников“.

— Сейчас не то...— по долгу изливают тоску по старому, отжитому, невозвратному словоохотливые кумушки.

В невозвратное прошлое ушли „щедрые“ чиновники, „почтенные“ купцы, рыхлые жены их и голые чада.

Целебные воды и климатические станции—Белокуриха, Тюдрала, горячие Рахмановские ключи, Чемал, Манжерок, Абаканский источник, Чарга и др.—стали достоянием членов профсоюзов и колхозников, детей рабочих, студентов, пионеров и комсомольцев.

Всюду загоревшие лица, бодростью горящие глаза, бронзовые полуоткрытые тела юношей и девушек... Звонкоголосая речь пропе-

тарских туристов, закаляющих свой молодой организм, разносится по всем тропам и ледниковым вершинам гор.

Хорошо отдохнуть на берегу ручья... Однотонно звенит его незатейливая песенка... Падают прозрачные капли... долбят камень, веками прокладывая путь к далекому неизвестному морю-Талай.

Тысячи ручейков проворно сбегают в гордую красавицу Катунь. Женское имя, Кадыт, носит она с незапамятных времен.

Много слагалось легенд о Катунь... много песен о ней распевали кожончи.¹

Как легкая лань, скачет она по каменистому руслу бирюзовым потоком... сердито ворчит в порогах... смеется и лепечет, касаясь волной гранита.

Своенравна и прихотлива Катунь.

¹—Кожончи— сказатели былин.

Любит она позабавиться. То плот разобьет, то захлестнет лодку, то паром опрокинет и хохочет дьявольским смехом.

Только эхо вторит ей в горах.

У подножия величайшего ледника Белухи—Катынь Бажи¹—берет свое начало Катунь.

Как будто ища выход, мечется она из стороны в сторону, стремясь прорвать кольцо горной системы. В своем истоке Катунь пробует взять направление на запад, но, встретившись здесь с неприступной стеной холзуна, круто поворачивает на север, снова ударяется в непроходимый кряж и, сделав острую петлю, скатывается по Уймонской долине на юго-восток.

В этом месте Катунь принимает воды Аргута, Чуи и с удвоенной силой бросается в новую атаку. Разодрав каменную грядку, дальше она, не изменяя своего направления, спешит на север—к Бии, чтобы родить богатейшую реку Сибири—Обь.

Величайший ледник—Белуха, у подножья которого берет свое начало Катунь.

Существует легенда, что Катунь была красивейшей девушкой—дочерью ойрота. Богат и знатен был ее отец. С лучшими баями и якшиларами² водил он дружбу. Почетные гости с'езжались к нему со всех концов. Не знал он счета своему богатству... По тучным

¹—Катынь-бажи-Катунский ледник Геблера.

²—Бай—аристократы, богачи, зайсаны. Якшилары—почетные, мудрые люди.

пастбищам бродили его стада и невозможно было охватить их взглядом.

Подошла старость и решил он найти жениха своей дочери, передать ему все богатства свои.

Узнал об этом старый чиновник Бий... Посылает сватов, говорит: „буду твоим зятем“. Не отказал ему старик... обещал выдать дочь.

Узнала об этом Катунь. Затосковала, заплакала девушка... Просит отца:

„Дай мне лучшего коня из твоих табунов, хочу в последний раз насладиться своей девичьей волей“.

Водопад на Катунь.

Исполнил просьбу отец. Поймал ей лучшего аргымака¹, накиннул на него шелковый шердек², оседлал седлом, окованным в серебро.

Села девушка и вихрем помчалась в горы... Долго носилась она по вольным просторам... Заехала на самую высокую скалу с крутым обрывом... завязала коню глаза.. посмотрела последний раз кругом и ринулась в бездонную пропасть...

Стонет с тех пор Катунь рекой у подножия скал, жалуется на судьбу свою.

С давних времен, под звуки топшура³, ведут кончи этот несложный рассказ.

Кроме Бии, Катунь и их бесчисленных притоков, немало рек на Алтае. Наиболее известными из них считаются: Чуя, Аргут, Урсул, Чарыш, Башкаус, Чулышман и Лебедь.

Ойроты верят в магическую силу воды. Знают ее лечебные свойства. Говорят, что в горных расселинах—там, где еще не ступала нога человека, скрыты целебные источники—Аржан-Су. Только

¹ —Аргымак—конь лучшей породы

² —Шердек—попона.

³ —Топшур—струнный музыкальный инструмент.

не любит дух воды—Су-эзи—чтобы об этом рассказывали другим.

Тайну целебных источников крепко хранят старые люди.

Кроме рек на Алтае разбросаны изумрудными пятнами прозрачные, как стекло, и холодные, как лед, озера. Самым величественным среди них является Алтынколь—золотое озеро.¹

Широкой лентой, километров на девяносто в длину, раскинулось оно от устья Чулышмана и до истоков Бии. По сторонам крутые склоны Телецких и Абаканских хребтов. Стройные кедры и корявые лиственницы сбегают к самой воде. Изредка их сменяют огромные скалы, рассеченные полотнами шумных водопадов.

Редко озеро стоит спокойным... Если не „верховка“, то „низовка“² морщит его серебристую грудь... Черной полосой надвинутся волны, заиграют курчавые барашки.. с шумом разобьется первый прибой о гранитный утес, и начнется бешеная переключка громовых раскатов бури.

Озорным становится озеро в эти минуты... Нет такого смельчака, который бы рискнул померяться силой с его стихийным порывом...

Великаны-тучи гасят в озере огненные стрелы молний... Грозовые разряды колеблют землю и, перекатываясь в горах тысячеголосым эхо, свирепо рокочут, сливаясь с шумом волн.

Наконец, затихает битва, проясняется небо и улыбчато загорается игривая поверхность воды.

Озеро торжествует победу.

Холодной сталью отливает оно в вечернее время, как смоль становится—ночью и фиолетово-синим—в утренний час.

Серые туманы стелются над необъятной равниной водных пространств. Корбу и Алтынту,³ запрокидывая шапки, смотрят в озеро, не оторвутся от его чарующих глубин...

Нет другого Алтынколя—золотого озера.

4.

Канду-Алтай.

Канду-Алтай (или кровавый Алтай)—имя ойротским горам.

Не случайно это название. С древних времен сохранились предания о жестокой борьбе, происходившей между ойрот-кижи⁴ и их воинственными соседями.

Народные былины рассказывают о многочисленных героях, богатырях, защитниках и охранителях этого пастушеского племени от разных невзгод.

Сарток-пай—один из наиболее ярких героев народного эпоса.

1—Телецкое озеро.

2—Верховкой и низовкой местные жители называют ветер, дующий с верховьев Чулышмана или с нижней части озера от истоков Бии.

3—Корбу и Алтынту—горные вершины.

4—Ойрот-кижи—ойротский народ.

Он не только побеждает врагов и освобождает свою родину от злых сил, от людоеда Дельбеньгена, но и заботится об улучшении народного быта, об устройении родной земли.

Величие самой природы заставляет приписывать ему сверхчеловеческую мощь. Он проводит реки, передвигает горы, прокладывает пути, строит каменные мосты, жилища, учит людей трудиться.

До наших дней сохранились памятники старины. В некоторых горных ущельях можно отчетливо видеть остатки крепостных сооружений, величественных по своему замыслу и неприступных для военной техники того времени. Это—массивные стены из гранитных глыб, загораживающие собою целые ущелья. О том, что они возведены при помощи человеческих рук, не может быть никакого сомнения.

Таким-же памятником старины является скала надписей по Чуйскому тракту—Бичикту-кайя. На ней до сих пор сохранились исторические записи о борьбе, происходившей в далекие времена.

Здесь ойроты встречали монгольское войско, выдерживая годами осаду противника. Предание рассказывает, что попытки со стороны Сонока, предводителя монгольских войск, взять ойротов обходным путем через вершину горы Сеокту-тайга, кончилось для монголов неудачей. Люди Сонока погибли в снегах неприступных ледников.

Таким образом, природные условия способствовали сохранению независимости ойротов-алтайцев, защищая их от могущественных врагов, но, с другой стороны, это приводило их к замкнутости и способствовало их культурной отсталости.

Ряд ученых исследователей утверждает, что вслед за распадом созданного Чингисом великого ханства, было организовано государство—Джунгария, о чем упоминает и Гергард Миллер:

„Под именем Элет разумеются подлинные уйраты Абулгазовы, которые в нынешние времена по ту сторону алтайских гор между Туркустаном или большою Бухариею и Мунгальскою землею живут особливим самодержавным государством“.

В состав Джунгарии входило несколько ойротских племен, объединенных на основе договорного начала. Этот союз (или федерация народов) носил название „Ойрот“. Территория союза распространялась от Тянь-Шаня до Саянских гор, включая и Северный Алтай.

Но по иному это преломляется в народной памяти. „Ойрот“ уже не рисуется как определенная форма государственного устройства, а превращен в легендарного богатыря—хана, обещавшего своему племени через долгий промежуток лет вернуться, чтобы освободить его от чужеземного гнета.

После разгрома Джунгарии Китаем, ойроты, населявшие Алтай, хорошо защищенные горами, еще ряд лет остаются независимым самоуправляющимся государством. Значительно позже ойроты прибегают к дипломатической хитрости, откупаясь от Китая данью, а по мере распространения влияния России—они действуют таким же образом и в отношении этой страны. Получалась двойная дань, за что рус-

ские и называли их по тому времени—двоеданцами¹. Дорогой ценой покупалось ойротами право на жизнь.

В 1866 г., по договору России с Китаем, территория северного Алтая окончательно закрепляется за Российской державой.

Дальше сопротивление становится немыслимо.

Но в борьбе за свою независимость, и под владычеством России ойроты не перестают лелеять образ легендарного Ойрот-хана, который должен освободить свой народ и вернуть ему счастливые времена эпических богатырей. В долгие осенние вечера, собравшись в юрте, под звуки волнующей музыки—комыс², слушают ойроты повествования какого-нибудь искусного сказочника.

— „Прежде бывших счастливых девяти тысяч лет и семи тысяч серебряных лун, отметивших путь народа, в пору, когда изобилие земли не знало границ и не было счета ее благодеяниям; когда каждый ребенок был крепче столетнего дерева, а ноги девушек быстрее дзерень; когда мудрость стариков, как жемчуга, украшала их головы и как бронза были упруги их мысли; когда не было войн и оружие служило потехой праздным,—в эту счастливую пору шестидесяти шести поколений, населявших Алтай, и таких же семидесяти поколений, находивших пристанище в долинах, где, как звезды неба, не знающие счета, бродили стада и у каждого из них была своя масть, где не было бедствий, иссушающих кровь человека, как осень иссушает траву,—в давние времена оберегал свой народ юноша-богатырь Амыр-Сана, сын Ойрот-хана. Красив и статен был Амыр-Сана и любили его все девушки больше себя. Но появился в горах другой богатырь, завистливый и злой, как чудовище—Кара-Кула. Плохо стало жить народу под властью ненасытного зверя—богатыря. Обеднел народ, все богатство оказалось в руках чудовища. И вызвал его Амыр-Сана на страшный бой, чтобы отомстить за притеснение слабых. Бросились богатыри друг на друга, сцепились руками, упали вместе на землю, затряслась земля, посыпались камни с гор, в реках вода выступила из берегов.

„Снова поднимутся, ударят один другого в грудь, пойдет вихрь. Закачаются деревья, с корнем вырванные кедры и лиственницы повалятся на землю. Черная пыль поднимется до снеговых вершин, заслонит солнце, месяц и звезды, земля задрожит, треснет под ногами богатырей, все огнем опалит за тысячи верст в округности. Проходят дни, месяцы, годы, а богатыри все бьются, и ни один не может осилить другого.

„Войны истощили народ, как плохой корм истощает скот. Когда победит Амыр-Сана—наступит новый, счастливый век“.

---

¹—Бассейн Катунь занят алтайцами, на Чулышмане, Башкаусе и Чуе обитают теленгиты,—все это бывшие „двоеданцы“, т. к. до 1865 г. они платили дань и русским и китайцам („Азиатская Россия“, изд. 1914 г.)

²—Комыс—музыкальный инструмент, имеющий сходство с камертоном.

И встают перед слушателями геройские подвиги Сартук-пая, Ойрот-хана, Амыр-Сана и др. богатырей, защитников народа.

Через день, оставляя позади село Куяган, политгруппа медленно направлялась в сторону Черного-Ануя. Деревушки этого района кишели бандитами. По сводкам, которые мы получали от разведывательных отрядов ЧОН, было видно, что политгруппа находится в центре расположения бандитских сил: Орлова-Пьянкова, Колесникова и Тырышкина.

Осколки разбитой банды Кайгородова еще пытались держаться, занимаясь мародерством и неожиданными налетами на мирное население.

Части ЧОН, ликвидируя их убежища—кулацкие хутора и заимки, создавали для бандитов все более трудные условия.

Чтобы избежать столкновений с бандитами, нам приходилось ехать окольным путем. Но от этого опасность несколько не уменьшалась. Возможность попасть на засаду была так же вероятной, как и всякая иная встреча с передвигающимся врагом.

Мы взяли с собой лучшего знатока горных тропинок и перевалов партизана Дмитриева.

Ему больше семидесяти лет. Он выглядит кряжистым пнем, замшелым от жизненных бурь и непогод. Вся его фигура дышит неиссякаемой энергией. Он самый стойкий из партизан своей деревни Деминой. Восемьдесят человек вместе с Дмитриевым, не покладая оружия, боролись с колчаковщиной и продолжают бороться с бандитизмом.

Впереди, чуть заметным пятном, то скрываясь, то снова показываясь на горизонте, маячит наша разведка. Через несколько часов мы повернули в горное ущелье, идущее по направлению к черно-ануйскому перевалу.

Потянул ветер. С западной стороны, цепляясь косматым краем за гребни утесов, стала надвигаться дождевая туча. Загремел гром. Серая дымка заволокла очертания ближних сопок. Прошла минута и, подгоняемый ветром, захлестал мелкий дождь. Порой он ослабевал и показывался клочок улыбающегося неба. Ослепительно ярко загорался сноп лучей. Потом разом наступала мгла, и дождь начинал лить с бешеной силой. Ехать приходилось каменистым берегом горной речки, пересекая ее через каждые тридцать-сорок шагов.

Только к вечеру мы были у намеченной цели. Быть может, дурная погода, доставившая нам немало неприятных минут, способствовала тому, что мы благополучно выбрались из лап бандитского окружения.

Гражданская война, затянувшаяся на Алтае, выработала привычку действовать в условиях военного лагеря.

Тени далекого прошлого кровавыми призраками реяли над этой горной страной.

Канду-Алтай (или кровавый Алтай)—имя ойротским горам. Не случайно это название. С древних времен сохранились предания о жестокой борьбе, происходившей между ойрот-кижи и их воинственными соседями.

Жилище ойрота из жердей, покрытое древесной корой.

В долинах и горных ущельях, по берегам рек, в одиночку разбросаны юрты-айлы кочевников ойротов. Передвижение за своим стадом не позволяет ойроту заботиться о прочном устройстве жилья. Его дом в любое время может быть перевезен в другое место, или же брошен совсем и построен новый. Для этого не нужно иметь сложных инструментов, не надо учиться строительному делу, ибо нет ничего проще, как поставить несколько жердей, скрепить их конусообразно сверху, закрыть березовой или лиственной корой, привалить жердями — и жилище готово².

Посреди юрты раскладывается костер, непрерывно поддерживаемый в летнее и зимнее время. Огонь для ойрота служит свя-

1—Ойрот-кижи—ойротский народ.

2—Туба-кижи и кумандинцы строят шестигранные и четырех-угольные юрты, как признак перехода к оседлости. Теленгиты живут в юртах, крытых кошмой.

ценным источником, охраняющим его жизнь. Поэтому ничего нет почетнее и выше домашнего очага.

Юрта условно делится на две половины. Справа от входа располагаются женщины, дети, а в зимнюю стужу и весь приплод овечьего стада; слева — хозяин юрты, а впереди — накопленное добро.

По внешнему виду ойрот напоминает монгола. Глаза его — две мандалины, светящиеся через раскосую щель опухших век. Торчащие скулы и приплюснутый нос придают лицу выражение каменной неподвижности и вековой затаенной боли.

Изредка можно встретить у ойротов жалкий намек на усы и бороду: на стриженной макушке торчит косичка — кейдег.

Среди ойротских женщин немало красавиц. Их смуглая кожа во всю щеку налита румянцем, губы ярче кызылгат-красной смородины, высокие брови излучены дугой, как стрелы, ресницы и, как у серны, — элик, глаза.

Две черных косы перевиты тяжелым украшением из ракушек — дяламаш. Гибкий стан затянут в чегедек¹, расшитый позументом и схваченный на груди двумя рядами красных костяных шариков.

Прекрасна в своей наивной простоте ойротская девушка. Но за то, когда она станет старухой караган эмегень, — какая страшная перемена произойдет во всем ее существовании.

Лицо избородят морщины, брови и ресницы исчезнут, появится горб, седые волосы выскользнут из под облезлой шапки, а на плечах вместо чегедека обвиснут лохмотья изношенной шубы — тон, прикрывающей костлявое тело.

Ойротская девушка.

Рано старилась ойротская женщина. Причина этому были — непосильный труд, бесправное положение.

¹ — Чегедек — особое верхнее платье замужней женщины.

Женщина—хозяйка-мать—одна несет тяготы пропитания семьи. Она своими руками разрыхляет мотыгой-абылом¹ землю, засеивает ячмень, убирает его, мелет на ручных жерновах, чтобы приготовить жареную муку-талкан.

Из молока готовит сыр-курут и арчи, сквашивает чегень, который перегоняет на водку арака, шьет обувь, одежду, выделяет овчины, поддерживает огонь и возится с ребятами. Мужчина почти никогда не ведет этой черной работы. Он—только охотник и скотовод-пастух.

Еще терпимо положение ойротской семьи в летнюю пору. Солнце наполняет радостью долины и горы, леса и ручьи, обитателей аила и обитателей звериного логова.

Дети пьют эту радость, сверкая бронзовым телом на цветистом ковре солнцепека. Их гортанный щебет далеко разносится, гармонируя с шумом падающей воды, с шелестом трав, с перезвоном хвои и трепетом листьев белоствольных берез.

Но стоит показаться зиме, завять, застонать вьюге, как резко переменится жизнь ойротской семьи. Жутко видеть картину, когда полураздетые, в трескучий мороз, дети и взрослые жмутся вокруг костра. Гудит, завывает метель. Острые иглы мороза, проникая в щели юрты, пронизывают до костей детское тельце, инеем покрывают одежду.

Еще тяжелее в это время становится ойротке-матери. Родивши ребенка, она обтирает его снегом, посыпает пеллом и, закутав в обрывки звериных шкур, укладывает в люльку—кабай. Какую нужно иметь живучесть, чтобы вынести эту обстановку!

Вот почему вся мифология ойротского народа связана с злыми духами, стерегущими на каждом шагу свою жертву. Эрлик, Кара-мене и Керемес² держат в постоянном страхе ойрота. Он не знает, как умиловить их гнев. Он приносит им кровавые жертвы, упрашивает кама³ быть посредником между ним и разгневанным божеством.

Но беспредельны старания. Неумолима, как смерть, окружающая действительность, неизбежны муки, посылаемые всяким явлением природы, становящимся для ойрота грозным, неотвратимым, карающим бичем.

Сегодня мы проводим массовое собрание кочевников-ойротов, разбросанных по Ябоганскому плоскогорью, по Усть-Кану, по течению реки Чарыша и вершинам Песчаной.

Весть о приезде политгруппы быстро разносится по урочищам и отдельным аилам Усть-Канского аймака⁴. Лучше телеграфа работает табыш-связь—устная почта, радио горных и степных наездников⁵.

1—Обработка почвы мотыгой или абылом практикуется до настоящего времени в самых глухих уголках Горного Алтая

2—Эрлик—злой дух, посылающий болезни и смерть, Кара-мене и Керемес—его слуги.

3—Кам или шаман—служитель религиозного культа.

4—Аймак—район.

5—Табыш—новость, которой обмениваются при встрече ойроты.

Меджит-Иванов говорит на родном языке туземцев о том, как трудно жилось ойротам при старом строе, как злы и кровожадны были царские чиновники, сколько горя, слез, унижений, обмана и подлости переносили ойроты от прежних купцов, как хитры были попы.

Громадный круг слушателей, затаив дыхание, боясь проронить сказанное слово, внимательно следит за каждым движением Меджита.

Ойроты сидят на корточках, посасывая самодельные трубки с длинными чубуками, изредка обмениваясь ими в знак приветствия с хорошими знакомыми. Лица серьезные. Знает каждый, что произошло что-то великое, изломавшее старые порядки, освященные веками.

Но что будет вместо этого,—никто не знает. И эта неразгаданная тайна пугает робких слушателей. То, что говорит Леонид вслед за Меджитом, кажется таким-же фантастичным и непонятным, как сказка.

— Некорлер!¹ —обращаются ближе сидящие,—скажи, друг, как будет править совет башкару?²

— Зачем война? Не надо война!

— Кто такой большевик?

— Можно—нет охоту делать, орех брать?..

— Арака пить?... Мало-мало жить как-нибудь!?... —

— Какой такой Ленин?...

— Знает—нет он, как живет ойрот-кижи?

Один за другим возникают вопросы, порою детски наивные, но глубоко волнующие своей непосредственностью и простотой.

Когда Леонид с Меджитом рассказывают о том, как жил и боролся Ленин, многие одобрительно кивают головой, понимая, что гениальный вождь и учитель рабочего класса указал всем угнетенным и обездоленным правильные пути к их освобождению от ига капиталистического рабства.

Митинг закончен, но не хотят раз'езжаться ойроты, взволнованные наплывом новых дум. Сидят, хмурятся, стягивая брови в одну изломанную линию.

Для них Ленин стал незабываемым именем. Больше, чем Ойрот-хан. Ленин—друг, учитель, вождь.

6.

Родовой быт.

Только в горах, утром, можно пить такой сладостно-пряный воздух!

Солнце чуть поднялось.

На гребнях сонных гор пенятся снежной белизной зацепившиеся пушинки облаков.

---

¹ Некорлер—товарищ.

²—Совет башкару—советская власть.

Голубая сетка окутывает лес, едва прикасаясь к гранитным выступам скал.

Трава в жемчужных блестках росы.

Толмачев и Ролико-Виноградов маячат черными точками, оставляя после себя взбитое облачко пыли.

Меджит с Леонидом едут рядом.

Мне слышно каждое их слово, но я подтягиваюсь еще ближе, чтобы не упустить ничего из заинтересовавшего меня рассказа.

Меджит говорит:

— У ойротов до сих пор еще сохранилось заметно выраженные остатки родового быта.

Сеок—кость или род—играет для них не маловажную роль. Всего лишь в 1913 г. окончательно было упразднено родовое управление—зайсанство.

Зайсаны и демичи, их помощники, являлись родовыми старейшинами, получавшими право управлять своим родом по наследству. Зайсан был несменяемым полновластным хозяином своего рода, он чинил суд и расправу, собирал подати-ясак, входил во всякого рода административные взаимоотношения с русскими властями.

В 1880 г. русское правительство сделало первую попытку лишить зайсанов их привилегий. Оно издало закон о переименовании зайсанов и демичей в родовых старост и выборности их сроком на три года. Но эта мера встретила глухое сопротивление ойротов. Они бойкотировали закон. Каждый род охранял прежние права и названия зайсанов, а также пожизненно подтверждал их полномочия в определенные избирательные сроки.

Второй попыткой—и более решительной—был закон 1913 г. Царским правительством было произведено административное разделение Ойротии вместо родовых дючин на волости. На общих основаниях вводилось избрание волостных старшин и сельских старост.

Не прошла и эта мера без определенной борьбы. Население отказалось выбирать новое начальство. Зайсаны и демичи не сдавали присвоенные им печати-тамги; были случаи, когда они прибегали даже к вооруженному сопротивлению царской полиции.

Наиболее стойко проявил себя в этом отношении зайсан 2-й дючины Белэк. Он с приверженцами из своего рода разогнал отряд полиции и только вторично, с участием байского исправника, полицейского пристава и более сильного вооруженного отряда, удалось взять Белэка и навсегда выслать за пределы Ойротии.

Мы незаметно поднялись на косогор. Дорога осталась в стороне. Ехали затерявшейся тропой в колючем щебне старинных осыпей, Кругом безлюдье. Вдруг на повороте показался огромный як—сарлык. Он дико хрюкнул и, освещенный солнцем, застыл в медлительном раздумьи.

Меджит продолжал:

— Но отсюда вовсе не следует вывод, что среди туземцев-ойротов не существовало классовой розни. Перед лицом более сильного угнетателя, каким являлось царское правительство с его полицейским режимом, это внутреннее противоречие как будто сглаживалось. На время забывались обиды, нанесенные собственной родовой аристократией, зайсанами, баями и якшиларами, потому что обиды русских были острее, их гнет был крепче, ярмо колониальной зависимости было позорнее.

Однако, если присмотреться ближе, если взглянуть на подоплеку взаимоотношений батрака и хозяина (иной раз таких батраков насчитывалось десятками у отдельных влиятельных и богатых лиц), если глубже изучить формы и методы применявшейся эксплуатации со стороны баев, зайсанов и нарождавшейся национальной торговой буржуазии, то станет ясно, что внутреннего мира быть не могло.

С одной стороны, был зависимый от богача-ростовщика—бесправный, вечно обманутый, полуголодный и несчастный номад-пастух, а с другой—владетельный князек, чинящий суд и расправу над этим парнем, оборванцем, нищим.

Чем крепче была власть бая, чем больше было богатство, чем он свирепее расправлялся с подчиненным ему народом, тем он был ближе сердцу русской буржуазии, тем умиленнее смотрело на него русское миссионерство и полиция.

Таким знатным князьком был Аргымай-Кульджин-бай, эксплуататор, „коннозаводчик двора его величества“. Он не раз бывал в столице, ездил в Германию и Англию для изучения коннозаводства. Как хитрый паук, разбрасывая паутину, он становился одним из крупнейших националов-капиталистов—предпринимателей на Алтае. Все, что он делал, он прикрывал показной любовью к своему народу, желанием его культурно возвысить—перевоспитать.

Так проходило классовое расслоение, и чем дальше, тем его формы становились более ярко выраженными.

Постепенно из наиболее предприимчивых богачей-алтайцев выработались такие торгаши, как Тобоков, Манжи, Сапог, Чепкин и др.

Они учились у русских купцов их мастерству обмана. Некоторые из ойротов проходили школу миссионерской выучки и стали попами—паразитами, не уступавшими своим учителям.

Так капитализм, идя в ногу с царской политикой, разрушал родовые устои.

Меджит остановился на минуту, словно ища нить прерванного рассказа.

—В бытовом отношении у ойротов сеок еще и поныне неразрывно связывает всех членов данного рода. Девушка не может

выйти замуж за сирота, принадлежащего к тому же сеоку, к которому относится сама невеста. Сотни, а может быть и тысячи лет тому назад у них был общий предок, положивший начало существованию рода... они от одной кости... близкие родственники, не могущие составить новую семью.

О сиротах и беспризорных также заботится род.

В обрядном отношении жизнь ойротов скупа на краски.

Они совершенно не знают праздников. Кроме свадьбы, похорон и камлания¹ у них нет поводов для каких-бы то ни было общественных собраний.

Даже на свадьбе они не поют веселых песен, не устраивают игр, никогда не танцуют, почти не знают, что такое смех.

В их пении—похоронный мотив, в музыке—тоска, в играх—отсутствие движений, в любви—нет ласки.

Молодой ойрот, когда приходит время жениться, едет в другой сеок и ворует себе невесту. Его товарищи, родственники, а то и сторонники из другого сеока помогают воровству.

Быв. председатель ойротского облревкома Меджит-Иванов.

Улучив момент, девушку хватают, связывают и передают жениху. Если случается так, что погоня грозит настигнуть этот примитивный свадебный поезд, то жених, на глазах у проследователей, насилует свою жертву. После этого брак считается состоявшимся и не может быть никакого разговора о возврате девушки в свой прежний аил. Родственники, вместо того, чтобы вернуть похищенную бойлу-невесту, договариваются о сроке свадьбы.

Во время свадебного торжества сговариваются о размерах калыма². Обычно этот договор достигается обоюдным соглашением старших представителей породнившихся семейств.

Но бывают и иного рода свадьбы, когда девушку просто покупают, выплачивая калым, и дают ей в мужья 2-х или 3-х летнего бала-ребенка.

Жене приходится многие годы выращивать себе мужа, пока он не бросит ее и не вздумает украсть новую бойлу.

¹—Камлание—жертвоприношение.

²—Калым—плата за невесту.

Как общее правило—многоженство у ойротов изживается, а также нет того затворничества женщин, какое практиковалось у других восточных народов. Их нравственный кодекс не знает драконовской верности мужу. Ойротка-ойнош¹ — не исключение. Очень часто мужу не безызвестно, с кем из соседей находится в интимной связи его супруга. Однако, это не влечет за собой сцен ревности. Спор и убийств на этой почве совсем не знает история ойротов.

Об'ясняется это тем, что было время, когда род не расчленился на отдельные семьи и женщины принадлежали сообща всему составу мужчин данного сеока.

Вот почему так непрочны семейные отношения ойротов в переживаемую ими эпоху распада родового быта.

Вечером мы под'езжаем к подошве Кырлыкского седла. В стороне от дороги виднеются юрты. Навстречу нам гурьбой скачет, перегоняя друг друга, ойротская детвора. Отвыкшая лаять, собака захлебывается простуженным кашлем. Отбежав в сторону, ребята осматривают нас с очевидным любопытством. Ближе всех стоит, распахнув лохмотья шубы, голая девочка. У ней подкупающий взгляд, черные глазенки искрятся смехом. Волосы залетены в девять шнурочков-кос.

— Якши-бы!.. Эзень!.. Не табыш!..—бросаем мы известные нам приветствия.

— Якши!..—отвечает девочка и, повернув к юртам, стремительно убегает вперед, мелькнув в вечерних сумерках серым комком потрепанных меховых обрывков одежды.

Мы останавливаемся у первого попавшегося айла. Расседлываем лошадей. Знаем, что нам нечего спрашивать хозяина о ночлеге. Такой вопрос звучал-бы оскорблением, нарушающим правила гостеприимства.

Родико-Виноградов с проводником Сабаром берутся готовить ужин. Купленный барашек в несколько минут разделан на части острым ножом Сабара. Жарим на пылающем костре куски баранины, нанизанные на деревянную тычку.

Через Сабара узнаем, что в соседнем айле, по случаю болезни старухи — матери встретившей нас девочки, предстоит камлание.

Мы видим, как оживились и заблестели глаза Сабара. Он жадно сосет свою корявую трубку. Сплюнув в сторону коричневую жижу, говорит:

— Мала-мала арака пить будем... лечить надо старуха... Камлать шибко корошо.. пускай живет старуха... Пойдешь-нет смотреть?..

Мы принимаем приглашение, несмотря на скованное усталостью тело после дневной поездки.

---

¹—Ойнош — женщина свободного поведения.

К а м ы.

Религиозные верования ойротов определяются древнейшей из религий—шаманизмом¹. Кам, или шаман, служит посредником между творцом вселенной Ульгеном, злым, кровожадным Эрликом и остальными смертными, не наделенными способностью вызывать духов.

Камы охраняют религиозные догмы, они поддерживают в своих единомышленниках панический ужас перед явлениями природы, приписывая их воле того или иного божества.

Все доброе—исходит от Ульгена, все злое и нехорошее — посылает Эрлик. Но выше того и другого Уч-Корбустан—творец невидимых духов, непостижимый для понимания, бог богов, создатель неба и солнца.

Ойроты считают, что землю и человека создал Ульген, но, пользуясь недосмотром, Эрлик вдохнул в его творения живую душу. Уч-Корбустан, разгневанный таким вмешательством, определил Эрлику царство преисподней, откуда он никогда не показывается на свет.

— „Во мраке вечной ночи, с бородой и усами, с черными как уголь глазами, налитыми кровью, на престоле из семи бобров, в железном дворце, окруженном рекой Тойбодым, владычествует богатый Эрлик.

Одежда кама.

¹ — Ядринцев в своей книге об алтайцах и черневых татарах говорит так: „Эта народность сохранила связь с древнейшими религиями Азии, унаследовала их языческие мифы, наконец, пережила несколько стадий в религиозных воззрениях, поэтому представляет богатый материал для мифологии“. („Об алтайцах и черневых татарах“. Томск, изд. 1881 г., стр. 16).

У него семь сыновей и девять дочерей: черных, вертлявых, бесстыдных, обвивающих свой стан волосами.

На заре Эрлик пьет человеческую кровь.

Через своих верных слуг он посылает людям болезнь, голод и мор¹.

Так говорит кам.

Душа умершего, по преданию, идет в подземное царство Эрлика.

В загробной жизни ойрот не знает рая, ему нечего заботиться о будущем, ибо законов, предназначенных от века, не избежишь¹.

Поэтому в своих обращениях к Ульгеню или в приносимых жертвах Эрлику ойрот стремится упросить божество, пока он жив, быть к нему снисходительным, избавить от болезни, падежа скота, от всяких несчастий, встречающихся на его жизненном пути.

С этой целью устраиваются общественные камлания.

Сегодня мы являемся неожиданными участниками шаманских действий.

В юрту с'езжаются соседи, хорошо знакомые, родственники. Каждый из них привозит приношение каму—большой кожаный ташаур арака.

Бубен кама.

Кам занимает почетное место. На нем одета шапка, украшенная свиными перьями, на плечах костюм, обвешанный разноцветными

¹—Обряд погребения умерших прошел несколько степеней:

„У кумандинцев мы нашли погребение покойников в земле, говорят, что им запрещено было оставлять их на деревьях. У телесов покойников кладут между камней. Недавно был еще обычай класть их на деревья, но он исчезает. Как нам передавали очевидцы, у алтайцев еще недавно исчезло сжигание трупов, и мы видим даже свидетелей совершения этого обряда“ (Ядринцев—„Об алтайцах и черневых татарах,“ стр. 19).

лентами-жгутами, на спине семь колокольчиков в честь духов—покровителей и помощников кама.

В руках он держит громадный бубен-тонур с колотушкой-орбой, обшитой кожей и лентами на рукоятке.

Изредка он проводит орбой по туго-натянутой коже подсушенного над костром бубна.

Ждет, когда сядет солнце и ночное небо покроется горящими маками звезд. В юрте ни звука. Ярко пылает костер, отбрасывая на лица сидящих кроваво-красные блики. Сзади уродливо переплетаются тени.

Кам делает быстрое движение, он точно проснулся, услышал голос хана-Суйлы, зовущего кама в заоблачные сферы. Медленно зарокотал бубен. В такт этому рокоту полились гортанные звуки, привлекающие своей таинственностью. Они растут, ширятся, переходят в бурю словесных ритмов.

Не прекращая своей колдовской музыки—песни, кам встает, его веки полуопущены, глаза горят. Медленно вращая бубном, он обходит вокруг костра.

Несколько резких ударов—и завертелся в бешеном круговороте, все ускоряя темп. Это—полет в небо, в страны вечного солнца, к жилищу Ульгеня, или блуждание в подземных провалах Эрлика, охраняемых чудовищными преградами.

Через своего проводника—хана-Суйлу кам узнает, какой жертвой можно умиловать разгневанное божество и как избавиться хозяину юрты от подстерегающих его несчастий.

После этого кам, измученный, возвращается обратно. Лицо у него бледное, глаза ввалились, губы покрыты окровавленной пеной.

Его фигура грузно опускается на заранее отведенное место.

Слушают кама.

Утром начинается приношение жертвы.

Большое ласковое солнце бросает первый луч. Вершины гор курятся, задернутые голубоватой сеткой тумана,

Все оживает.

Мужчины-ойроты по-деловому хлопочут, сооружая таилгу¹.

В стороне нарядно играет белыми лентами текпыш-лестница в небо, устрсенная из двух березовых жердей, соединенных бичевкой.

К одной жерди привязана лошадь, обреченная на жертву, к другой—пучок вереска для окуривания.

Появляется кам.

Его окружает толпа, молчаливо ожидающая начала кровавого действия.

Медленно обмениваются трубками.. Смотрят тупым, бесстрастным взглядом на тревожно захрапевшее, забившееся в испуге животное.

Птичьим клекотом разносится голос кама:

— Арчин-кырчин аласту!

— Ак аржан дунулю!

— Ак Алтайдынг Эези!

— Албатынын Моргугэн Алтай!

— Ак поро колзопу!

— Ак Алтайдынг Эези!¹

Разом отделяется несколько человек. Они набрасывают петлю на ноги лошади и под общий гам, как по команде, раздергивают их в стороны.

Неестественно рушится тело, с треском выворачиваются лопатки.

Большие лошадиные глаза наполняются предсмертным ужасом. Кам, запустив руку в горло животного, душит его на протяжении долгих, как вечность, страшных, неотвратимых минут.

После этого поворачивают распятое на земле тело и в большие деревянные чашки выпускают горячую, дымящуюся в утреннем холодке, кровь. Обмакнув пальцы, кам смазывает кровью деревянные губы медноглазого божка-Эези, торчащего вместо рукоятки во внутренней части бубна. Вслед за этим, по очереди, начинают прикладываться к кровавой жиже все присутствующие.

Снятую шкуру животного продевают до самой головы острым концом жерди и поднимают на таилгу.

В таком состоянии она остается до тех пор, пока не истлеет, пугая путников жутким оскалом лошадиных зубов.

Мясо и кости, разобранные по суставам, закладываются в котлы и долго еще длится кровавый пир.

Эхом разносятся по окрестностям дикие гортанные выкрики.

1—Таилга—жертвенник.

2—В переводе: „владыка многогранного Алтая. Ты достоин курения из вереска и омовения целебной водой. Белая лошадь, посвященная тебе, стоит на месте поклонения... Ты—владыка Алтая“...

Колонизаторы.

С Кырлыкского седла к югу открывается величественная панорама. Отсюда виден Холзун, Тюгурюкские и Теректинские хребты. Их вершины пестрят снеговыми пятнами. Высота гор подчеркивается близостью широкой безлесной долины, носящей название Абайской степи. На десятки километров заметно, как колесная дорожка, почти отвесно спустившись по склону Кырлыкского седла, лентой протянулась через степь.

Это—начало Уймонского аймака.

Здесь основались первые колонизаторы края.

Уймон является житницей Ойротии.

Весь он изрезан сеткой искусственных орошений-арыков, покрыт пашнями и заливными сенокосными лугами.

Почти все население состоит из старообрядцев-кержаков—фанатиков и ревнителей старой веры. Крепок их устоявшийся быт.

Сложна система подчинения наставникам. Цепко держат верх в своих лапах кулаки. Придавлена беднота. Нет сил избавиться от кулацкого произвола.

Не один кулак и зажиточный насчитывает у себя десятками и сотнями голов скота. Замшелые амбары ломаются от избытков духмяного хлеба. Бабы их мастерицы стряпать жерные пироги, сдобные шанежки, каральки, разные завитушки да выдумки. Умеют изготовлять всякие вэрева. В погребах у них на круглый год хватит соленых и квашеных приправ. Там-же стоят матерые бочки квасов, медовух, травянок.

В избах распорядок и строгая домовитость. Воздух пропитан запахами душицы, сосны, герани. Сундуки туго набиты цветистыми сарафанами, кашемировыми юбками, домотканной пестрядью, шальями да полушалками. Баско любят одеваться кулацкие модницы. По десять юбок враз нанизывают, чтобы показать свой достаток.

Справно живут уймонские старожилы.

Не глянется уймонским старожилам советской строй. Не лежит у них сердце к „коммуни“.

— По старинке-бы надо. Неча рушить установленное дедами.

Когда заворошилась банда в горах, уймонцы скопом поднялись. Кровное свое решили зубами вырвать. Биться до последнего. Не дать антихристу перевести в свою веру. Лучше приобрести венец мученический, умереть, только не отступить от закона, в котором жили спокон-веков, „богом и святыми угодниками заповеданного“.

Вот он, Уймон, где предстояло политгруппе проделать сложную большую работу. Нужно суметь убедить, растолковать, разбить фана-

тизм, вырвать большинство из-под влияния кулачества, заложить основы Советской власти.

Выполнить решение парткома.

По-боевому—на ответственный участок фронта!

На протяжении двух с половиной столетий заселялся Алтай русскими пришельцами.

Первыми были старообрядцы-кержаки. Теснимые за веру „древлего благочестия“, они искали защиты в камнях, за казачьей линией, подалее от полицейского взгляда и провокаторской деятельности никонианских попов.

Власти называли их „каменными людьми“.

Об этом названии и сейчас вспоминают столетние старцы—уймонские раскольники. Они рассказывают о какой-то потерянной грамоте царицы, по которой разрешалось „каменным людишкам жить на малой земляце за казачьей линией, оброками их не донимать, в солдаты не уводить и всякими благами от той земляцы пользоваться“.

Перечисленные льготы увлекали все большее количество смелых, предприимчивых, решительных людей, не останавливающихся перед трудностями тысячеверстного пути,—лишь бы найти такой уголок, где не было барщины, оброков, солдатчины и каждый мог верить так, как ему хочется.

Широко разносилась молва о привольном житье „каменьщиков“.

Соблазнительной и увлекающей была речь, побывавших за казачьей линией:

— Земляцы там людны, хлебны, собольны. Всякого зверя много, хлеба родится много. Реки рыбны.

Засельщики-кержаки рубили крепкие—„кондовые“—избы из листвяка. На туземцев-ойротов смотрели, как на погань. Иной раз вступали с ними в горячие споры из-за какого-нибудь нового участка земли. В таких случаях действовали всегда скопом. Сообща боролись за свою жизнь.

Ойроты, будучи разрозненными, уступали кержакам. Они бросали насиженные места в долинах и перекочевывали дальше в горы.

Так пядь за пядью, на протяжении годов, отвоевывались лучшие земли ойрота. Выросли деревни. Появились Верхний и Нижний Уймон, Абай, Усть-Кокса, Катанда, Онгудай, Шебалино, Чемал и Улала.

В эти горные поселки сбегались „варнаки“, бергалы-каторжные и поселенцы, утратившие всякую веру в возможность когда-нибудь вернуться на родину.

Уходили в кержацкие места крепостные Колыванских заводов. Многие из них занимались грабежом, захватничеством, разорением ойротских стойбищ.

Не было сил у ойротов противиться злему царю, пославшему нехороший народ.

Затаили злобу...молчали...думали...

Много лет прошло с тех пор, как в горах „Ойрота“ появились первые купцы-продувные, жадные к наживе, не брезговавшие никакой мошеннической проделкой, увеличивавшей их капиталы.

Азиатские методы торговли создали им широкую славу беззастенчивых эксплуататоров, разбойников, душителей побежденной нации.

Открытый обман, кабала, вымогательство, грабеж и захватничество способствовали еще более быстрому разорению кочевников-ойротов.

Многие и сейчас помнят торговые сделки, когда за копеечное зеркальце ойрот отдавал русскому купцу лучшего быка из своего стада. Со сказочной быстротой накапливались богатства. Так создавались купеческие „фамилии“ Мокиных, Поповых, Асановых, Фирсовых, Морозовых и др. миллионеров и тысячников.

„Белка покупается за 3 коп.,—пишет Ядринцев,—а цена ее от 15 до 20 коп. Зато все купеческие товары идут в высшей цене. Драдедам в 60 коп. продается по 3 руб. арш., бязь вместо 9 коп.—по 30-35 коп., кумач, стоящий 18 коп., продается по 40 коп. Шесть перламутровых пуговиц дают за одну белку. Мы не говорим о порохе и вине. Порох доходит до 3 руб. фунт, вино, разбавленное—до невероятной цены“.

Дополняя характеристику этого жульнического торга, он говорит:

„Взыскание долга берет сам на себя кредитор. Он раз'езжает по инородческим улусам с приказчиками и, если считает своевременным получить долг, то не прибегает к судебному иску, а просто стбирает скот. Прежде это взыскание производилось угоном целых табунов“.

Часто бывали случаи, когда ойрот, вернувшись с охоты, приносил с собой огромное количество соболей, горностая, белки, лисицы. Бережно укладывая добычу в кожаные мешки, думал:

„Ту-Эези—горный дух—послал большую добычу...много зверя убил...Стану богатым хозяином...почетным человеком в народе. Русский купец—хороший друг...даст полные горсти серебряных денег...товар даст...—скажет:—„бери друг, все бери...ничего не жалко“.

Но не так действовал русский торговец. Он являлся к ойроту с запасом водки, спаявал его до потери сознания, льстил, уговаривал, раскладывал перед ним мишуру, медные кольца и другие пустые вещи, долго и старательно торговался, пока не забирал всю пушнину за бесценок.

На другой день ойрот жаловался своему соседу:

— Зачем орус-кижи обида делал? Соболя брал...белка брал, лисица брал...все брал...как жить будем? Кокый-корон!¹

Так обманом и хитростью сколачивали свои капиталы русские торговцы.

¹—Кокый-корон—выражение отчаяния.

тизм, вырвать большинство из-под влияния кулачества, заложить основы Советской власти.

Выполнить решение парткома.

По-боевому—на ответственный участок фронта!

На протяжении двух с половиной столетий заселялся Алтай русскими пришельцами.

Первыми были старообрядцы-кержаки. Теснимые за веру „древлего благочестия“, они искали защиты в камнях, за казачьей линией, подальше от полицейского взгляда и провокаторской деятельности никонианских попов.

Власти называли их „каменными людьми“.

Об этом названии и сейчас вспоминают столетние старцы—уймонские раскольники. Они рассказывают о какой-то потерянной грамоте царицы, по которой разрешалось „каменным людишкам жить на малой землице за казачьей линией, оброками их не донимать, в солдаты не уводить и всякими благами от той землицы пользоваться“.

Перечисленные льготы увлекали все большее количество смелых, предприимчивых, решительных людей, не останавливающихся перед трудностями тысячеверстного пути,—лишь бы найти такой уголок, где не было барщины, оброков, солдатчины и каждый мог верить так, как ему хочется.

Широко разносилась молва о привольном житье „каменьщиков“.

Соблазнительной и увлекающей была речь, побывавших за казачьей линией:

— Землицы там людны, хлебны, собольны. Всякого зверя много, хлеба родится много. Реки рыбны.

Засельщики-кержаки рубили крепкие—„кондовые“—избы из листвяка. На туземцев-ойротов смотрели, как на погань. Иной раз вступали с ними в горячие споры из-за какого-нибудь нового участка земли. В таких случаях действовали всегда скопом. Сообща боролись за свою жизнь.

Ойроты, будучи разрозненными, уступали кержакам. Они бросали насиженные места в долинах и перекочевывали дальше в горы.

Так пядь за пядью, на протяжении годов, отвоевывались лучшие земли ойрота. Выросли деревни. Появились Верхний и Нижний Уймон, Абай, Усть-Кокса, Катанда, Онгудай, Шебалино, Чемал и Улала.

В эти горные поселки сбегались „варнаки“, бергалы-каторжные и поселенцы, утратившие всякую веру в возможность когда-нибудь вернуться на родину.

Уходили в кержацкие места крепостные Колыванских заводов. Многие из них занимались грабежом, захватничеством, разорением ойротских стойбищ.

Не было сил у ойротов противиться злему царю, пославшему нехороший народ.

Затаили злобу...молчали...думали...

Много лет прошло с тех пор, как в горах „Ойрота“ появились первые купцы-продувные, жадные к наживе, не брезговавшие никакой мошеннической проделкой, увеличивавшей их капиталы.

Азиатские методы торговли создали им широкую славу беззастенчивых эксплуататоров, разбойников, душителей побежденной нации.

Открытый обман, кабала, вымогательство, грабеж и захватничество способствовали еще более быстрому разорению кочевников-ойротов.

Многие и сейчас помнят торговые сделки, когда за копейное зеркальце ойрот отдавал русскому купцу лучшего быка из своего стада. Со сказочной быстротой накапливались богатства. Так создавались купеческие „фамилии“ Мокиных, Поповых, Асановых, Фирсовых, Морозовых и др. миллионеров и тысячников.

„Белка покупается за 3 коп.,—пишет Ядринцев,—а цена ее от 15 до 20 коп. Зато все купеческие товары идут в высшей цене. Драдедам в 60 коп. продается по 3 руб. арш., бязь вместо 9 коп.—по 30-35 коп., кумач, стоящий 18 коп., продается по 40 коп. Шесть перламутровых пуговиц дают за одну белку. Мы не говорим о пороше и вине. Порох доходит до 3 руб. фунт, вино, разбавленное—до невероятной цены“.

Дополняя характеристику этого жульнического торга, он говорит:

„Взыскание долга берет сам на себя кредитор. Он раз'езжает по инородческим улусам с приказчиками и, если считает своевременным получить долг, то не прибегает к судебному иску, а просто стбирает скот. Прежде это взыскание производилось угоном целых табунов“.

Часто бывали случаи, когда ойрот, вернувшись с охоты, приносил с собой огромное количество соболей, горносталя, белки, лисицы. Бережно укладывая добычу в кожаные мешки, думал:

„Ту-Эзи—горный дух—послал большую добычу...много зверя убил...Стану богатым хозяином...почетным человеком в народе. Русский купец—хороший друг...даст полные горсти серебряных денег...товар даст...—скажет:—„бери друг, все бери...ничего не жалко“.

Но не так действовал русский торговец. Он являлся к ойроту с запасом водки, спаивал его до потери сознания, льстил, уговаривал, раскладывал перед ним мишуру, медные кольца и другие пустые вещи, долго и старательно торговался, пока не забирал всю пушнину за бесценок.

На другой день ойрот жаловался своему соседу:

— Зачем орус-кижи обида делал? Соболя брал...белка брал, лисица брал...все брал...как жить будем? Кокый-корон!¹

Так обманом и хитростью сколачивали свои капиталы русские торговцы.

¹—Кокый-корон—выражение отчаяния.

Но самым жадным, самым наглым эксплуататором по отношению к ойротам был русский царь.

Все богатство недр, все леса и земли Алтая, по указу императрицы Елизаветы в 1747 г., были объявлены принадлежащими „кабинету его величества“. Без оплаты аренды нельзя стало ни охотиться, ни вести скотоводство, ни заниматься земледелием, ни развивать промыслы.

Царица Елизавета предписывала бригадиру Беэру:

„Ехать тебе на Колывано-Вознесенские заводы умершего действительного статского советника Аквифия Демидова и учинить там следующее: оные Колывано-Вознесенские, Барнаульские, Шубинские и прочие заводы взять на нас. Строениям и рудам сделать опись и оценку, что стоит,—для знания, что должно будет наследникам его из казны нашей заплатить... и о том о всем справиться, где надлежит, и прислать нам известие“.

Автор статьи, помещенной в книге „Азиатская Россия“, изданной главным управлением землеустройства и земледелия, говорит:

„С тех пор император стал частным собственником обширных земельных пространств в Сибири. Алтайский округ составил одно имение в 40 миллионов десятин (около 400000 кв. верст), т. е. по величине своей превосходящее Пруссию, равняющееся $\frac{5}{6}$ Франции и могущее вместить в себя почти три европейские Швейцарии“.

Это было величайшее помещичье имение частного собственника—царя Романова. В период крепостной зависимости нельзя было найти более жуткой формы использования рабского труда, какая практиковалась русскими царями на своих собственных колыванских заводах. Крепостных крестьян превратили в скот,—безмолвный, покорный, выносливый, исполняющий волю коронованных помещиков—феодалов.

Горное дело велось даровым трудом приписанных к заводам алтайских крестьян. Эта приписка производилась сначала отдельными семьями, деревнями, а потом волостями и уездами. Таким образом всего было приписано в 1861 г. 145.612 ревизских душ, из которых 138000 привлекалось на горнозаводские работы. Но так как этого количества было недостаточно, для пополнения кадров рабочих по всей Сибири объявлялись рекрутские наборы.

Приписанное же население стало использоваться на рудниках и заводах, начиная с 7-летнего возраста и до полной потери трудоспособности.

Лишь к концу крепостного права была проявлена „царская милость“. Бессрочный каторжный труд по 12 часов в сутки был заменен „тридцатипяти-летней беспорочной службой“. За все это выплачивалось каждому рабочему от 15 до 40 руб. в год.

Без производства крупных затрат, путем зверской эксплуатации крепостных крестьян, царь добывал тысячи центнеров серебра, свинца, меди.

Таким образом, царь был не только крупнейшим помещиком, но и самым крупным заводчиком—промышленником.

Вот почему Елизавета, выслушав доклад Олсуфьева—управляющего „кабинетом,“—соизволила:

„Пожаловать штаб и обер-сфицеров Кольвано-Вознесенских заводов рангами, жалованием и действительным почтением по сходству математических их наук противу артиллерийских и инженерских чинов... дабы российские дворяне, имея надежду получить в горной службе офицерские чины, без умаления в почтении своем перед прочими в службе находящимися, охотнее в горные науки и службу итти могли“¹.

Главное управление землеустройства и земледелия, не имея возможности скрыть зверский режим управления на кабинетских землях, так характеризует в своем отчете эпоху крепостничества:

„Суровая военная дисциплина того времени и законоположения воинских уставов нашли себе полное применение в отношении к работавшему на заводах населению. Заводская администрация была всецело образована из военных чинов, облеченных властью не только хозяйственной, но также полицейскою и судебною“.

Если так мрачны были краски жизни русского крестьянства, находящегося под гнетом державного помещика, то во сколько раз хуже, злее и отвратительнее было его управление туземцами ойротами!

Царь варварски истреблял этот беззащитный народ.

Он был хищным разорителем этого богатейшего уголка, достойным соучастником купеческой своры.

С болью и негодованием переносили ойроты колонизаторскую политику русского царизма.

Не раз мелькала мысль у более смелых из них,—пойти против царя, поднять свой народ, вырвать его из тисков рабства и неизбежной гибели.

Но могла-ли сопротивляться могуществу великой державы горсточка неправых, невооруженных, культурно-отсталых людей?

Закон был на стороне захватчика, ограждавшего свою собственность рукой вооруженных армий.

Такова участь всех колониальных народностей, погибающих под гнетом капитализма, обреченных на вымирание, на страшную несправедливость, на вопиющее зло рабства.

---

¹— Сибирская Советская Энциклопедия, том 1, стр. 36. „Азиатская Россия“, том 1, стр. 388, изд. 1914 г.

Отцы—миссионеры.

Царские правители понимали, что в порабощении колониальных народов нельзя опираться только на грубую вооруженную силу.

Нужны были и более гибкие способы. Для руссификаторской политики была полностью использована воинствующая православная церковь в лице „отцов—миссионеров“.

Поп выступал совместно с воеводой, бригадиром, исправником и то, что было недоделано мечем, доделывал крестом и евангелием.

Еще в 1830 г. по предписанию „святейшего синода“ на Алтай командировается архимандрит Макарий Глухарев.

Он кладет начало существованию „Алтайской духовной миссии“.

Это учреждение на протяжении столетия выполняет исключительную роль поповско-монашеского шарлатанства.

За ловкость рук, за беспримерное иезуитство, за подлый обман, ряд миссионеров получают высокие чины по своей духовной лестнице. Достаточно перечислить следующие имена прошедших школу Алтайской миссии: Мефодий (епископ Читинский), Макарий (епископ Якутский), Владимир (епископ Новочеркасский), Иннокентий (епископ Благовещенский), Сергей (епископ Херсонский), Милетий (епископ Барнаульский), Иннокентий (епископ Бийский), Макарий (архиепископ Томский и митрополит Московский).

Есть ли еще в Сибири уголок, вскормивший на своей спине такое количество отъявленных паразитов?

Нет, и не могло быть, так как не найти лучшей почвы для совершенствования преданнейших псов царского самодержавия.

Для их дрессировки был брошен, как экспонат для опыта, несчастный, измученный, искалеченный ойротский народ. На протяжении века в Ойротию не пропущено ни одной книги, кроме духовного содержания, не открыто ни одной школы, кроме миссионерской.

Миссионеры писали:

— „Школы эти имеют своей целью не только учить детей грамоте, но и воздействовать на взрослое население в духе святой церкви. Если про церковно-приходскую школу можно сказать, что она есть училище благочестия, то тем более про миссионерскую. На алтайском языке нет, ведь, никаких книг, кроме священно-исторических и богослужебных. Ученики этих школ знакомятся по преимуществу с такими книгами. С ними же знакомятся и взрослые¹“.

Вот образчик постановки дела народного образования на территории угнетенной нации.

¹—Из отчета алтайской духовной миссии.

Попы „болели“ о том, чтобы росли и сбогачались монастыри, увеличивались поповские доходы, православное духовенство выдумывало „чудеса“, о которых разносилась молва по всей безграмотной, темной, забитой крестьянской России.

Стоит только взглянуть на описание этих „чудес“ в отчетах духовной миссии, чтобы определить их подлинную цену и понять всю гниль, мерзость и духовное ничтожество тех, кто являлся творцом всяческих измышлений во славу могущества и величия мнимого бога.

Возьмем несколько выдержек из официальных отчетов миссионеров чтобы видеть как, нелепо нагромождались поповские бредни в документах христианской церкви.

Сузопский миссионер приводит случай, рассказанный ему якобы крестившимся ойротом Парчимом. Из описания этого миссионера видно, что у него ни на иоту не возникает сомнения в реальности совершившегося факта. Вера в духов позволяет ему отнести этот случай к делу „промысла божьего“, способствующего обращению язычника в лоно православной церкви.

— „Неделю тому назад я шел из дому сюда, в село Никольское, работать: когда отошел немного от дому, мне повстречалась свинья и стала за мной гнаться. Я с испугу хотел бежать обратно домой, но она стала настигать меня, тогда я повернул сюда, в Никольское. Свинья-же эта так стучала зубами, что я думал, что настал мой конец: это животное меня с'ест. Я стал призывать бога на помощь, говоря: „Иисус Христос, спаси меня, если спасешь—я крещусь, как только приедет священник“. Только что я дал это обещание, свинья захохотала по человечески и человеческим-же голосом сказала мне: „Врешь, не уйдешь от меня“. Не помню, как я прибежал в Никольское. С тех пор я живу здесь¹. Дальше миссионер добавляет:— „На мое предложение креститься

Парчим с радостью согласился. Я его назвал Павлом“.

Чем не похождение „Красной свитки“ из „Сорочинской ярмарки“ Гоголя? Право-же, нельзя иначе назвать эту галиматью, как веселым анекдотом пьяного попа.

Александровский миссионер воспроизводит „рассказ“ ойрота Пайгыса.

— „Однажды я сидел в юрте у огня, один: и вот входят ко мне в юрту люди—черные цыгане, страшные. Сколько их было, я не знаю, но только много. Один из них и говорит мне: „пойдем с нами, потому что ты наш“. Мне стало страшно и я отказался идти с ними. Тогда они схватили меня и начали тащить силой. Я начал кричать и на мой крик пришел человек, видом светлый. Черные люди, увидев его, меня бросили, а он говорит мне: „что ты кричишь? Если хочешь от них избавиться, то крестись, а иначе погибнешь“.

¹— „Значительные случаи промысла божия на Алтае“. Сборник епископа Иннокентия. 1912 г., Томск.

Я сказал, что буду креститься. Тогда светлый человек черным строго приказал от меня уйти, и все стали невидимы. Вот я и пришел креститься“.

Миссионер крестил Пайгыса и назвал его Иоанном. Так совершилось „чудо“.

Протоиерей Чевалков приводит такой смехотворный пример „наказания божьего“ за неверие:

— „Однажды я проповедывал слово божье язычникам, живущим в Каракудюре. Там был калмык, по имени Улунтай. Подойдя ко мне, он с дерзостью заявил:

— Вы проповедуете Христа распятого, а я в него не верю и никогда ему не поклонюсь: пусть и уши мои не слышат вашей проповеди.

— Если так,—говорю,—силой я тебя как могу удержать от гибели?

И вскоре после того, как я возвратился домой, Улунтай в пьяном виде поехал через глубокую реку.

Конь на средние реки споткнулся и всадник тут же пошел ко дну.

Так наказал господь „богохульника“.

Миссионер делает вывод:

— „Но наказывая отдельных лиц, тем или другим образом, за упорство и неверие, не наказывает ли господь за тот же грех и весь жестоковыйный народ вообще? Говоря это, мы разумеем замеченный постепенный упадок благосостояния народного на Алтае. В самом деле, экономическое положение алтайцев нынешнее в 50 лет тому назад не имеет никакого сравнения“.

Вот жульническое поповское объяснение происходящего обнищания и разорения ойротского хозяйства. И это вполне понятно, если даже эпидемию тифа эти „ревнители церкви христовой“ не стесняются использовать в своих проповеднических целях.

Чуйский миссионер так доносит об этом стихийной бедствии:

„За последнее время живущие по реке Чуе некрещенные инородцы стали умирать от брюшного тифа. Болезнь эта существует среди инородцев уже третий год. Сперва она была среди новокрещенных, кочующих выше села Кош-Агача, верстах в 60, но умерло их немного—человек 15 обоего пола.

„В прошлом году та же болезнь появилась среди киргизов и от нее умерло 150 чел. А нынешний год с августа м-ца эпидемия выбирает себе в жертвы некрещеных инородцев. В самое короткое время их умерло несколько сот человек. Да, небывалое множество таких смертных случаев становится страшным для них и думаем, что приведет их к мысли о принятии истинной веры, которую давно благовествует им алтайская миссия“.

На обмане, запугивании земными и небесными карами, на грошовых подарках поновились проповеднические устои русского миссио-

нерства. В этом духовенство пользовалось поддержкой верховной власти и щедрыми подачками купечества, классовым интересам которого оно служило.

Часто крещение ойротов происходило в принудительном порядке; за крещение нередко „прощались“ проступки и преступления.

Таким-же принудительным порядком собирались средства на постройку храмов, монастырей, домов для церковного причта и пр.

Характерным в этом отношении является предписание епископа-бийского Иннокентия чуйскому миссионеру. Оно относится к периоду военного времени и с полной ясностью раскрывает секрет принудительных требований к ойротскому населению.

— „А главное не забудьте напомнить девяти старшинам новокрещеных теленгитов об их обещании пожертвовать на построение церкви семь тысяч рублей, при освобождении их от суда за уклонение с своим народом от тыловых военных работ. О результате сообщите мне. Епископ Иннокентий“¹.

Более явного вымогательства нельзя придумать.

10.

1905 год.

Назревавшие революционные события 1905 г. внесли переполох в миссионерский лагерь. С ростом революционного движения на Алтае вспыхнуло широкое национально-освободительное движение под именем „бурханизма“.

Попы прекрасно понимали всю сложность надвигающейся обстановки.

— „Чадные миазмы дешевого политиканства и либерализма смешались с зловещими тучами восточных диких верований и нависли на горизонте нашей миссии. Предстоит борьба и борьба без перемирия. Что сулит нам будущее,—мы не можем знать. Знаем только, что господь, посылая испытания, даст нам силу перенести их“².

В своих описаниях годов революционной бури миссионеры, как видим, не жалеют красок. Вся злоба и ненависть к массам получают открытые формы. Попы готовы залить села и города кровью трудящихся, посягнувших на освобождение от их дурмана, лишь бы оставить неприкосновенной власть царя, помещиков, попов и капиталистов.

Они действительно готовы бороться „без перемирия“.

Кипела миссионерская злоба против революции:

---

¹—Подлинник хранится в библиотеке Ойротского музея.

²—Все приведенные выдержки взяты из отчетов алтайской духовной миссии за 1906 г.

— „То, что делалось в России, в частности в нашей губернии, в бесславные, печальные октябрьские дни минувшего 1905 г., грязной волной докатилось и до Алтая. Появились массы летучих листов, брошюр, прокламаций с бесшабашным отрицанием всего святого, с осмеянием самых дорогих верующему сердцу истин...

„Эта чудовищная подпольная литература развозилась по всем деревням и местечкам целыми пудами, раздавалась открыто на улицах и по домам. Всякий малограмотный мужик или баба преимущественно брались осуждать весь существующий строй, критиковать не только действия земных властей, но и протягивать грязную лапу к вечным истинам евангелия. Получилось какое-то дикое сквернословие, нелепое оплевание всего, что первое бросалось в глаза... Просто какой-то чад распространился в воздухе и его заразными миазмами было отравлено все население“.

Революция 1905 года не переросла в победную пролетарскую революцию.

Наступившие годы реакции реставрировали старые порядки и миссионеры не стесняются похвалиться успехами своей темной работы. В отчете за 1906 г. они пишут:

— „При этом нужно было чуть не каждому в отдельности жителю разъяснить значение манифеста 17 октября. И нужно отдать справедливость отцам-миссионерам, что к концу отчетного года они так или иначе повлияли на успокоение населения, так что в настоящее время церковно-приходская жизнь, можно сказать, потекла нормально“.

О том, в какой зависимости от миссионеров была культурная и экономическая жизнь ойротов, можно судить по той полемике, которую вела миссия с царскими чиновниками вокруг вопросов землеустройства.

Казалось бы, какое дело попам, как государственная власть будет осуществлять свою хозяйственную политику в колонии? Оказывается, — они кровно были заинтересованы в том, каким темпом будет идти уничтожение этого народа. Власть хочется сделать это быстрее, миссионерам же, наоборот, медленнее, но более верно. Они согласны с тем, что ойротов, как самостоятельную нацию, уничтожить нужно. Вопрос лишь в том, как это сделать.

Их точка зрения сводится к следующему:

— „Правительство предпочло воспользоваться межеванием, чтобы перечислить в оседлые те группы алтайцев, которые под влиянием христианства в достаточной мере усвоили образ жизни оседлого жителя. Все это в совокупности так действует на калмыков, что мы, строго говоря, даже не можем представить того ужаса, который овладевает сердцем нашего дикаря при мысли о наделе. К тому же наши инородцы прекрасно понимают, что после выделения им определенного пайка на Алтае останется

много свободных земель, на них осядут русские переселенцы и тогда туземное население окажется замкнутым в крепком кольце из русских крестьян.

„И самый недалбовидный из калмыков не может не ожидать окончательного поглощения алтайского племени русским народом, когда они окажутся насквозь проселенными последним. Между тем идея национальности, любовь к родному краю, привязанность к дедовским обычаям—очень живучи в алтайцах. Появление пророков, сказания о легендарном ойроте, ожидания какого-то переворота,—все это суть симптомы той трагедии, которая скоро начнется на Алтае, как смертельная конвульсия слабого племени при поглощении его многочисленным русским народом“.

Там, где им было выгодно, миссионеры умели говорить убедительным языком. Но в чем же суть их выводов? А она в следующем:

— „Мы с тревогой смотрим на будущее. Грустно думать, что один параграф правил, составленный где-то далеко в кабинете министра, может, если не разрушить, то приостановить все дела мирного обращения алтайских калмыков в христианство, а вместе с тем и оседлых жителей“.

Чиновничий план беспокоит миссионеров, как-бы преждевременной мерой не вызвать недовольство у ойротского населения против миссии. Они говорят:

— „Если наши печальные предположения оправдаются,—придется все миссионерское дело на Алтае ставить совершенно иначе. А прежде всего нужно вынести всю тяжесть упреков со стороны наших новокрещенных, что мы, миссионеры, помогли им своим учением, своим руководством, сделаться русскими крестьянами. Правда, наши алтайцы смиренны, они вынесут безропотно все, что предназначит для них правительство, но глухая обида останется у них в душах, ирония в отношении к своим пастырям будет долго—долго звучать. И нужны многие годы, нужны особые усилия со стороны миссионеров, чтобы залечить эту рану“.

Так заботились о своих одуроченных „овцах“ отцы-миссионеры.

Нельзя не сказать несколько слов о том, каким аппаратом располагала Алтайская духовная миссия.

Если не считать школ, которые укомплектовались исключительно учителями, прошедшими духовное катехизаторское училище (по своей подготовке они являлись прямыми помощниками миссионеров),—одних монахинь в Улалинском и Чемальском женских монастырях имелось до восьмисот человек. Свыше двухсот монахов насчитывалось в лышманском мужском монастыре. Такое же количество было псаломщиков и иных миссионерских причетников, разбросанных по отделениям духовной миссии,

губернатора. В 11-лет
войска, усилен
Полк
М
участ

Армия тунейдцев, преследовавших цель наживы за счет обуздания национальных стремлений горсточки сохранившегося народа.

Презрение и ненависть ойротских поколений,—вот та заслуженная награда, которой по праву ответили ойроты палачам в рясах.

11.

Бурханизм.

Одна из ярких попыток со стороны ойротов повести борьбу проти в колониального гнета, против руссификаторской политики царизма и издевательства духовной миссии—это движение 1904 г. Оно носило название бурханизма. Вдохновителем и организатором этого движения был Чет-Челпанов, родом из урочища Кырлык, Усть-Канского аймака.

Будучи несколько лет в Монголии, он усвоил основы ламаизма и, сочетав их с легендами ойротского народа об Ойрот-хане, он перенес этой учение на родную почву.

Чет думал, что вооруженной борьбой не достигнешь результатов, что единственно действенным средством может явиться бойкот всего русского, ненавистного ойротам.

В этом духе и была развита пропаганда Четом.

Призыв уничтожить все русское—нашел самый широкий отклик среди ойротского населения.

Об этом так повествуют попы—миссионеры:

— „На Алтай должен явиться легендарный богатырь Ойрот-хан... Не умирая никогда в сознании калмыков, эти чаяния особенно оживились в последнее время... вера в пришествие ойрота, выражавшаяся прежде лишь в легендах, в силу политических обстоятельств последних лет, перешла у них на реальную почву... Всех калмыков охватило волнение; они стали собираться в толпы, переносить свои жилища на новые места, избегать русских, покидать все наминающее русское—одежду, деньги и др. предметы. Все тревожились.. Решительных мер против взволновавшихся, что калмыки скоро сами разоря все усиливались...

года отдельные сборища достигали до

не на шутку встревожило томского Омск летели телеграммы, требующие лица, под руководством попов затевершен под руководством начальника гословившего на этот подлый „подвиг“ есистыми дубинками громил. Один из погрома, миссионер Кумандин, пишет:

— „18 июня разнесся слух, что томский губернатор приказал собрать как можно больше вооруженных людей и силою разогнать калмыков, которые уже больше месяца как собирались в долине Теренги“.

Он подробно рассказывает, как происходила подготовка:

— „В этот-же день епископ бийский Макарий и уездный исправник Тукмачев прибыли из Онгудая в Усть-Кан. 19 июня, с утра, наблюдалось в Усть-Кане необыкновенное движение... Группы вооруженных всадников прибывали отовсюду... Село Усть-Кан приняло вид вооруженного лагеря... К вечеру 20 июня съехавшихся насчитывалось более 1,000 чел. В 5 часов раздался звон колокола, созывающий ратников к молебну перед походом против калмыков-язычников“.

С утонченным искусством миссионер Кумандин передает картину разжигания страстей фанатиков и изуверов, собравшихся для выполнения позорного дела, затеянного „пастырями“. Он показывает, с каким изумительным мастерством предателя, святоши, подстрекавшего к убийству безоружных людей, умывает руки преосвященнейший Макарий:

— „Перед молебном епископ бийский Макарий сказал напутственное слово собравшимся. Сказанное слово владыки было проникнуто любовью к ближним, особенно к тем детям природы, которые, сами не зная, что делают, следовали по стопам своих руководителей, действующих по наущению князя тьмы—дьявола. Владыка молил собравшихся—не делать никаких насилий против младенствующих сынов Алтая—калмыков; молил сожалеть о них, как о своих заблудившихся меньших братьях, впавших в обман нечестивых. Благословляя собравшихся, владыка призывал их иметь в сердце своем христианские добродетели: смирение, терпение, любовь и кротость. Слово его нашло отклик в сердцах многих, о чем свидетельствуют происходившие события“.

А эти события свидетельствуют о многом. Они говорят о том, с каким хладнокровием и расчетом профессионалов-убийц совершался этот погром, как, заранее отрезав пути отступления, гнусные бандиты шли с дубинками и ножами на расправу с „язычниками“.

Кумандин поведствует:

— „Вся армия была разделена на три части. Первый отряд в 400 чел., вооруженных винтовками, был вверен приставу 2 стана Андронникову. Второй отряд в 500 чел. находился под начальством пристава 5 стана—Бучинского. Третий отряд в 300 чел., под предводительством урядников, находился уже в 25 верстах от Усть-Кана, в тылу калмыков, дабы отрезать им путь к бегству“.

Вся эта армия выжидает условного знака.

— „В два часа ночи с колокольни раздался первый удар колокола. Звуки его грозно разносятся в ночной тишине. Могучим

эхом отозвался в ближайших горах и затих где-то вдали. Удары последовали за ударами. На площади показался всадник в белом кителе. Это—исправник Тукмачев. Вооруженные всадники носились как тени. Еще момент—и площадь загудела от топота лошадиных копыт и тысячи голосов собравшихся ратников". Наступает трагическая развязка.

— „Отряды русских приблизились к месту молений калмыков. С противоположной стороны, с горы, к калмыкам спускается множество всадников. Это—уймонцы, находившиеся в тылу, и калмыки внезапно окружены со всех сторон. Большая кошменная юрта Чета была охраняема калмыками, которые тесным кольцом охватив ее, изображали собой неприступную крепость". Исправник потребовал выдачи Чета. На это, как пишет Кумандин, калмыки ответили гробовым молчанием.

— „Они стояли, как безгласные статуи... Невозмутимы... смотрели на окружающих равнодушно... Относились к приказанию исправника холодно... Они казались людьми, совершенно независимыми от начальства, неприкосновенными членами нового их самостоятельного общества, где господствуют свои права, законы и порядки. При таком отношении калмыков необходимо было прибегнуть к силе. Последовало приказание разрушить юрту Чета. Несколько человек из русских кинулись и начли разрушать ее. Калмыки заволновались. В это время из юрты послышался выстрел, послуживший поводом к невообразимой канонаде. Кто стрелял в юрте, неизвестно... Страшная канонада продолжалась несколько минут; в воздухе визжали пули, свистели дубинки, тяжело падая на спины калмыков".

Сколько было побито,—никто не знает. Чет с тридцатью его приверженцами был арестован.

Макарий за эту операцию получил сан архиепископа томского. А за второй погром, закончившийся пожарищем управления сибирской жел. дороги в Томске, стоивший сотен жертв молодых революционеров, он возведен до сана „святейшего" митрополита московского. Через два года Чета судили.

В отчете миссии за 1906 г. говорится:

— „Хотя бийский окружной суд, разбиравший дело летом нынешнего года, оправдал Чета, не признавши в деятельности его и его сторонников политической подкладки, однако, мы, а вместе с нами и все отцы-миссионеры и старожилы Алтая, остаемся при своем мнении, что Чет был не столько религиозным реформатором, сколько политическим агитатором. Провозглашенное Четом учение не ново. Это смесь алтайских легенд с монгольским ламаизмом. Квинт-эссенция четовской проповеди—пришествие на Алтай легендарного Ойрот-хана, который должен возродить политическую независимость Алтая, восстановить в прежнем могуществе свое царство. Наэлектризованные проповедью Че-

та, калмыки готовы были пожертвовать даже жизнью, лишь бы пришел Ойрот, лишь-бы этот богатырь выгнал из Алтая ненавистных русских".

Но несмотря на всю жестокость расправы с бурханистами, это движение оставалось, сохраняя корни в гуще туземных национальных масс.

По документам миссии, до 1917 г. не переставали жить песни ярлыкчей—проповедников национальной независимости.

В этих песнях звучит непримиримая ненависть к царским погромщикам и поповско-миссионерской челяди.

12.

Не табыш¹.

Поездка политгруппы по Алтаю вызывает бесчисленные разговоры среди туземцев-ойротов. Весть о политгруппе быстро разносится во все концы области, захватывая урочища, юрты, переходит из одного аймака в другой. Алтайцу не трудно проехать десятки километров, чтобы передать другому табыш-новость, только что полученную им от своего соседа.

Вот почему, появляясь в новом месте, мы застаем людей, подробно осведомленных о том, какая работа проделана нами в пути.

Это накладывает особую ответственность. Заставляет нас внимательно подходить к каждому факту, проявлять сугубую осмотрительность, выдержку.

Мы находимся в центре бандитского движения. Нужно оставить такой след, который бы уничтожил почву, питающую бандитизм. Нужно добиться изоляции вождей бандитов. Расслоить их с рядовой массой и повести по пути самоликвидации.

Это не легкая задача.

Нам предоставлены неограниченные полномочия.

Группа сочетала в себе высшую политическую власть Горного Алтая: военного командования, революционного трибунала и советских организаторов. У каждого из нас на руках мандат, говорящий о чрезвычайной обстановке, в которой придется действовать.

Его содержание сводится к следующему.

„Пред'явитель сего товарищ № уполномочивается, согласно постановления губернского совещания по борьбе с бандитизмом, переданного запиской по проводу от 18 мая 1922 г. за № 614, на производство следующих работ:

1. Проведение собраний, конференций, митингов и совещаний как с гражданскими, так и военными представителями.

---

¹—Не табыш—что нового?

2. Проверку личного состава гражданских учреждений, с предоставлением права перемещений, увольнений и назначений на должности.

3. Обследование состояния военных частей, производство следствия, арестов и смещение комсостава.

4. Принимать все меры по борьбе с бандитизмом, вытекающие из обстановки и соображений, диктуемых моментом.

Всем гражданским и военным властям, находящимся на территории Горного-Алтая, беспрекословно выполнять все распоряжения тов. №, оказывая ему в пути следования полную и всемерную поддержку“.

Бандитские группы еще довольно сильны. Но уже нет той поддержки, которую им оказывало население. Произошел перелом. Разгром Кайгородова с его главным штабом деморализовал повстанческие части. Разобщил их действия. Создал неуверенность в своих силах. Началась дезорганизация, сдача с оружием в руках.

Мы принимаем необходимые меры к тому, чтобы усилить это движение. Целыми десятками явившихся добровольно—мы отпускаем по домам. Нам нет надобности мстить тем, кто вовлечен в борьбу не как сознательный классовый враг, а как темная сила, ставшая орудием в руках враждебных элементов советского строя. У нас иное отношение к тем, кто является вдохновителем и организатором бандитизма. Мы беспощадны к упорствующим и продолжающим борьбу.

Об этом мы разъясняем на всех собраниях. Добиваемся, чтобы каждый понял, разобрался в том, что происходит вокруг него, стал сам нашим сторонником и агитатором. Мы знаем, что нам окажет лучшую услугу табыш,—это могучее средство, эта устная газета в руках неграмотного населения, этот беспроволочный телеграф с приемником и передачей в каждом заброшенном аиле.

Все, что мы говорим и делаем, долго будет обсуждаться в бессонные ночи у костра. Ни одна мысль не ускользнет, ни один поступок не останется не разобраным.

Тот, кто говорит о наивности этих „детей природы“, об их чрезмерной доверчивости,—не знает ойротов. Они могут ошибаться, по своему истолковать то или иное явление, но они никогда не примут решения, не обдумав и не обсудив его.

Зная такие качества, мы терпеливо ждем.

Табыш сделает свое дело.

В годы царизма табыш был гнетущей вестью бесправия.

В нем рассказывалось, как несправедливы и злы русские бии-чиновники, как жадны купцы, сколько горя и несчастий терпит ойроткижи от вторгнувшихся в их пределы колонизаторов.

1904 г. табыш стал орудием проснувшегося национального движения. Он спланивал силы под лозунгом новой обретенной веры—

бурханизма. Это движение было раздавлено. Табыш во все концы нес весть о жертвах, понесенных во время погрома. Наступила реакция.

Потянулись однообразные, серые дни беспросветного рабского существования, пассивности.

— Табыш ек¹,—звучало в ответ на всякий заданный вопрос.

Неожиданно поползла весть о большой войне, затеянной царским правительством. Это была удручающая новость. Она вызвала среди ойротов глухое недовольство.

Патриотический шум, поднятый чиновниками, купцами и духовенством сумел привлечь только симпатии ойротских баев.

Большинство же смотрело на войну, как на величайшее бедствие.

Война с каждым днем требовала все новых и новых жертв.

Хозяйства кочевников ойротов быстро раззорялись.

Военные заготовки стали опустошительным бременем для каждого стойбища.

В ойротских юртах свирепствовал голод. Мужчин отправляли на фронт для выполнения тяжелых окопных работ.

Сотнями гибли они от заразных болезней, от истощения, от невиданных жестокостей русского военного начальства.

Часть из них успела укрыться, перебравшись за границу Монголии. Это были наиболее предприимчивые смельчаки, не желавшие подчиняться военному и полицейскому приказу.

Алтай заметно опустел.

Еще печальнее стали песни. Девушки жаловались, подбирая звучные слова, в которых было много слез:

„У меня острые глаза—Мыйгак,

У меня ноги горной дзерень...

Сердце плачет о милом!

—Посмотрю вокруг,—тоска...

Не увидит милого зоркий глаз...

Ноги повиснут, как плети.

—Орус-кижи—худой народ;

Печаль и горе в родном краю...

Война разорила Алтай“...

Но вот в центре России вспыхнул пожар революции.

Заревом небывалых событий осветило фронт. Начались братания. Свержение царизма было принято, как окончание ненавистной войны.

Уцелевшую горсть ойротов вернули обратно.

Много чудес рассказывали они обо всем, происходящем в России. Новые надежды вспыхнули ярким лучом в голове каждого.

Ждали, когда наконец появится на Алтае революционный порядок. Готовы были поддерживать его всем существом, как дети радовались грядущим событиям. Не верили больше попам.

Раньше при встрече, здороваясь, говорили:

— Не табыш?

---

¹—Табыш ек—новостей нет.

— Табыш ек.

Не было новостей. Каждый знал только мелкие события, которые не радовали своей будничной простотой. Фраза „Табыш ек“ звучала горьким разочарованием. Не было надежды услышать такую новость, от которой быстрее забьется сердце, радостнее взглянут глаза, счастливее станет день, принесший чудесную весть.

Только революция открыла неисчерпаемые родники новых мыслей новых слов и действий.

— Эзень!¹ Якши-ба! — звучит голос ойрота.

Значит, у него много таких новостей, о которых не знают другие.

Ойрот останавливает коня и, свесившись на бок с своего „бедового лыска“, долго повествует о том, какие великие дела совершает орус-кижи, с трудом произнося новые слова.

— Сабет рабочих, солдатских депутат... Новый власть явился. Якши делал... купцам товар, деньги брал... бедный народ давал... Однако большой начальник Сабет...

Искрится черный зрачок... Улыбка бороздит морщинистые, смуглые щеки...

— Абыс—поп горам бежал... Кудой поп... Сабет ругал... зачем богу кудай обида делал?... Какой такой бог, если обида делать можно?... Трусливый бог, как заяц-койон... Умирать такому надо... вот... Однако, врет абыс..., сапсем смешной бог..., Эзень болзын!²

И закачался на седле, переваливаясь с боку на бок под тяжестью впечатлений.

Октябрьская революция—табыш—новость, которой интересуется весь мир.

13.

Областники.

— „Давно уже установлены главные особенности Сибири,— писал Потанин,—отсутствие дворянства, крепостного права и его традиций, которые еще живут в метрополии. Сибирь—рай мужиков. Демократический состав сибирского общества заключал в себе некоторую угрозу дворянской политике и потому правящие классы России косо смотрели на Сибирь. Страх, как-бы на демократической почве Сибири не пробудился демократический дух и не развился до импозантных размеров, заставлял власть урезывать сибирскую жизнь и затруднять свободное ее развитие, отказывая в удовлетворении ее назревающих нужд“.

Так писал идеолог сибирского областничества Г. Н. Потанин.

---

¹—Эзень—здравствуй!

²—До свидания!

Он считал, что историческим ходом событий Сибирь поставлена в совершенно отличные условия от европейской части России.

— „Сибирь—подарок, который народная масса поднесла России.

Ее завоевал не генерал, не воевода, а атаман казачьей вольницы. Довершили завоевания тоже выходцы из народа: Поярковы, Похабовы, Хабаровы, Атласовы и т. п. землепроходцы. Затем хлынула в Сибирь „вольнонародная колонизация“. Правительство шло в хвосте народного предприятия. Воеводы являлись уже на насиженные атаманами завоевательных ватаг места. Правительственная колонизация тоже запоздала сравнительно с вольнонародной“.

Потанин доказывает, что отсюда и экономические взаимоотношения между Сибирью и европейской Россией складывались по особому. Сибирь становилась сырьевой базой для вырославших промышленных центров России.

— „Самый обмен товаров,—замечает Потанин,—у Сибири с Россией не отличался тем равноправием, которое до некоторой степени установилось в обмене между областями внутри-европейской России; из России на восток вывозились фабрикаты, на запад из Сибири—только сырье; в составе обмена уже скрывалась мысль о противоположении, о контрасте. Вообще, сношения Сибири с европейской Россией должны были представляться, как сношения с посторонним миром“.

Такое состояние не могло не тревожить наиболее дальновидную часть нарождающейся в Сибири буржуазии. Ее идеологами были областники.

— „Сибирское общество еще не организовано,—говорит Потанин,—интересы русского населения Сибири за триста лет пребывания его на новых местах обособились от интересов метрополии, но это обособление признано немногими умами Сибири; инородческие племена не сцементированы с русским населением сознанием общих интересов, которые объединяют все части населения, обитающего в Сибири. Университет и областная дума должны оформить эту аморфную массу и оживить ее, обратить ее в критически-мыслящий коллективный организм, преследующий определенные цели, управляющий своим собственным прогрессом“.

В период 1905 г. надежды на осуществление в Сибири областнических тенденций возрастают. Число сподвижников Потанина увеличивается. Их деятельность становится более активной.

Программа действий областников находится в строгих рамках легальных требований. Они за реформы—в границах капиталистического общества, за самоопределение Сибири—в пределах земщины, за экономическую свободу—не нарушающую гармонии единого госу-

дарственного организма, они—за развертывание деятельности сибирских капиталистов и ограничение деятельности капиталистов метрополии.

Потанин говорит:

— „Конечно, демократический кабинет, который не долго ждать, который должен стать во главе России, отнесется к Сибири иначе; он не только не замедлит введение самоуправления в Сибири, но и даст его—в размерах, не стесняемых временными условиями общественного строя, потому что в противном случае значит: предоставить сибирскому обществу продолжать чувствовать себя в положении человека, который должен идти в гору, скованный наручнями с рахитиком. Опасности от дарования Сибири широкой политической свободы не может быть. Метрополия достаточно могущественна, чтобы во всякое время воспрепятствовать активному вмешательству колонии во внутренние дела метрополии¹“.

Областники, как представители буржуазии, не могли разглядеть зарождения тех социальных процессов, которые происходили в среде рабочего класса.

По мере расширения хозяйственной роли и значения Сибири, ее положение, как колонии, для сибирского торгово-промышленного капитала становилось все более нетерпимым. Сибирякам нужен был выход. Этому страстно добивались предприимчивые дельцы. Идеи Потанина и Ядринцева становились все более популярными среди буржуазии.

Вокруг областников об'единялись все более широкие слои представителей торгового капитала, промышленники и некоторые слои интеллигенции. Сапожников, Анучин, Шатилов, Гуляев, Макушин, Тибер-Петров, Гуркин, Анохин, Адрианов и ряд других сибирских буржуазных деятелей являлись активными сторонниками областничества.

Каждый из перечисленных лиц был так или иначе связан с Алтаем. Научная и исследовательская работа многих из областников заставляла близко интересоваться бытом и хозяйственно-экономическими особенностями ойротов.

Они сближались с отдельными представителями ойротской национальной интеллигенции и бывшей полуфеодальной аристократией-баями, которая видела в областниках своих защитников.

Наиболее прочно с группой областников был связан известный художник-алтаец Чорос-Гуркин.

При содействии их, он получил законченное художественное образование, был их питомцем, учеником и верным последователем.

Вот почему в период февральской революции Чорос-Гуркин и все его сторонники берут ориентировку на областников, хотя в эти

---

¹—Все приводимые выдержки взяты из книги Потанина „Сибирь—ее современное состояние и ее нужды“. Изд. Девриена, Петербург, 1908 г.

дни областники и не могли проявить себя, как самостоятельная сила, желавшая повлиять на ход политических событий.

Они растворялись в море эсерствующей интеллигенции.

Буржуазный характер революции отвечал их чаяниям.

Грянула гроза Октябрьской революции.

Пролетариат стал у власти. Советы рабочих и солдатских депутатов начали оформлять переход к новому, невиданному государственному строю.

В Сибири этот переход был наиболее трудным.

Крестьянство почти не было вовлечено в строительство советов. Все события развертывались по городам, слабо затрагивая толщу деревенских масс, не вовлекая их в дело укрепления завоеванных прав. Нехватало для этого сил, слабы были организации большевиков.

Пользуясь этим, контрреволюция стала сосредотачивать все свои силы для того, чтобы нанести сокрушительный удар по самому слабому участку фронта.

Эсеры и областники возглавили это движение, они явились застрельщиками контрреволюционной авантюры.

После того, как во всей стране завершался Октябрьский переворот, областниками созывается в Томске чрезвычайный сибирский съезд, которым они открыто противопоставляют себя сложившемуся в Сибири центральному органу советов рабочих и солдатских депутатов, созданному в Иркутске.

Их задачей является организация антибольшевистского правительства, могущего объединить в борьбе против советов „живые силы Сибири“, от лже-социалистов и капиталистов — до махровых черносотенцев включительно.

В передовой статье „Сибирской Жизни“, посвященной съезду, говорится:

— „Перед нами открываются чрезвычайные перспективы. Наступил момент, когда Сибирь должна сказать свое слово. Речь идет об ее судьбе. Пора положить предел преступной аванюре отребья русского общества, поднявшего в стране восстание под защитой штыков бессознательной солдатской массы“¹.

Телеграммы на имя Потанина подогревали патриотические чувства областников. Создавалась видимость твердой поддержки задуманному делу образования сибирского правительства.

Правительство, которое еще не существовало, казалось, было уже признано.

Адрианов, в своей предсъездовской статье „Накануне решения“, прямо ставит вопрос:

— „При помощи Украины и других сорганизовавшихся областей и при помощи казачьего войска, стоящего на государствен-

¹—Адрианов—газета „Сибирская Жизнь“, 1917 г.

ной точке зрения, надо создать автономную демократическую власть. На эту точку зрения и необходимо стать открывающемуся „чрезвычайному областному сибирскому с'езду“.

8-го декабря с'езд был открыт.

С большой пышностью и триумфом начиналась его работа. Знамена революции были отброшены. Красный цвет, пугавший буржуазию, был заменен бело-зелеными полотнищами. Эсеры, участники с'езда, со свойственным им фразерством и напускным чувством взывали:

„Частыми руками высоко держите бело-зеленое знамя Сибири“.

„В дни государственного распада... в дни гражданской борьбы... в судорогах небывалой катастрофы, закладывается новая автономная Сибирь!“

„Нет великого Российского государства... Предатели и изменники уничтожили святая-святых,—родину-мать.. Среди царящего безвластия надежда может быть только на учредительное собрание“.

„Предоставленная самой себе политически и экономически, Сибирь дело своего спасения должна взять в свои собственные руки“. В общем потоке изливания чувств, казачий атаман Сотников клялся быть верным „хозяину земли сибирской“.

— „Настроение енисейских казаков,—говорил он,—контр большевистское, а не контрреволюционное; казаки-вольные люди и не могут признавать власти насильников“.

Это заявление вызвало бурю восторгов. С таким же подъемом, сопровождаемый овациями, был встречен старейший из областников—Потанин.

Его предложение послать телеграмму учредительному собранию проходит под гул и треск аплодисментов.

— „В добрый час, избранники, к работе! Великая Сибирь за вами!“ — так заканчивался этот документ.

Тягучим и нудным был политический доклад члена будущего правительства—Дербера. Таковыми-же бессодержательными были прения. Отражением убожества сибирских правителей явилась и декларация, принятая с'ездом.

На заявления декларации о том, что:

— „Во имя спасения Сибири с'езд вынужден временно создать в лице областной думы общесибирскую социалистическую власть, от народных социалистов до большевиков включительно“, — последовало заявление томских большевиков:

— „Никакой власти, кроме власти советов, мы создавать не позволим, а с'езд, занявший контрреволюционную линию и не выражающий классовых интересов трудящихся масс Сибири, должен быть немедленно распущен“...

Свистом, гиканьем и оскорбительными репликами ответили областники на эту железную формулировку, разрушающую их воздушные

замки... Не верилось, что сила и власть находится в руках этих дерзких „узурпаторов“, „захватчиков“, „отребья“, посягающего на руководство государственным кораблем.

Но логика событий заставила свернуть работу с'езда из боязни разгона, областники в ту же ночь приступили к избранию правительства Сибири.

Однако, на пути встретились еще одно неожиданное обстоятельство.

Представители цензовых элементов—промышленники и торговцы, участники с'езда, потребовали определить их роль в этом „социалистическом правительстве“.

На этот вопрос последовало раз'яснение:

„Большинство стояло за то, что на настоящем с'езде решаются судьбы всего населения Сибири и поэтому все общественные группы должны быть на нем представлены. Тем более, что, несмотря на самые широкие политические реформы, нам придется жить в условиях капиталистического строя и поэтому совместная работа с буржуазией неизбежна“.

Кто-то заметил:

„А все-же получается не совсем гладко, не поверят нам, что мы вместе с капиталистами хотим составить подлинно социалистическое „правительство“.

С ответом на такое неуместное замечание выступил Сазонов:

„Лишать цензовые элементы голоса на с'езде,—это значит подслуживаться толпе. Это-тактика большевиков. Если мы истинные демократы, то должны дать среди нас место представителям всех слоев населения Сибири. Мы теперь творим не социальную революцию, а создаем автономную Сибирь“.

Поставленный вопрос пришлось голосовать. И к общему неудовольствию с'езд раскололся на две равные части.

Кто-то, догадливый, предложил;

—Ввести с совещательным голосом.

На это цензовики ответили:

— При таких условиях мы работать не можем, выступать в роли статистов не желаем и поэтому покидаем с'езд¹.

То-же произошло во время выборов. Ни одна выставленная кандидатура в министры Сибирского правительства не собрала больше одной трети голосов с'езда. Получился провал... опереточная развязка.

Чтобы загладить „скандальный случай“, решили „правительство“ заменить „временным сибирским областным советом“ на правах директории во главе с Потаниным.

Через несколько дней томским советом рабочих и солдатских депутатов часть избранных „правителей“ была арестована, осталь-

¹—Речь Лаппо, см. „Сибирскую Жизнь“ за декабрь м-ц 1917.

ные разбежались по Сибири для того, чтобы продолжать начатое контрреволюционное дело.

О том, каким влиянием пользовались областники среди алтайцев, как хитро вели они свою подрывную работу, используя национальную особенность ойротов, могут рассказать только подлинные документы, рисующие историю Каракорума².

14.

Каракорум.

В Абае мы остаемся несколько дней. К нам являются группами бывшие бандиты. Они робки, смущены, подавлены. Хотят искренне заглядеть свою тяжелую вину.

Рассказывая о своих похождениях, ничего не скрывают.

— Будет.. кое-чему научились!

Передают разного рода документы. Открывают местонахождение главарей когда-то свирепствовавших отрядов. Вытаскивают вороха оружия, припрятанного за годы борьбы.

Через них нам удается обнаружить главу бандитской власти— председателк Уймонского районного управления Андреева, скрывавшегося на займке у местного кулака-абайца.

Последний месяц Андреев работал на кожевенном заводе. По внешнему виду трудно разгадать в этом человеке организатора и политического вдохновителя бандитского движения. Он успел перебраться в настоящего кустаря-кадушечника, мастера по кожевенному делу.

На ногах у него рваные опорки. Короткий армяк завешен грязным передником,

На руках следы дубильных красок.

Лицо окаймлено русой, с беловатыми подпалинами, бородой. Серые глаза смотрят с хитрецей и какой-то нагло-вызывающей дерзостью.

Леонид задает вопрос:

— Вы Павел Андреевич Андреев?

— Да.

— Ваша профессия?

— Инженер-химик Сотрудник Бийского Совнархоза.

— Принадлежность к политической партии?

— Социал-демократ.

— Давно-ли вы из Бийска?

---

¹—Каракорумом был назван национальн. округ, выделенный из Бийского уезда. Он охватывал территорию несколько больше современной Ойротии.

— Год тому назад.

— По какому случаю вы оказались в Горном Алтае?

— Был командирован для изучения местных дубителей.

— И вы вспомнили об этом только тогда, когда вам пришлось скрываться?

Пауза.

— Что вас заставило пойти в банду?

— Мои убеждения. Я корректировал те действия, которые в силу своей стихийности могли быть направлены по ложному пути. Мы смотрим по разному на вещи и события. То, что с моей точки зрения кажется необходимым условием развития,—для вас это контрреволюция и преступление. Вы находите возможным называть социализмом то, что перелживает Россия, а я считаю это безумием и политической слепотой.

— Чем же тогда вы объясняете наши успехи в борьбе с Колчаком, с Деникиным, с Юденичем, с иностранными интервентами и, наконец, с той авантюрой в Горном Алтае, которую вы возглавляли, будучи политическим вождем бандитизма?

— Успехи измеряются не военными удачами, зависящими от целого ряда случайностей, а тем классовым соотношением сил, какое имеется на данной исторической ступени развития. Вы это не хотите учитывать и то, что вы называете авантюрой, вам ежечасно напоминает об этом. В самом деле, та разруха, которую вам не устранить, разве она не говорит, что все ваши успехи есть не что иное, как начало вашей гибели? Это инстинктом чувствует большинство населения России. Оно видит всю вашу неспособность и утопическую бесцельность насадить социализм в экономически отсталой, неграмотной, некультурной стране.

— Следовательно, вы не верите в то, что нам когда-либо удастся восстановить хозяйство? Из страны отсталой сделать страну передовую, страну грамотную, стоящую выше, чем страны капиталистические, являющиеся источником нищеты, эксплуатации и варварства?

— Нет, не верю.

— Тогда скажите, не считаете-ли вы себя виновным в том, что с нашим участием в вооруженной борьбе против Советской власти вы содействовали углублению разрухи, нанося величайшее зло рабочему классу и крестьянству, вынужденному переносить все последствия раззорительной гражданской войны.

— Я виноват столько же, сколько и вы. Как химик, я вообще не признаю зла. То, что железо растворяется в серной кислоте, нельзя назвать ни добром, ни злом. Это химический процесс, основанный на постоянных законах природы. Гражданская борьба есть аналогичный процесс, вытекающий из таких же устойчивых законов человеческого общества. Где тут добро и зло,—решить трудно.

— Если не ошибаюсь, я понял так, что будет вполне законным расстрелять вас, как непримиримого врага?

— Да, это будет подтверждением общественного и химического процесса, но вы не сможете назвать его ни добром, ни злом.

По вечерам, в свободные минуты, мы вспоминаем прошлое. У каждого из нас за спиной большой груз пережитого. Есть о чем рассказать. В памяти живо встают образы героических дней, и то, что мы делаем сегодня, кажется нам будничным, серым, о чем никогда не придется рассказывать.

Мы слушаем Меджита. Он начал издаലെка.

— В годы молодости я был неустойчивым, бесшабашным и дерзким. У меня было достаточно смелости для того, чтобы пускаться на самые рискованные предприятия. Больше всего я любил путешествовать.

Я побывал в Тибете, в Лхассе, в пустыне Гоби, в Туркестане и в Южном Китае.

Меня тянула пестрота жизни.

Я наблюдал сказочные богатства одних и вопиющую нужду других. Я видел людей, которые умирали десятками и сотнями от голода и истощения. Я видел, как подбирали каждое утро трупы мертвяков по грязным улицам китайских городов, чтобы как падаля выбросить на свалку.

У меня не было пристанища.

В эту пору моих скитаний я оказался в Восточной Сибири. Был период окончания японской войны. Россия клокотала нарастающими событиями 1905 г. Вспыхнула жееезивдородная стачка. Рабочий класс показал свою организованность, всполохом революции вызывая ненависть у правящих классов. На моих глазах проходили зверские расправы карательных экспедиций Ренненкампа и Меллера-Закомельского.

Я понял, что рождается новая сила, что она приобретает гигантский размах, двигает миллионы рабочих на штурм самодержавия. Я понял также то, что никакими пытками, расстрелами и виселицами не заглушить движения.

Сложилось, однако, так, что революция потерпела поражение. С каждым днем все больше свирепела реакция.

Я снова оказался без пристанища, одиноким скитальцем, босьяком-нищим. Как бездомная собака, шлялся по притонам сибирских городов. Это была полоса гнетущего упадка и бездорожья. Случайно мне попали книги Максима Горького. Я с жадной жадностью человека, прошедшего пустыню, набросился на эту пищу. Все в них было для меня ново, захватывающе, интересно. Его типы неотступно стояли перед глазами. Раскрывалась в них какая то особая правда. И тянула она к себе, как тянет бездна. Хотелось броситься с головой, Черным буревином реять. Кричать от счастья. Быть вестником победы. Как Данко вырвать собственное сердце, и, высоко поднявши кровавый факел, светить им миру. Готов был итти на любую жертву. Хотелось разбиться грудью о скалы жизни,

Случилось так, что тогда же я зашел на выставку картин устраиваемую художником алрайцем Чорос-Гуркиным,

Безмятежным спокойствием природы повеяло от его полотен. Солнечными пятнами зовущих горных вершин. Зелеными водоемами рек и озер. Родными аилами курящими смолистые запахи утренних дымок.

И потянуло меня назад... к этому сонному безмятежью... в горы.. в знойное безлюдье Монголии.

Так метался я в эпоху исканий, взлетов и падений, страстного желания идти на самопожертвование и горькой любви к своей отсталой патриархальной родине.

Пришлось мне перекочевать в Монголию.

Потянулись годы сонного бытия.

С большим опозданием дошли к нам сведения о революционной буре девятьсот семнадцатого.

Я очень внимательно вслушивался в то отрывочное, что проникало за пределы территории, отделявшей нас от России.

Многое на первых порах казалось непонятным. Но в то же время во всем, что свершалось, я чувствовал глубокий внутренний смысл.

Мне захотелось ближе увидеть события, узнать их органическую связь, постигнуть то, что было за пределами моего ограниченного взгляда.

В Горный Алтай я приехал после Октябрьского переворота. Все, что происходило в эти дни, мною было воспринято, как железная необходимость, без чего не может быть успешной революция. Как умел, я стал помогать большевикам.

Первым практическим шагом, в котором я не ошибся, было резкое осуждение политики Каракорума. Это движение я рассматривал, как контрреволюционное течение, направленное против советов и завоеваний рабочего класса.

С Чорос-Гуркиным теперь я встретился не как с художником, а как с политиком, как с человеком, стоявшим по другую сторону баррикад.

Вслед за первыми днями февральской революции на Алтае оживает волна национального пробуждения.

Это учли видные руководители областничества. Они, используя связи с национальной интеллигенцией, направили это движение по пути земских реформ.

Во главе становится преданный сторонник Областников Чорос-Гуркин.

Первого июля 1917 г. ему удается, при содействии томских руководителей, созвать Бийский съезд представителей инородческих волостей Горного Алтая.

„Съезд постановил обратиться в надлежащие инстанции о признании самоопределения инородцев Алтая, о выделении их

в самостоятельную земскую единицу, а пока, на переходное время до признания, временно организовать свой собственный исполнительный орган, назвав его Алтайской Горной думой¹.

Так возникла новая административная единица на территории Бийского уезда. Ее зарождение было результатом искания выхода из разрешенного национального вопроса. От февральской революции ждали ответа, хотели получить ясность, хотели знать, как будет осуществляться национальная политика. Но правительство Керенского топталось на месте, уговаривая национальные меньшинства потерпеть созыва учредительного собрания. Керенщина и в этом основном вопросе политики оправдала себя, как беспринципная власть, уклоняющаяся от разрешения важнейших проблем, поставленных революцией.

Вот почему стихийно возникшая Горная дума вынуждена была объяснять свое право на существование не основным законом республики, не решением правительства по этому вопросу, а просто революционным проявлением воли национальных меньшинств. Но так как это могло казаться самочинным действием, то представители Горной думы, в поисках хотя бы видимой зацепки, оправдывающей их положение, ссылаются на какое-то народное собрание, происшедшее в Томске и высказавшееся по этому вопросу. Они забывают даже то обстоятельство, что Бийский уезд, а следовательно и территория Горного Алтая, в этот период входили составной единицей в иное губернское объединение, что для них был решающей инстанцией, свой губернский центр город Барнаул.

Секретарь Горной думы Вильдгрубе в своем отчете, который он делал на съезде „инородческих“ депутатов в феврале 1918 г., так говорит об этом деле:

„Необходимо упомянуть, что такое возникновение Горной думы, ни в коем случае не может считаться самочинным, так как до этого на томском народном собрании от 7 мая 1917 г. представителями четырех миллионного населения прежней Томской губернии, лучшими, избранными умами этого населения (читай областниками П. Г.), было определено предоставить инородцам Алтая, в силу их особой культуры, быта и уклада жизни, в совершенно особых географических, этнографических и почвенных условиях тех местностей, которые они населяют, полную возможность самоопределиться и создать свое самоуправление“².

С первого же момента своего возникновения, Горная дума оказалась в лабиринте неразрешимых противоречий. Ее никто не желал признавать. Она является помехой в работе бийских органов власти. Происходит борьба. Горная дума служит зачатком двоецентриального управления территорией Горного Алтая.

¹—Из доклада Вильдгрубе—„Протоколы учредительного горно-алтайского краевого съезда инородческих и крестьянских депутатов,“ от 21-27 февраля 1918 г., стр. 5.

²—Протоколы учредительного горно-алтайского съезда, стр. 6.

Такое ненормальное положение тянется с мая месяца 1917 г. по день открытия в Улале 21 февраля 1918 г. учредительного горно-алтайского краевого с'езда инородческих и крестьянских депутатов, положившего начало выделению из Алтайской и Томской губерний Каракорума—Алтайского округа.

Тот же Вильдгрубе так характеризует этот период:

„Но в семье не без урода. Нашлись и такие, кто стал провоцировать мирное об'единение и самоопределение инородцев, внося своими нелепыми баснями вражду в среду тех двух народов, которые до сего время жили в добром согласии. Стали распространять слухи о том, что инородцы, с выделением в самостоятельную земскую единицу станут выгонять русских со своих земель, и в результате добились того, что многие стали смотреть на Горную думу недоверчиво, с затаенной злобой. Представители Алтайской думы, увидя полную невозможность в такое тяжелое для всей России время работать под чисто национальным флагом и страшась, чтобы работы думы в этом направлении не были спровоцированы недоброжелателями инородцев, чтобы на местах не развилась вражда между русским и инородческим населением, решили провести выделение Горного Алтая в рамках уездного земства“.

Но, на пути осуществления своих планов, перед Горной думой стали такие препятствия, как решительный отказ Бийской земской управы пойти на выделение Горного Алтая в самостоятельную административную единицу.

„Собрание гласных, придравшись к таким мелочам, как нежелание населения Элекмонара выделиться из состава Бийского уезда, постановило назначить от земской управы комиссию, поручив проверить постановления на местах и отложить результаты к следующему очередному собранию, т. е. к ноябрю м-цу. Алтайская Горная дума, поставленная такою явною несправедливостью в самое тяжелое ненормальное положение, ни в коем случае не могла согласиться с мнением гласных и заявила им, что их отношение к делу выделения Алтая она переносит на обсуждение с'езда представителей населения Горного Алтая, который и назначен на 20 февраля в Улале“¹.

Таким образом, и „учредительный с'езд инородческих и крестьянских депутатов“ явился самостоятельным делом, осуществленным исключительно по той причине, что октябрьские дни выбили почву из под ног Бийской земской управы, а совет рабочих и солдатских депутатов не сумел проявить руководство, предоставив Горной думе самоопределяться по своему усмотрению.

Этим воспользовались областники, развернувшие к тому времени контрреволюционную деятельность на Алтае.

¹—Протоколы учредительного горно-алтайского с'езда, стр 7—12.

Характерно то, что во всем протоколе съезда ни одним словом не упоминается об Октябрьской революции и существовавшей в то время Советской власти.

В повестке дня значится вопрос об отношении к центральной власти, но, видимо, он обсуждался в закрытом заседании, особо секретно, дабы не раскрыть карты контрреволюционной сущности Каракорумского съезда.

Стоит проследить за ходом работы съезда, чтобы безошибочно судить о характере подготовлявшегося против советов заговора.

Чорос-Гуркин открывал съезд словами:

„С божьего благословения и благословения народа, пославшего вас на этот съезд, граждане, объявляю заседание открытым“.

Если посмотреть глубже, кто были эти „граждане“, кто являлся представителем на съезде, чьи интересы были отражены, то становится ясным, какую цель преследовал съезд.

Достаточно перечислить такие имена депутатов, как: Аргымаев, Кульджин, Табоков; Тужелей, Чендеков и ряд других видных князьков и богатых баев-алтайцев, Кайгородов, Тавар Чекураков, Штанакоев, Темдек—вожди бандитов; Суртаев, Щетинин и Параев—кулаки, Брисов и Сорокин—миссионеры; Анучин, Умряшев, Гуркин, Мальнев, Вильдгрубе, Духанин, Сары-Сепа—Конзычаков, Тюкин и Донец—интеллигенты—областники, заправилы и вдохновители контрреволюционного дела.

Вот те сливки—„лучшие избранные умы“, за которыми шла остальная часть съезда.

После обсуждения вопроса о выделении Каракорума, съезд постановил:

„Горную часть Алтая выделить из состава Алтайской и Томской губерний в особую единицу, назвав ее „Каракорум Алтайский округ“. Местом для города предназначить правый берег Катунки между селениями Манжерок и Майма-участок Соузга... Название города „Каракорум“, а временно, до устройства города Каракорума, правление округа оставить в селе Улале“¹.

Это решение сопровождалось своеобразной торжественностью, которая также указывает на политическую и классовую подоплеку съезда.

„Ввиду решения столь важного по своему значению для горных жителей Алтая вопроса, постановили:

В 5 часов вечера по местному времени, в местной церкви отслужить благодарственный господу богу молебен.

На церковной площади освятить национальное знамя Алтая и устроить по селу Улале манифестацию. Сейчас же послать приветственные телеграммы: Григорию Николаевичу Потанину, Николаю Степановичу Гуляеву и Порфирию Евгеньевичу Семину.

¹—Протоколы учредительного горно-алтайского съезда, стр. 19—20.

янову, как людям всю свою жизнь работающим по истории алтайского народа, а одинаково и члену учредительного собрания, нашему избраннику М. Б. Шатилову.

Ввиду того, что многие инородцы выразили желание пойти своими средствами навстречу экономическому развитию области— решено: сейчас же приступить к подписке вкладов в основной капитал своего народного банка (подписка через четверть часа дала около 20000 руб.¹⁴).

Не удивительно после всего, что происходило на с'езде, принятие таких решений, как создание, вместо красной гвардии „национальной казачьей сотни“, ставшей впоследствии карательным туземным дивизионом с атаманом Сатуниным и его помощником под'есаулом Кайгородовым во главе.

Не удивительно, что председатель кузнецкого отдела Горной думы Сары-Сеп—Конзычаков, вернувшись со с'езда в свой отдел, объединивший шорцев: Телеутской, Томской, Мрасской, Верх-Кондомской, Барсиатско-Бежбояковской, Ашкиштымской и Тагайской волости, производит разгон советов и арест советских работников.

Сары-Сеп Конзычаков в своих воспоминаниях так передает эти события:

„На с'езде было постановлено резиденцию отдела перенести из г. Кузнецка в с. Осиновское... По моем приезде в Кузнецк со с'езда через небольшое время была презоглашена советская власть.. Не задолго до чехо-словацкого переворота, я по доносу в том, что будто бы отдаю инородческим волостям приказы о недопущении в эти волости переселенцев, был арестован и посажен в кузнецкую тюрьму... Вскоре после освобождения меня из тюрьмы произошел чехо-словацкий переворот.

В селе Осиновском, в котором помещался отдел, была контора акционерного общества кузнецких каменноугольных копей и при этой конторе находился управляющий копиями, который при перевороте потребовал от меня, как председателя высшего учреждения в селе, ареста совета рабочих осиновского рудника.

Обвинял их управляющий в том, что они сделали акционерному обществу миллионные убытки... Но так как в моем подчинении находились лишь инородцы, а не русские, то я и указал ему на это... Но он требовал ареста, согласно приказа нового правительства, с тем, что обвинительный материал даст он сам.. Ничего не приходилось делать, как только подчиниться“.

Не удивительно также и то, что по мысли председательствовавшего на с'езде профессора Анучина, в целях разжигания национальных страстей, проводится решение о созыве международного курултая (с'езда) представителей народов, некогда входивших в состав государства Ойрот, для образования независимой республики.

¹⁴—Протоколы учредительного горно-алтайского с'езда, стр. 16.

Об этом имеется следующее постановление с'езда:

„По докладу Анучина, с'езд признал за благо объединить в самостоятельную республику земли, входившие некогда в состав государства „Ойрот“, а именно: русский Алтай, земли минусинских туземцев, Урянхай, Монгольский Алтай и Джунгарию. Для учреждения республики назначить курултай (с'езд депутатов) от народов названных земель, который состоится в местности Кош Агач 23 июля 1918 г.; каждая из названных земель посылает на курултай депутатов в числе по одному от каждых трех тысяч населения. Для организации созыва и открытия курултая, а также для всех могущих возникнуть переговоров по делам республики, избирается особоуполномоченная комиссия из трех лиц. В состав ее входят: Анучин, Аргымай-Кульджин и Тюкин.“

Ход исторических событий перевернул вверх дном эти пустоголовые замыслы политиков из лагеря контрреволюции. Ни Анучину, ни Гуркину не суждено было стать Чингис-ханом или Ойрот-ханом—собирателем разрозненных племен монгольских и ойротских народов.

Их деятельность закончилась мелкой авантюрой, подготовлявшей почву более крупному авантюристу Колчаку.

15.

Крылья реакции.

Избранная с'ездом Каракорум Алтайская управа в составе: Гуркина, Шатилова, Манеева, Тюкина и Филатова приступила к работе. Ее основной задачей была подготовка к вооруженной борьбе с советами. Для этого управе приходилось прибегать к разжиганию национальной вражды, к игнорированию декретов Советской власти, к заговору, направленному против Октябрьской революции.

События не заставили долго ждать.

Почти одновременно по всему великому Сибирскому пути от Урала и до границ Манчжурии, где хозяйничал атаман Семенов, выступили против советской власти чехо-словаки.

Их эшелоны, разбросанные по линии железной дороги, представляли мощную всоруженную силу, против которой трудно было бороться красногвардейцам-рабочим, несмотря на изумительное героичество и отвагу появившиеся ими в защите революции.

Невиданную организованность, крепость и мужество проявили омские, красноярские и иркутские рабочие.

Был момент, когда чехи колебались, не веря в успех победы.

Толмачев рассказывает нам о личных переживаниях этого периода. Он недоумевает, как могло получиться так, что он, малограмотный крестьянин, солдат, фронтовик, вдруг оказался в центре крупнейших событий.

Толмачев говорит:

— До начала империалистической войны я был на действительной службе, моряком, минерами тихоокеанской береговой укрепленной зоны.

В первые же месяцы после объявления мировой войны, нас из Владивостока решили перебросить в Балтику. По дороге я дезертировал. Решил заглянуть к себе в деревню Шубенку. Известно, какие в то время были встречи и проводы. Семья ревет. В доме нищета. Старик-отец, как проклятый бьется, не находя выхода из нужды. Лучше бы не смотреть. Плюнул я, и, скрепя злобу, отправился на железную дорогу догнать свой эшелон.

Кое-как изворачивался. Хитрил. Думал настигну братву и отделаюсь пустяковым замечанием. Ан не вышло по моему.

В челябинске попал на глаза коменданту. Арестовали. А дальше военная гауптвахта, суд за дезертирство, маршевая рота и фронт.

Так из моряка я стал пехотинцем.

Обратно в Шубенку вернулся после Октябрьского переворота. Заразу большевистского фронта перенес в деревню. Стал яростным агитатором за советы. Дальше пошла дорога в гору, тяжелая дорога, но она сделала из меня сознательного борца за классовые интересы пролетариата.

Вскорости шубенскими крестьянами я был командирован депутатом на уездный съезд советов.

Из Бийска попадаю на первый Барнаульский Губернский съезд. Здесь меня, как активиста, фронтовика, избирают в Губернский Исполнительный Комитет, потом заместителем председателя Губисполкома.

И чем сложнее была обстановка, чем больше трудностей выпадало на наши плечи, тем упорнее хотелось преодолеть их и тем радостнее теперь вспоминать об этом времени.

Помню гнетущие минуты, часы и дни нашего поражения. Я тогда возвращался с Иркутского всесибирского совещания председателей губисполкомов.

В Красноярске застала весть о выступлении чехов. Путь на Барнаул оказался отрезанным. Мариинск был в руках контрреволюционеров. Из Красноярска на фронт двигались батальоны красногвардейцев.

Я, как минер-моряк, предложил свои услуги руководить бронепоездом подрывников.

Свою задачу мы выполняли успешно. Под прикрытием огня красногвардейцев, между Ачинском и Мариинском нам удалось, на большом протяжении, взорвать железно-дорожное полотно, отрезать путь продвижения чехов на Красноярск.

Руководитель чешских полчищ, полковник Гайда, под зрылышком дипломатических представителей великих держав, вынужден был пойти на мирные переговоры с красноярскими большевиками.

Во главе мирной делегаций от большевиков стоял товарищ Вейнбаум. Его полномочия по телеграфу были подтверждены председателем Совнаркома В. И. Лениным.

В числе других представителей мирной делегации я так-же, как делегат фронта, принимал участие в переговорах.

Они велись на станции Мариинск в вагоне дипломатической миссии генерала Жанена и приняла затяжной характер.

Это дало возможность чехам выиграть момент. Полученные сведения Гайдой о занятии Омска воодушевили этого палача Сибири на новые авантюристические шаги.

Он прервал переговоры, продвинув тем временем свои силы в обход красногвардейского фронта.

Началось наступление на цитадель сибирских большевиков—Красноярск.

Сдерживать дальнейший натиск было не под силу. Большевики, с горсточкой вооруженных людей захватив пароходы, бросились на север по реке Енисею.

Преследуемые противником, они были захвачены и лучшая, руководящая часть из них—уничтожена.

Погибли: Дубровинский, Вейнбаум, Яковлев, А. Лебедева. Погибли десятки организаторов, стойких борцов за коммунизм, верных сынов пролетарской революции, авангардных сил старой большевистской гвардии, организаторов и передовых энтузиастов сибирского рабочего класса.

Каракорумской управой чехословацкое выступление было встречено, как радостное избавление от большевиков. Каракорумская казачья сотня пригодилась для быстрой ликвидации „совдепщиков“. Жажда расправы туманила голову. Сатунин, забравший в руки командование сотней и реорганизовавший ее в туземный дивизион, быстро прогремел на всю Алтайскую губернию, как беспощадный каратель.

Выступивший на Алтае в защиту советов Василий Иванович Плетнев, с небольшим отрядом партизан, не мог выдержать натиска белых. Будучи замкнут в кольце восставшей белогвардейщины, Плетнев метался по Чуйскому тракту, между селами Алтайским и Шебадино. Это был первый смелый шаг партизанского отпора в очаге контрреволюционной авантюры. Только под давлением превосходящих сил противника Плетнев распустил отряд и, перейдя на нелегальное положение, одним своим именем приводил в трепет разнузданную банду Сатуняна.

Плетнев появлялся неожиданно в самом центре действий каракорумского казачьего дивизиона. Говорил пламенные речи на собраниях крестьян... Призывал к оружию.. убеждал... рассеивал сомнения малочисленных... поднимал дух. И так-же стремительно исчезал, оставляя после себя след взбаломученного крестьянского моря.

В Плетневе жил анархический дух протестанта-индивидуалиста. вечно кипевшего огнем стихийного бунта. Он почти ничего не читал, в голове его роились бессистемные обрывки мыслей, подхваченных от случайных ораторов и докладчиков первых дней революции. Марксизм, как система, был для него чуждым и непонятным учением. Он не знал психологии рабочего класса. Был противником какой бы то ни было дисциплины. Не признавал авторитетов.

— „Бороться с гадами и человеческой мразью, желающей повернуть назад от революции к угнетению,—вот закон жизни и честный путь всякого революционера. Погибнуть в борьбе, есть наслаждение,—говорил Плетнев.—Тот, кто думает жить спокойно,—дурак! Спокойно живет свинья и та издает крик протеста, когда ее тащут под нож.. Чем ярче огонь революции, тем большему числу поколений будет светить он, указывая путь... Мир одряхлел—пора его разрушить и построить новый“...

К весне девятнадцатого года Плетнев перебрался через колчаковский фронт на сторону красных.

Меджит, действовавший одновременно с отрядом Плетнева, был схвачен в Бийске.

Избитый до потери сознания, он трое суток валялся в тюремной камере, ожидая расстрела.

В голове стоял одуряющий шум. Ноющая боль сковала бока и плечи.

Прорвавшийся кашель выбрасывал из горла черные сгустки запекшейся крови.

— „Не убивают сразу... им нужно наслаждение муками обессиленного классового врага... Пусть ликуют, сволочи! Не понимают своей обреченности,—тем хуже для них“.

Так думал Меджит, стараясь отогнать мысль о приближающейся угрозе смерти. После всего пережитого еще сильнее захватывало желание жить.

„Только бы выйти из тюрьмы... какое это будет счастье!“

„Как зол и свиреп он будет к своим врагам!“

Мысль говорила: „В классовой битве не может быть пленников.. Они поступают правильно, если меня уничтожат, если же оставят,—я с большой ненавистью, чем они теперь, буду уничтожать их... Классы не уступают места без драки, а раз драка началась, она не кончится, пока не сойдет со сцены один из противников. Пусть злорадствуют враги Октябрьской революции и потешаются временным успехом... Буржуазии не уничтожить пролетариат... Он законнейший мститель капитализма... Он победит!“...

Через несколько дней Меджита перевели в Барнаульскую тюрьму.

Шли дни.

Мыльным пузырем лопнули надежды эсеров и областников на учредительное собрание.

Сибирским промышленникам, торговцам, кулакам, сибирской женщине нужна была твердая классовая власть. Нужен был диктатор, способный бросить в мусорный ящик пустую игру в бело-зеленые знамена.

Дорога была расчищена.

Вместо Авксентьевско-Потанинской директории, под звуки монархических гимнов, выплыла фигура адмирала Колчака.

С появлением на сцене „верховного правителя“, всяким национальным стремлениям об'является решительная борьба. Как основной принцип выдвигается лозунг „единой неделимой России“. Каракорумская управа, за попытку сохранения своих национальных прав, реорганизуется, а ее создатель и выразитель воли областников—Чорос—Гуркин—попадает в тюрьму.

О том, что переворот, осуществленный чехо-словаками, не противоречил политической линии Каракорумской управы, говорит тот факт, что один из ее членов—областник Шатилов—становится министром Омского Авксентьевско-Потанинского правительства.

Сатунин и Кайгородов превращаются в неограниченных атаманов, зверски преследующих революционеров-большевиков, крестьян и рабочих.

После ареста Чорос Гуркина, во главе Каракорумской управы становится еще более сговорчивый с колчаковской властью ойрот, врач, областник, член финансово-экономического совета—Тибер-Петров. Этот период знаменуется наибольшей разнузданностью действий со стороны той контрреволюционной накипи, которая бежала из центральной России и осела в алтайских горах после разгрома Октябрьской революцией прежних правящих классов.

Возродившееся к тому времени партизанское движение встречает жестокое преследование со стороны Каракорумских „деятелей“.

Вихрь гражданской борьбы, расширяясь, захватывает все большие слои населения.

Образуется два лагеря, враждебных друг другу, непримиримо настроенных, решивших биться до конца, пока не будут исчерпаны все силы.

Каракорум становится нарицательным именем для белобандитских шаек на Алтае. История Каракорума,—история борьбы за власть в непроходимых дебрях алтайских гор. Это история того, как враги пролетарской революции, использовав национальную ненависть ойротов к их угнетателям—русским купцам, миссионерам, царским чиновникам и полиции—повели часть этого народа против революционных рабочих и крестьян, свергнувших у себя власть эксплуататоров.

В этом убедились ойроты на горьком опыте своих ошибок.

Отвезственная задача падала на коммунистов, работавших в колчаковском подпольи. Каждый день грозила опасность быть открытым, попасть в руки контрразведки.

Однако организации росли, сплачивались боевые силы, тянулись ниточки связи от городских комитетов к таежным партизанским штабам, к ячейкам предприятий, к солдатам колчаковских казарм.

Леонид в это время работал в составе Барнаульского комитета большевиков. Конспирация для него была привычным делом. Он завербовал не один десяток новых членов. Ночи не приходилось спать.

Каждую минуту грозила опасность. Особенно тревожными становились дни после того, когда провалился районный железно-дорожный комитет.

Это показывало, что контрразведка делала свое дело. Нюхала... Попадала на верный след. Создавалась угроза провала городского комитета.

Выход был один...

Найти путь проникновения в тайны контрразведки. Как это сделать? А сделать обязательно нужно. Во что бы то ни стало. Без щупальцев, которые бы сигнализировали опасность, обойтись нельзя. Долго обдумывали план. Построили верный расчет. Передали товарищам—арестованным железнодорожникам просьбу попытаться склонить кого-либо из контрразведчиков. Обещали гарантию неприкосновенности в случае переворота.

Подействовало.

Один из них дал согласие. Установили место явки. Проверили. За собой сохранили право исключительно через членов комитета получать необходимые сведения. С тех пор каждый шаг контрразведки стал известным.

Красная армия впервые нанесла серьезные поражения колчаковскому фронту. Начались судороги раненого зверя. Тыл запылал партизанскими восстаниями. Единственным резервом Колчака оставалась городская интеллигенция. Был отдан приказ о мобилизации ее в армию.

На этот шаг Барнаульский комитет большевиков ответил решением: коммунистам не уклоняться от мобилизации, проникнуть в казарму, пропитать ее своими силами, создать крепкую вооруженную организацию, готовить вооруженное восстание.

Руководство по выполнению задачи возлагалось на Леонида. Он становился военным организатором, будучи солдатом №-ского колчаковского батальона. Началась подготовка. Быстро расстановивали силы. Один из подпольщиков, коммунист, фронтовик, рабочий Пировских, имевший звание старшего унтер-сфидера, получает фельдфебельское место. Это во многом облегчало работу.

Недовольство и глухой ропот перекачивались от одного к другому, создавали обстановку бурлящего котла, вызывали тревогу у командного состава батальона.

Леонид докладывал городскому комитету план действий. Он горячо убеждал в необходимости выступить как можно быстрее.

— Во-первых,—говорил он,—мы имеем вполне подготовленное ядро в батальоне; можем в любое время подобрать из своей группы наряд караульной команды в тюрьму, разоружить надзирателей, освободить арестованных, овладеть казармой, покончить с офицерским составом. Пировских примет на себя командование батальоном, сила окажется в наших руках, захватим государственные учреждения, изолируем буржуазию, создадим свои аппараты управления.

Во-вторых, мы немедленно свяжемся с партизанским фронтом Мамонтова-Громова; вольем свежую струю бодрости, энергии, энтузиазма, уверенности в победе. Часть партизанских сил оттянем для защиты города; подготовим базу более широких вооруженных действий; дадим сигнал к началу выступлений в других городах Сибири.

В-третьих, мы должны действовать немедленно, потому что по сведениям, полученным от контрразведчика, в батальон влита солидная часть секретных агентов.

Мы их знаем в лицо, следим за каждым шагом, проявляем чрезвычайную бдительность, но мы не можем поручиться за то, что не найдется провокатор, который не разоблачит работу нашей организации. Только форсированным развертыванием событий мы можем предупредить всякие случайности, выиграем время и обеспечим успех*.

Комитет утвердил план.

На второй же день было передано об этом в тюрьму, одному из арестованных членов железнодорожного райкома.

Началась подготовка.

В казарме чувствовалось исключительное напряжение.

Настал день выступления.

Караульная команда была подобрана. Каждый товарищ информирован о стоявшей перед ним задаче. Леонид входил в состав команды для руководства тюремной операцией. Товарищ Пировских оставался в казарме. Он должен был поднять ее на ноги, как только получит сигнал об освобождении тюрьмы.

Прошел обед. Солнце склонилось к закату. Приближалось время отправки караула. Вдруг, неожиданно для всех, по казарме забегали ротные командиры.

Явился дежурный по батальону.

Раздалась команда:

— Смирно!... Стройся!...

— По порядку номеров расчитайся!...

— Первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой...—в перескочку, догоняя одна другую, побежали по шеренге разноголосные цифры подсчета.

— Слушай мое сообщение,—раздался голос помощника батальонного командира.—Солдаты, на вас выпала честь показать свое героическое, оправдать звание защитника родины в годину выпавших ей испытаний. Преследуемые доблестными частями атамана Анненкова, партизанские банды Громова-Мамонтова в панике отступают к городу

Барнаулу. Главнокомандующим отдан приказ: нашему батальону выступить в боевом порядке и наголову разгромить эту сволочь. Роты и команды, в два счета привести себя в полную готовность! Господа офицеры, на вас лежит долг беспрекословно выполнить отданный приказ!

— Слушаемся, господин полковник!—ответила кучка столпившихся офицеров.

Точно молния прорезала головы присутствующих большевиков мысль:—провокация!

И, как будто в подтверждение этого, прозвучал голос в заднем ряду шеренги:

— Граждане-солдаты!

Леонид невольно повернулся в сторону говорившего. Выкрик принадлежал секретному агенту контрразведки. Сомнений не было. Вся эта игра являлась провокационным маневром.

Агент продолжал:

— Мы не обмундированы... босы... голодны... Разве можем мы идти в таком состоянии на фронт? Пусть воют господа-офицеры... Не пойдем, граждане-солдаты, что они могут нам сделать?

— Правильно!—ответили разрозненные голоса подставных крикунов.

По рядам прокатился недоумевающий шопот. Леонид понял, что медлить нельзя ни одной минуты. Нужно пойти на перерез провокационной затее. Он крикнул:

— Господа, не место и не время подобным выкрикам. Этот агитатор не иначе, как большевистский шпион. Пусть он ответит за свою попытку подстрекать к неуместному бунту. Мы должны потребовать немедленно арестовать этого изменника и предателя.

Глаза Леонида встретились с округлившимися зрачками контрразведчика. На физиономии провокатора была написана дурацкая растерянность и злоба на неожиданный оборот речи выявленного им главаря большевиков.

В казарму бомбой влетел командир батальона.

— Что, бунтовать, сукины сыны, прохвосты!—раздался его звериный рык.—Я вам покажу, мерзавцы!... Кто здесь зачинщик?... Два шага вперед—шагом арш!...

— Вот он, господин полковник,—ответил его помощник, указывая на контрразведчика.

— Что?!.. Не может быть!... Я их, подлецов, всех на перечет знаю.

Увидев сигнализирующие знаки помощника командира, понял, что его заряд потрачен впустую.. Сорвалось... вышло не так, как думал.. Грузно поварачиваясь то в одну, то в другую сторону, он проковылял дрыгающей старческой походкой к правому флангу и оттуда зычно бросил:

— Сборы отставить!

Офицеры направились к выходу.

Немного погодя, дежурный по батальону отдал распоряжение:

— Караульной группе, во главе с фельдфебелем Пировских, приготовиться через два часа к отправке на пополнение команды бронепоезда „0,64“.

Это означало расправу и окончательный провал большевистской организации в казарме. Леонид отдал, по цепочке связи между своими товарищами, распоряжение; „немедленно бежать из города в тайгу, к партизанам... другого выхода нет“.

Сам он с товарищем Пировских тотчас же оставил стены казармы, чтобы явиться в городской комитет и сообщить о постигшей их неудаче.

Через день из Барнаульской тюрьмы вывели тридцать человек арестованных и под усиленным конвоем отправляли в город Мариинск.

Среди них выделялась фигура со смуглым заросшим черной бородой лицом, с глазами кочевника.

Это был Меджит.

Жена Меджита Евдокия из города в город следовала по пятам арестованного. Добивалась свиданий. Утешала в минуты уныния. Рассказывала:

— Мужики начинают волноваться... в партизаны уходят... есть слух, будто белым осталось не долго царствовать... Только от этого они еще лютее становятся.

Знание монгольского языка помогало ей передавать секретные новости.

В Мариинске она пришла однажды в тюрьму в возбужденно-радостном настроении.

— Знаешь, Меджитка, я придумала способ уйти тебе отсюда... Только ты должен на это решиться скорее.. Время не ждет... Говорят, по тюрьмам начались расстрелы... Мстят белые за свои потери на фронтах... Так ты уж того... беспрерывно выполняй, что я тебе скажу... Слышишь?... Главное — не мешкай. Один день какой — и будет поздно. Видишь ли, за мной приволокнулся тут один солдатик, на манер рассыльного у глазного начальника гарнизонного. Он часто ходит с пакетами в тюрьму.. Так вот я надумала перехватить его по дороге... Утащить к себе... Улестить, как надо, а тем временем в пакет то и подложить вместо настоящей поддельную бумагу: будто тебя вызывает начальник на допрос. Мне уж такую бумагу заготовили... Как есть, и печать и подпись его подвели.. Так ты смотри, обмозгуй хорошенько-как и что, а завтра или послезавтра дело будет сделано.

— Ты что в уме, баба, или рехнулась?... Ведь ты с этим сама можешь попасть!... Ты подумала над этим?...

— А то нешто нет?... Да я хоть сейчас за тебя сяду... Какой от меня толк на воле то?... Ты, по крайности, пользу принесешь.. Ты во как нужен сейчас в деревне.. ...Меня и арестуют, так не много возьмут. Все обдумала, Меджитка, все!.

— Ну, хорошо... бумагой меня вызовут к начальнику, а как же освободиться от конвоя, который поведет из тюрьмы?... Ведь, ежели, по этой бумаге я буду доставлен к гарнизонному,—значит все раскроют...

— То то и дело, что повести—поведет тот же солдатик. Так и в бумаге об этом прописано... Ну, дальше все будет так, как надо: зайдете ко мне, будто повидаться... Я упрошу его сделать такую милость, ради любви к нему, дураку.. Вот и все.. Дальше уж ты сам смекай, как удобнее уйти, а обо мне не заботься.. Я не пропаду.

— Эх, Дуська, не знал я в тебе такой прыти!... Ну, что-ж... буду готовиться.

— То-то!... Может и еще на што пригожусь... Значит—жди!

Прошел день, второй, третий...

В ночь на четвертый день из двух камер вызвали пять человек и расстреляли за стеной тюремной ограда.

Холодная жуть вползла под своды каменных мешков... липким спрутом запустила щупальцы к каждый „глазок“... Не верилось, что наступит утро. Чутко ловили шорохи... Не было сил побороть страха неизвестности... В камере Меджита полусумашедший старик дрожал, забившись в угол, шепотом повторяя одну фразу:

— Жить хочется... жить!...

К обеду четвертого дня, после разговоров Меджита с Евдокией, его вызвали в тюремную контору.

— Вот этот самый,—сказал помощник начальника тюрьмы.—Веди, да пусть на обратном пути усилят конвой, а то скоро с одним пакетом, на совесть арестанта отправлять будут... Совсем распустились, будто так и надо!

Рыжий солдат, в стоптанных ботинках, в английском френче и галифе цвета хаки, стоял ослабевший, не зная, что ему предпринять,

— Пойдем, что-ли,—сурово проронил Меджит. Неловко потоптавшись в дверях, они вышли на лестницу, выводящую широким крыльцом прямо на площадь.

Море света хлынуло режущим глаза потоком. Воздух пьянил

— Хорошо придумано!... почти в слух сказал Меджит.— А как служивый, нельзя будет по пути завернуть к жене, бельишко переменить?... Чисто беда, брат, вощь заела. Если можно—сделай одолжение.

— Почему нельзя... Только, брат, того... ни гугу сб этом, а то знаешь?...

— Разве я не понимаю...

— То-то...

Все остальное расстояние шли молча... Солдат делал строгий вид конвоира, которому не разрешено вступать в разговоры с арестованными.

стованным. У самой квартиры он боязливо оглянулся вокруг и первый шмыгнул в полуотворенную калитку.

Евдокия суетилась, накрывая на стол. Быстро и весело задавала вопросы, тараторила.

Наконец, как бы спохватившись, бросилась к ящику:

— Ах я, дура пустоголовая!... я и забыла, право, белье-то приготовить; ты уж сейчас переоденься... вот рубашка, подштанники, носки, а грязное оставишь—выстираю... Да на кровать не клади, а то вшей не оберешься после. Иди в горницу.

Она пропустила Меджита, и сделав за ним шаг, прошептала:

— Окно в ограду... через пригон... в переулок.

Затем уже громко:

— В угол здесь бросишь грязное-то.

Хлопнула дверь и спокойно стала продолжать неоконченное дело.

Прошло четверть часа.

Почувствовав что-то неладное, конвоир начал беспокойно бегать глазами, как бы отыскивая причину для того, чтобы заглянуть в смежную комнату.

Евдокия предупредила это желание. Она распахнула дверь и совершенно естественно вскрикнула:

— Ох, батюшки, да ведь мужика-то нету!..

— Как нету?—дико озираясь пролепетал солдат.—Куда-ж он делся?

— Ушел, видно.

— Как ушел?

— А так просто, собрался в чем есть и дал маху через окно.

— Ты слышь, не дури, стерва.. Да ежели бы я знал такое дело...

— То-то вот—ежели бы знал! А ты не кипятись шибко... Руганью тут не поможешь.. Ты сообрази, дурья голова, ведь за то, что ты сделал, тебя под расстрел подведут. Теперь не теряй зря время... Сматывай монатки да подальше из города.. Солдатское свое обмундирование сбрось... В ем недалеко уйдешь...

— Эх, убила ты меня... живым в гроб закопала.

Посидел, подумал.

— А ты как же?

— Я сейчас на вокзал.

— Ловкая ты, Авдотья!.. Вот за это самое,—цены тебе нет.. Ну, будь здорова!.. Я прямо на Кузнецк ударюсь, к партизанам.. Встретишь мужа—поклон сказывай... Будет, мол,—отслужил временному правительству,

Он круто, по-военному сделал поворот и твердым, уверенным шагом направился к выходу.

Вечером, перед отправкой поезда, Евдокию задержали на вокзале и, минуя городские улицы, пустырями доставили в ту же тюрьму, из которой при ее содействии ушел Меджит.

Жутки были расправы каракорумских властителей.

Свирепы пытки атамана Сатунина и его помощника—под'есаула Кайгородова.

Им помогали попы.

Достаточно привести несколько выдержек из отчета миссионера Чулышманского отделения, чтобы убедиться, какой иезуитской подлостью пропитаны поповские приемы борьбы.

Иеромонах Димитрий пишет:

— „Правду сказать, в это смутное время не до привлечения новых овец в ограду церкви христовой, а, дай бог, охранить свое стадо от рыскающих волков“.

Оценивая роль своих прихожан в событиях Октябрьских революционных дней, он рассуждает:

— „Дело в том, что половина населения долины Чулышмана, а следовательно и моего прихода, не участвовала в смуте, а потому не виновата, другая же половина, как раз наоборот“.

Пользуясь этим, иеромонах ведет свою линию:

— „Инородцы второй половины моего прихода со времени приезда военного отряда начали страшно тяготаться ожиданием судебного следствия и законной кары за содеянное ими по темноте. В каждой юрте, где только приходилось бывать миссионеру, спрашивали, как поступить, чтобы загладить свою вину и чтобы „там“ не считали их большевиками? К тому же в наш отдаленный от центра угол то и дело приходили слухи, что вот-вот опять приедут военные власти для наказания виновных.“

Сперва на их просьбы я намеренно молчал. Мнительные, темные люди приходили в отчаяние.

Наконец, чтобы облегчить таковое их состояние, я несколько раз совершал богослужение в приютском и монастырском храмах, с произнесением поучения и призыва к раскаянию“.

И в этом случае длиннополый служитель бога не брезгает призвать на помощь „промысл божий“.

Но без личных выгод эти черные вороны старались вернуть старые порядки. Распластанные над Сибирью крылья реакции содействовали этому. Все гаденькое поповское смирение сводилось к защите питавшего их капитализма.

Авантюристы и предатели об'единились для того, чтобы крепче затянуть петлю на шее рабочих и крестьян.

Тот же иеромонах Димитрий с наглой откровенностью заканчивает свой доклад:

— „Не желая обременять прихожан излишними налогами, которых у них и так много, с нового 1919 года я предложил прихожанам платить мне 800 рублей, а дьякону 500 рублей в год. Прихожане с благодарностью согласились. Теперь они хорошо сознают, что мы служим им за такое мизерное по времени жалование, стараются щедро платить за требы и не деньгами, а вещами. О приютской земле

теперь в народе нет уже речи. Все поняли, какое они безумие творили, отнимая у прачта этот маленький участок земли. „Вообще мы в истекшем году особых лишений не терпели“.

Понятно, какую ненависть в массах разжигало подобное поведение каракорумских белобандигов, их атаманов и духовенства.

16.

Партизаны.

Закончив работу, политгруппа из Абая выехала по направлению Усть-Коксы.

Дорога здесь идет горной тесниной, прорезанной рекой Коксой. Кое-где, стесненная отвесными бомами, она шумит таежными шумами, напоминая времена партизанских скитаний и стремительных налетов партизанских отрядов на колчаковские гарнизоны.

Во время привала в Тюгурюкской долине, командир ЧОН Горного Алтая Ролик—Виноградов рассказывает о своих партизанских похождениях.

Он сидит на траве. ворот рубашки расстегнут. Босые ноги поджаты по восточному. Волосы вз'ерошены. Кажется, что он только, что вырвался из кольца яростных атак и продолжает еще дышать пороховым дымом.

Громоздятся события революционной эпохи Сибири. Тени прошлого обступили рассказчика.

Он говорит:

— „Нас было семнадцать рабочих кольчугинских копей, решивших поднять восстание против Колчака. Мы поставили перед собой задачу овладеть гарнизоном нашего рудника. Долго вели подготовку.. сомневались в своих силах... боялись прогадать.

План действий сводился к захвату и уничтожению офицерского состава. Прodelали мы это без всяких потерь с нашей стороны. В разгар офицерской пирушки ворвались в гарнизонный клуб и, не дав опомниться, перебили всю эту сволочь.

Часть гарнизона примкнула к нашему выступлению. Но удержать власть мы не сумели. Пришлось отступить... Уйти в тайгу... Начать партизанскую борьбу.

Постепенно к нам стали вливаться восставшие группы крестьян. В тайге все сравнялись... Все похожи друг на друга... все как один. Лица бородатые, одежда в лохмотьях, за плечами самодельное ружье или партизанская пика. Ею легче орудовать... В момент горячих сиватов пика становилась незаменимой... кажется, что снопы подхватываешь вилами... Дело знакомое... наторела рука в полевых крестьянских работах.

дой мысли раззвонишь, да еще приметы перечислишь. Так то вернее будет.

— И то правда. Проходи, голубчик.. вот тут на крыльце пока присядь, а я мигом за квасом в погреб слазаю.

Подоткнув юбку, женщина торопливо зашлепала босыми ногами к погребу.

— Дорка!.. Кейка!.. Девчонки! Штобы вас пострел взял, вертихвостки.. Слышите?

— Што мамонька?—послышался сзади Меджита звонкий голос белокурой девчурки, боязливо с'ежившейся при виде постороннего человека.

— Ставьте самовар, да подметите пол, чтобы у меня чисто было.

— Чичас.

Меджит только теперь почувствовал усталость от пройденного пути. Ныли ноги. Все тело размякло от зноя и одуряющего запаха трав. В голове стоял шум. Когда хозяйка вернулась, он попросил разрешения остаться переночевать.

—Куда же ты на ночь глядя? Вестимо, ночуй.. У нас тут в безопасности.. людей, почитай, никогда не видим: двенадцать верст до самой близкой деревни, а до городу никак больше тридцати будет. Поди скоро и Нефед Фокеич подойдет,—хозяин мой.. Он у меня добреющий человек.. вгрой десяток доживаем вместе.. Раньше то мы в деревне жили, а теперь здесь вот.. Ну, проходи в избу, гостем будешь.

Нефед Фокеич оказался рассудительным и добрым мужиком, от которого еще не выветрился „земляной дух“, хотя он шестой год числился штатным ремонтным рабочим и вот уже больше года жил с семьей в будке, исполняя обязанности путевого сторожа.

Домна Ипатьевна, его жена, после ужина приготовила постель Меджиту в небольшой кладовке, примыкавшей к сеням железнодорожной будки.

Ночью Меджит почувствовал озноб. В голове происходила какая то путаница мыслей. Сердце стучало.

Утром слабость еще более усилилась. Это было начало сыпного тифа. Меджит потерял сознание.

Домна Ипатьевна заботливо ухаживала за больным квартирантом.

Через две с половиной недели Меджит поднялся. Кризис наступил так же неожиданно, как и возникновение болезни. Домна Ипатьевна радовалась каждому новому признаку восстановления сил. Ей было приятно видеть, как человек, обреченный на верную гибель, благодаря ее старательному уходу, бессонным ночам и заботам, снова начинал жить.

Эта радость передавалась выздоравливавшему Меджиту и в его глазах, светившихся непотухающей благодарностью к Домнушке, было то великое чувство преданности, которое не забывается на всю жизнь.

Как только Меджит окреп, он тепло распрощался с Домнушкой, с Нефедом Фокеичем, с Доркой и Кейкой, которые перестали его бояться, и снова отправился в путь, стремясь скорее добраться до партизанских отрядов, развернувших к тому времени наступление широким фронтом.

Сложенная алтайскими партизанами песня красочно говорит о революционных битвах и жертвах, на которые шли тысячи труженников деревни.

„Близ сел Солоновки-Об'енной,
Среди Космалинских боров,
Есть место, облитое кровью,
Героев лихих молодцов.
На этом на месте кровавом
Кипел ожесточенный бой,
Широкое поле покрыли
Лихие герои собой.
Там в воздухе рвались шрапнели,
Шипел раскаленный снаряд,
Там пули летели и пели
И сыпались всюду, как град.
Там Манит изгибы сверкали,
Был мраком покрыт небосклон;
Там лучшие силы страдали
И царствовал всюду огонь.
Пустились в атаку сибирцы,
А с ними герой Колядо,
Бесстрашный товарищ Стреляев
И много других полегло.
Погибли героя-сибирцы,
Живыми врагу не сдались,
За красное знамя советов
Они, умирая, дрались.

За неудачами партизаны переживали и минуты радости, вселявшие бодрость в их поредевшие ряды. Вот призыв, брошенный неизвестным поэтом под впечатлением новых подкреплений, идущих на смену выбывшим из строя.

„ О, товарищи, смотрите,
Солоновкой дан сигнал,
К нам полки уже на помощь
Сам народ послал.
Партизаны, не робейте,
Будьте стойкими в бою,
Вы друг другу отвечайте:
Не сдадим врагу“!

Встреча с Красной армией для партизан явилась днем величайшей радости. Победа была достигнута и закреплялась неудержимой лавиной советских войск.

Наиболее стойко и организованно в Сибири проявили себя за все время вооруженных битв партизанские отряды под руководством Мамонтова, Громова, Щетинкина, Кравченко, Яковенко, Каларандашвили и др.

Иные были настроения в отрядах партизан, оперировавших в пределах Чумыша, Горного Алтая и южных районов Бийского уезда. Здесь стихийное движение, не получившее оформления политических задач, презращалось в прямую свою противоположность. В отдельных случаях оно наносило вред делу восстановления Советской власти. Вместо большевистского руководства вожди партизан плелись в хвосте анархистских и эсеровских лозунгов.

Отряд Рогова и Новоселова являлся осколком махновщины.

Меджит, попавший к Рогову и получивший назначение командира эскадрона, пытался повернуть движение на путь задач, поставленных Советской властью.

Но это повело к тому, что после занятия Тогула, между Меджитом и Роговым произошел окончательный разрыв, заставивший Меджита уйти из подчинения Рогова и направиться со своим эскадронам в сторону Барнаула.

С приходом Красной армии и образованием губревкома, Меджит получил командировку в Горный Алтай, где в это время происходили стычки между частями первой партизанской дивизии Третьяка и отступавшими в Монголию колчаковцами.

Партизанское движение в Горном Алтае, нося характер разрозненных вспышек, имело свои приливы и отливы. Его отрицательной стороной была то, что приводит в своих воспоминаниях партизан Гомзин.

— „Была плохая сплоченность, отсутствовало вооружение и хороший командный состав, но самое главное—каждый отряд хотел защищать лишь свою деревню“.

Отдельные отряды, под видом борьбы с каракорумцами, занимались мародерством, притесняя мирных жителей алтайцев ойротов.

Один из организаторов партизанского движения в Горном Алтае, Беззубцев, передает следующую картину:

— „В Кырляке мы встретили отряд Шипулина, который нам рассказал, как происходили бои с шебалинской дружиной. Отряд настолько был опьянен успехом, что считал себя непобедимым.“

По пути, возвращаясь, шипулинцы не упустили из виду пограбить алтайцев, у каждого тороки были забиты разным алтайским добром. Вплоть до самого Шипулина—все были пьяны“.

В пределах Уймона движение приняло еще более уродливые формы.

В результате восстания против колчаковщины, власть оказывалась в руках исполнительного комитета из эсерствующих „вождей“.

В своих „мудрых“ разглагольствованиих, изложенных в „Уймонской конституции“, они выпячивают свое мелкобуржуазное нутро на первый план. Вот соль их политических требований:

„Чтобы не быть ответственными за могущее возникнуть анархическое состояние страны на почве безвластия, комитет приложил и прилагает все силы к тому, чтобы без верховной власти народа ничего общегосударственного делалось не было и все сводилось для народа и через народ.

Никакая власть не имеет права пользоваться в дурную сторону народным доверием. Лишь порядок во всем и планомерность ведет к свободной гражданской жизни“.

Еще более ярков выражение своей политической бесхребетности получает следующее место „конституции“.

„Народ хочет быть властелином своей судьбы и желает, чтобы голос его стал верхом всего, в каком бы учреждении он ни был сконструирован. Для этой цели народ востал, дав этому восстанию физические и экономические силы, но в тоже время на этой физической и экономической силе он не хочет односторонне строить свою жизнь.

Народ прекрасно понимает из опытов истории, что всякая односторонняя сила, не имеющая противовеса в виде равной силы со стороны самого народа, ведет неизбежно к диктатуре одного органа власти над другим и в результате, как неизбежное следствие, рождаются произвол и абсолютизм, а наряду со всем этим народное недоверие и волнение, затем групповые, классовые и личные счеты, а с ними и все последствия, какие пережиты народом за время с революции 1917 г. и до наших дней“.

Только после слияния первого Солонешенского партизанского полка с вторым Усть-Канским полком и образования бригады во главе с Третьяком, партизанское движение в Горном Алтае получает большую планомерность и политическую четкость. Третьяк дисциплинирует порученные ему части, ставит задачу создания советов.

Дальнейшее объединение отрядов приводит к необходимости организации первой горно-алтайской партизанской дивизии.

Командир дивизии Третьяк становится одним из популярных руководителей партизанского движения в Горном Алтае.

17.

Горно-Алтайский уезд.

Весь октябрь, ноябрь и декабрь месяцы 1919 г. непрерывным потском тянулись к монгольской границе отступившие волчаковцы.

Прокладывая дорогу в таежных дебрях, они брели окольными путями, полуголодные, измученные, потерявшие чаловеческий облик.

На остановках осторожно прислушивались к таинственному молчанию Алтайских гор. Остекленевшим взглядом смотрели в жуткий оскал ледяных вершин, в далекий горизонт чужого, неприветливого неба.

Как невидимый призрак, вместе с уходившими во все углы расползалась эпидемия тифа. Выбившись из сил, люди часто умирали в пути. Хоронить было некогда. Трупы бросали среди дорог.

Обезумевшим стадом металась в паническом страхе те, кто еще недавно казались грозными вдохновителями контрреволюции. Только туземный дивизион Сатунина-Кайгородова попрежнему грабил население, расстреливал и порол. Ему подражал в кровавой разнузданности отряд полковника Хмелевского.

По пути следования—в Чарге, Шебалине, Тузкте, Онгудае и других населенных пунктах выростали братские могилы замученных крестьян, подозреваемых в сочувствии красным.

От поры до времени партизанским отрядам удавалось перехватывать отдельные группы отступающих. Забирали их обозы, больных и раненых, женщин и детей.

В обозах находили немало ценностей. Здесь было серебро, золотые вещи, дорогие меха, одежда, обувь, целые тюки мануфактуры, запасы оружия.

Пленники клялись, что они за Советскую власть, что их силой принудили идти неведомо куда и неизвестно зачем.

Сатунинские зверства становились непереносными даже для некоторых офицеров его штаба и один из них покончил с Сатуниным выстрелом из нагана.

Сатунинцы расправились с убийцей командира, вздернули его на воротах. Однако разложение в отряде пошло своим чередом.

Началось поспешное отступление к границе. Командование отрядом принял подесаул Кайгородов. Он всеми силами старался поддерживать традиции своего предшественника.

Вместе с Кайгородовым переступили границу Монголия Чорос-Гуркин и ряд других деятелей каракорумской управы.

Борьба закончилась.

Партизан сменили регулярные части Красной армии.

*****

Губернский центр долго колебался, не зная, что делать с бывшим Каракорумом. Местное население не хотело и слышать о прежнем названии области. С именем Каракорума связывались все ужасы, которые принесла с собой контрреволюция.

Временно организовали три района. Подчинили их Бийску. Назначили в каждом свой особый революционный комитет. Закатунская часть Горного Алтая составила Улалинский район. Волости, расположенные по Чуйскому тракту,—Шебалинский район. Третьей административной единицей был Уймон.

Райревкомы являлись органами революционного действия, выразителями воли восставших масс, зародышами будущей Советской власти.

С центром почти не было никакой связи. Каждый ревком действовал так, как подсказывала ему обстановка. Без какого бы то ни было опыта управления, без технических аппаратов, наделенные неограниченной властью, это были органы диктатуры, совершавшие в миниатюре то, что делалось во всех других центрах Сибири. По усмотрению выделенных ревкомом комиссий конфисковалось и распределялось имущество, захваченное белогвардейцами. Организовывалось продовольственное дело, создавались волостные и сельские органы власти.

Только в феврале 1920 г. в Улале, как в одном из наиболее крупных районных центров, под руководством организационного бюро РКП, составленного из Гордиенко, Меджита и Толмачева, возникла первая партийная ячейка. Вслед за ней организовались ячейки в других селах.

К этому же периоду относится организация в Улале первой ячейки комсомола.

С переходом к мирной обстановке все больше сказывалась нецелесообразность разделения Горного Алтая на самостоятельные, не объединенные друг с другом, районные административные единицы.

Общность экономических, национальных, культурных и бытовых особенностей в скором времени привела к необходимости слияния искусственно созданных частей.

Губернский центр решил пойти на образование Горно-Алтайского уезда в границах бывшего Каракорума. Резиденцией уездных органов избиралось село Шебалино. Василий Иванович Плетнев, возвратившийся с приходом Красной армии, назначен был председателем уездного ревкома.

Началось собирание сил. В апреле месяце 1920 г. Улалинский и Уймонский райревкомы со всем своим штатом, делопроизводством и имуществом перекочевали на новое место. Уже по образцу уезда приступили к развертыванию необходимых отделов революционного комитета.

Это были карликовые учреждения, но все же они жили самостоятельной жизнью. Бийский уезд не признавал решений губернии. Он продолжал вмешиваться в хозяйственную и политическую жизнь Горного Алтая. Такая двойственность управления приводила к бесчисленному множеству недоразумений. Между соседями происходила глухая борьба. Через несколько месяцев нетвердость линии Алтгубревкома сказалась в новом постановлении, переименовавшем Горно-Алтайский уезд в район, с подчинением Бийску.

Плетнев бесился. Такое решение его окончательно выбило из колеи. Партизанский дух стал брать верх над здравым разумом и чувством партийной дисциплины.

Изложив свою точку зрения в докладе, Плетнев решил начать борьбу с Бийском и не подчиняться губернским властям.

Приведенные выдержки из доклада Плетнева достаточно характеризуют это настроение. Он писал:

„Мы имеем неоспоримый факт, что даже такой уродливой с узко-национальными тенденциями, административной единице, как каракорумская управа, и то удалось сделать кое-какие улучшения в Горном Алтае, например: увеличилось число школ почти вдвое, открыты два высших начальных училища и одна гимназия. Проведены учительские курсы, собрана богатая библиотека по всем отраслям знания, приобретен музей, имеющий большую ценность для развития краеведения и духовной культуры, начаты работы по переводу литературы на алтайский язык. Произведены экскурсии по Алтаю с ботанико-геологическими заданиями. Разработаны проекты: ремонта школ, больниц и других зданий, идет заготовка леса, изыскан новых вариантов Чуйского тракта, произведена статистика населения и земельной площади, подготовлены материалы по улучшению сельского хозяйства...

Сейчас на Алтае полный застой: лесные богатства бессистемно вырубаются населением; зверь, птица и рыба хищнически уничтожались и уничтожаются, кедровые богатства лежат нетронутыми, в полном забвении, горные реки тратят свою могучую силу на округление камней.

Существующий ныне орган Советской власти в Горном Алтае, ввиду своей неопределенности положения, не мог не только создавать какие-нибудь планы эксплуатации богатства Алтая, но лишен был возможности провести хотя бы необходимую часть политической и экономической работы.

Дело в том, что в период еще не закончившейся борьбы в Горном Алтае, по распоряжению Бийского революционного комитета создались три районных ревкома: Шебалинский, Улалинский и Уймонский, но вследствие отсутствия контакта действий между ними, ревкомы были объединены в один Шебалинский. Затем постановлением Губернского революционного комитета от 13-го апреля 1920 г. принято: „Горно-Алтайский уезд временно утвердить в границах бывшего каракорумского уезда“.

Об этом постановлении Бийск, несомненно, был своевременно осведомлен, но, тем не менее, оттуда в Алтай посылались различные „комиссары“ и „инструктора“ с неограниченными полномочиями, которые нередко разрушали вконец работу Горно-Алтайского ревкома.

Дело приняло еще худший оборот после того, когда получен был приказ Бийского ревкома о переименовании Горно-Алтайского уезда в район, основанием чего служила телеграмма Губернского революционного комитета за № 3384.

Последняя инициатива была вырвана из рук Райревком вынужден ждать, что скажет Бийск“.

По мере углубления борьбы вокруг вопроса,—быть или не быть Горно-Алтайскому уезду,—Плетнев все резче оформлял линию окончательного разрыва с центром.

Он стал открыто игнорировать распоряжения не только Бийского революционного комитета, но и приказы, исходившие от имени губернских органов власти.

На заседаниях организационного бюро РКП Плетнев критиковал каждое действие барнаульских „главков“, называл их „примазавшимися“, „предающими революцию“.

Порой он добавлял, что недалеко то время, когда партизанам снова придется братья за оружие.

С этим моментом совпало выступление в Чумышском районе Рогова и Новоселова, направленное против Советской власти.

Получив это известие, Плетнев отказался от всякой работы в революционном комитете.

Его квартира стала штабом бывших партизан.

К нему переметнулись уймонские комитетчики—Астафьев и Арбузов, авторы известной „конституции“.

Оргбюро РКП почувствовало угрозу приближающегося разрыва с группой Плетнева.

Для окончательного выяснения его позиции было созвано закрытое заседание бюро.

Меджит, от имени бюро, поставил перед Плетневым ряд политических вопросов и потребовал дать на них прямой и ясный ответ.

Его запрашивали, как он относится к „роговщине“ и согласен ли он, как председатель ревкома, подписать обращение к населению и партизанам, клеймящее позором изменническое поведение Рогова?

В обращении вооруженная борьба против Советской власти и Красной армии, поднятая Роговым, называлась прямым переходом на сторону Колчака, изменой делу революции, помощь белобандам и буржуазной сволочи, не желающей примириться с существованием рабоче-крестьянского государства.

Прочитав обращение, Плетнев заявил:

— Я не мальчишка, чтобы позволить играть собой кому бы то ни было! Я подписываю только те бумаги, которые излагаются под мою диктовку... Пусть, кто хочет, тот и подписывает эту белиберду... Мне нет дела до того, кто и как расценивает Рогова.

— Твой отказ выпустить воззвание,—заявил Меджит,—будет расцениваться бюро, как переход на сторону Рогова.

— Что это: издевательство или насмешка над тем, кто честно боролся в авангарде революции?

В разгаре полемики Плетнев выбросил партийный билет.

— С этих пор я не считаю себя членом ВКП. Я боролся и буду бороться со всяким насилием, откуда бы оно ни исходило.

Наконец, возбуждение улеглось.

Плетнев выдвинул условия: оргбюро ВКП отзывает из состава ревкома Меджита, Толмачева и Гордиенко.

Эти места заполняются Арбузовым, Зыряновым и Лыжиным. Оргбюро сохраняет общий контроль за деятельностью ревкома, не вмешиваясь в его практическую работу. При сохранении этих условий Плетнев подписывает воззвание, отмежевывается от занятой позиции Роговым, сохраняет за собой руководство в революционном комитете, отказывается от всяких попыток группировать партизан.

Сложность обстановки заставила бюро пойти на компромисс с тем, чтобы перенести окончательное разрешение этого вопроса в губком и губревком.

Временный договор вступил в силу. Новый ревком продолжил линию дальнейшего углубления расхождений с руководящими директивами губернского центра. Он наотрез отказался выполнять боевые продовольственные задания.

Положение стало совершенно нетерпимым. Весь состав ревкома во главе с Плетневым, по решению губревкома, был арестован. Часть сторонников этой группы исключена из партии, а некоторая часть вышла по собственным заявлениям. Плетнев сошел с арены политической жизни.

Сибревком принял окончательное постановление о выделении Горно-Алтайского уезда.

В Горный Алтай бросили свежие силы. Центр снова был передвинут из Шебалино в Алтайск. Председателем революционного комитета назначался Михаил Правда. Секретарем укома товарищ Леонид

18.

Интеллигенты.

Перед Горно-Алтайским уездом, с первых же дней его образования, во весь свой рост встала задача сколачивания кадров.

Это была почти неразрешимая проблема.

Рабочего класса в Горном Алтае не было.

Административным центром являлось село Алтайское, которое никогда не имело иного аппарата, кроме волостной управы.

Ни специалистов по делу народного образования, ни врачей, ни ветеринарных работников, ни агрономов, ни даже простых технических канцеляристов, способных грамотно написать бумажку.

Местная туземная ойротская интеллигенция состояла почти исключительно из элементов, связанных с прежним миссионерством, возвращенных им и искалеченных на всю жизнь. Кроме того, значительная часть ее была втянута в каракорумские дела, заражена област-

ничеством, смотрела недоверчиво и враждебно на мероприятия Советской власти.

Наряду с этим, вихрем гражданской войны и революции в горы занесло не мало случайных элементов, осевших здесь в ожидании более благоприятной политической „погоды“.

Центром притяжения этих сил являлись Чемал и Улала.

Здесь оказались такие лица, как Красноусов, бывший министр дерберовского правительства, эсер вдохновитель и организатор саботажа со стороны значительных слоев ойротской интеллигенции; Александр Струве (брат Петра Струве, известного ренегата, бывшего в то время министром правительства Врангеля); Тибер—Петрова (жена бывшего председателя Каракорумской Алтайской земской управы), Анохин—ближайший сподвижник и любимец архиерея Макария; Липман и Холзаков—преподаватели средних школ, бежавшие при наступлении красных и др.

Берзин, Донец, Скорик, Манеев, Сары-Сып Конзычаков и Тибер-Петров—бывшие каракорумцы,—приспособившиеся к новым условиям по другим городам Сибири, держали связи с Горным Алтаем и продолжали свое влияние на близкие им слои интеллигенции.

Некоторые из перечисленных лиц впоследствии оказались в коммунистической партии, но это не мешает признать за ними в тот период вину организагов общественного мнения, направленного против зарождающихся форм советизации Ойротии.

Часть из них представляла в партии тот неустойчивый элемент, который отсеивался на протяжении годов, принося порой значительный вред делу партийного строительства.

Среди этого безлюдья, небольшой группе большевиков приходилось бороться против интеллигентской расхлябности, их ропота и неверия в социалистическое строительство, их враждебности и ненависти, толкавшей отдельных лиц на путь вооруженного участия в лагере антисоветских сил, боровшихся за восстановление старых порядков.

С каждым днем коммунисты ковали свежие кадры. Крепла и ширилась сеть партийных и комсомольских ячеек. Втягивались в партию передовые бедняцкие и батрацкие слои крестьянства, молодежь, учительство. Появились преданные Советской власти специалисты. Появились новые побеги, выкованные комсомольской организацией.

Смело и решительно выдвигались из новых кадров работники на самые ответственные посты в советских, хозяйственных и профессиональных аппаратах, доказавшие революционную стойкость и выдержанность, которая требовалась от них в годы бандитизма, хозяйственной разрухи и первых шагов по пути налаживания политической жизни Ойротии.

Самым трудным делом было втянуть в партию и вырастить коммунистов из среды коренного национального населения.

Почти по пальцам можно было пересчитать членов партии алтайцев. Из них первыми начали работу Иван и Алексей Алагызовы, Тоушканов, Толток, Хабаров, Сафронов, Зяблицкий, Сузонова, Жарков, Кумандин, Михайлов, Ильинский и ряд других товарищей.

Прожденная школа борьбы дала им необходимую закалку, умение ориентироваться в политической обстановке, научила практически управлять и руководить массами.

Это была суровая школа.

Разруха, которая охватила все отрасли народного хозяйства, особенно крепко дала почувствовать себя в Горном Алтае.

Жители разоренных айлов вымирали от голода. Тиф грозил поголовным истреблением. Питательные пункты не успевали обслуживать и сотую долю нуждающихся в их помощи.

Среди населения началось глухое брожение. Уже не верили в то, что Советская власть может восстановить хозяйство.

Худшая часть интеллигенции злобно критиковала все мероприятия коммунистов. Из ее среды вышли агитаторы, подстрекавшие кулацкую верхушку на бунт. Разверстка усугубила это враждебное настроение.

Случай искажения национальной политики Советской власти служили поводом недовольства властью со стороны части туземцев-ойротов. Управляли пришельцы, русские, чужие люди, не знавшие ни языка, ни быта, ни условий жизни данной национальности. На местах русская часть населения, подстрекаемая кулачеством, проявляла тенденции великодержавщины.

Ропот катился по Горному Алтаю.

Долетела весть о вспыхнувшем Петропавловском и Ишимском восстаниях, тучи сгущались. Грозным разрядом ударил Кройштадтский мятеж и голод в Повольжи.

В Горном Алтае назревала новая полоса вооруженной борьбы.

Тов. А. Алагызов.

19.

Продфронт.

Голод и разруха вцепились в горло рабочего. Остановились заводы, фабрики, шахты. Города жили предчувствием надвигающейся катастрофы. Отсутствие топлива грозило парализовать транспорт. Весь организм страны советов переживал кошмарные дни последствий войны, интервенции, контрреволюционных выступлений генералов, по-

мещиков, крупной и мелкой буржуазии. Победивший класс оказался скованным цепями новых бедствий. Крестьянство недоверчиво смотрело на будущее.

Чтобы спасти от гибели промышленность, города, рабочих,—нужна была твердая линия пролетарской диктатуры. Требовалось подчинить ей все. Не пропускать ни одного дня, действовать так, как действуют на военном фронте.

Вот приказ¹ об'единенного заседания губкома и губисполкома; он передавался по прямому проводу всем укомам, уисполкомам, упродкомиссарам:

Подтвердить к неуклонному, безоговорочному исполнению сентябрьское задание продналога и сбора семенных ссуд.

В целях успешного выполнения указанного задания и максимального использования сил ответственных работников,—отложить губернский с'езд советов с 5-го октября на второе ноября.

Предложить еще не закончившимся бийскому и барнаульскому уездным с'ездам советов закончить свою работу в кратчайший срок, поставив в центре внимания с'ездов вопрос о продналоге. Всех делегатов, избранных уездными с'ездами и горсоветами на губернский с'езд советов, об'явить мобилизованными на работу и передать немедленно на весь октябрь в распоряжение соответствующих райпродкомиссаров.

Еще раз предложить, под персональную ответственность предуисполкомов, секретарей укомов и райпродкомиссаров, произвести действительную мобилизацию всех партийных и советских работников уезда на работу, не останавливаясь перед закрытием некоторых отделов уисполкомов.

Предуисполкомам, секретарям укомов и райпродкомиссарам лично выезжать на места, в особо важные в продовольственном отношении волости.

В целях обслуживания Барнаульского, Уч-Пристанского, Алейского и Рубцовского районов, для руководства работой в 24 часовой срок мобилизовать и отправить четырех членов президиумов губкома и губисполкома.

В распоряжение мобилизованных передать вооруженную силу в числе 100 шт. сабель, а также перебросить сессии ревтрибунала в районы их выезда.

Указать укомам, что те из них, кои не проявят достаточно энергии и решительности при мобилизации на работу, будут рассматриваться губкомом как несоответствующие своему назначению, невыполнение же заданий отдельными мобилизованными парттоваращами—как тягчайшее партийное преступление.

---

¹—Все подлинные документы, связанные с периодом возникновения и борьбы с бандитизмом в Горном Алтае, хранятся в архиве ойротского обкома ВКП (б).

Губком и губисполком, решаясь на столь важные меры, как отсрочки губернского с'езда, закрытие отделов губисполкомов и др., твердо верит, что все местные партийные и советские организации учтут критическое продовольственное положение республики и своей работой докажут, что они стоят на высоте положения.

Об исполнении доносить по прямому проводу каждые два дня". Исполняя приказ, Горно-Алтайский уезд бросил на продовольственную работу лучшие силы. Меджит стал во главе заготовительных органов. По волостям были посланы уездные работники. Не останавливались ни перед какими препятствиями. В распутицу и бездорожье длинной лентой тянулись подводы, нагруженные хлебом. Ссыпные пункты не успевали принимать. Росли очереди, а вместе с ними и недовольство. Кулаки шипели:

— Не верьте, что центр голодает.. Так себе это... Врут все. Германцу хлеб отправляют... продались ему и мучат крестьян... Видно-ли дело, чтоб эк хлебушко перли?.. Да нешто его, сердешного, уберегут? Сгноят, ироды, беспременно сгноят.

— Сказывают—голод, а зачем шерсть берут? Куды она голодным то?...

— На погибель ведут, как есть на погибель.

Крепко держались собственники. Не хотели помогать чужой беде. Никому не верили, в потайниках прятали разное добро.

Только передовая часть бедноты горой стояла за Советскую власть. Привыкшая к нужде, она безропотно переносила трудности. Она знала, что Советская власть поможет встать на ноги.

Все больше раскалывалась деревня. С каждым днем усиливалась вражда между беднотой и кулачеством. Середняк колебался.

Первыми поднялись бело-ануйцы. Председатель сельского совета бывший партизан Тырышкин, встал на сторону кулаков.

Когда приехал к ним продагент, они проводили его с руганью, избили и наотрез отказались везти хлеб.

Посланный продотряд был встречен ружейными залпами. Тырышкина односельцы избрали командиром повстанческого отряда.

Он двинул мужиков в соседние деревни. Отдал приказ, уничтожать коммунистов, продналог не платить, устанавливать такую власть, какую пожелают крестьяне.

Начались бандитские выступления.

Несмотря на это, продовольственная работа не только не останавливалась, но еще с большим напряжением и упорством проводилась всем Горно-Алтайским партийным и советским аппаратом.

Первый Горно-Алтайский уездный с'езд советов, созванный в тяжелые дни разрухи, своим постановлением призывал население к сплочению и борьбе с голодом.

В постановлении говорилось:

„Признавая продовольственную работу ударной, с'езд призывает трудовое крестьянство и все население Горного Алтая к своевременному и полному выполнению натуральных налогов.

С'езд требует, во имя спасения завоеваний революции и быстрой помощи тридцати слишком миллионам голодающих братьев — крестьян центральной России, чтобы административные органы: советы, волисполкомы и все работники напрягли максимум энергии и сил, и, если потребуется, не останавливались ни перед какими побудительными мерами воздействия в отношении упорствующих плательщиков натурналога и уклоняющихся от выполнения революционного долга перед республикой советов“

Группа делегатов с'езда.

Вслед за Тырышкиным появились банды Пьянкова, Орлова, Колесникова. Районом их действий были волости: Куяганская, Песчанская, Черно-Ануйская и Усть-Канская.

В пределах Чемала развернул свои действия Семенек, в Лебедском районе Штанаков, на Чуйском тракте — Тужелей. Из Монголии переступила границу колчаковская митрантщина, во главе с Кайгородовым.

Занимаясь обманом, они вербовали себе сторонников в глухих кержацких деревнях, в разбросанных по всей Ойротии алтайских урочищах.

На знамени бандитов было написано: „Долой коммунистов, да здравствует Советская власть“. Этой уловкой они путали головы темных малосознательных партизан, алтайцев и крестьян середняков.

Захватывая партийцев, расправлялись с ними самым зверским образом: пытали, вырезая языки, живьем закапывали в землю.

Уездный комитет партии призвал на военное положение всю парт-организацию, комсомол и передовую часть старых партизан-добровольцев.

Коммунистический отряд получил название частей особого назначения. Командиром ЧОН был назначен Ролико Виноградов.

Почти одновременно военное командование бросило в Горный Алтай регулярные красноармейские части.

—————

Политгруппа была у цели своей поездки.

Вынырнув из каменного мешка, наполненного грохотом падающей воды горных каскадов, названных „громатухами“, всадники быстрым аллюром покрыли расстояние, отделявшее их от районного центра—села Усть-Коксы.

Великаны-горы отошли вдаль, раскинувшись амфитеатром вокруг широкой плодородной Уймонской долины. Их вершины пестрели сползавшими в ущелья снеговыми ледниками.

По обеим сторонам Катуня виднелись кержачьи села и тихие, затерявшиеся в голубоватом мареве, деревеньки уймонских старожил.

Нам предстояло закончить ликвидацию бандитизма, закрепить Советскую власть, организовать разрушенные аппараты управления.

После разгрома Кайгородова, на Уймоне сохранились еще довольно внушительные бандитские части. Но каждая из них теперь действовала разрозненно. Неуверенность, боязнь, упадочничество и разложение делали свое дело в стане врага.

Вновь организованному уймонскому революционному комитету ежедневно приходилось регистрировать перебежчиков.

Вслед за уничтожением главного штаба, друг инженера Андреева и его последователь—секретарь Уймонского районного управления барон фон-Толль, пытался взять на себя инициативу руководства дальнейшей борьбой. Он, забрасывал ближайшие деревушки воззваниями, пробовал разлагать красноармейские части и партизан, спланивал разбитые и деморализованные силы бандитских групп.

В свое время он сумел обойти бдительность губернских и уездных партийных работников.

После смерти секретаря Горно-Алтайского укома РКСМ из Барнаула был рекомендован „товарищ“ Толль.

Он сразу же проявил себя большим активистом, завоевал доверие, втерся в работу штаба, в работу чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом, бывал на секретнейших заседаниях.

Выведал все, что ему было нужно, и, как предатель, как чуждый элемент, как классовый враг, проникший в сердце пролетарской машины,—использовал это в своих классовых интересах.

Через несколько месяцев он оказался в лагере бандитов, являясь наиболее непримиримым врагом коммунистов.

В Усть-Кане полатгруппе передают целую связку документов, написанных рукой адъютанта бандитского штаба фон-Толль.

Мы все эти документы прочитываем с большим вниманием.

Вот что пишет этот бандит:

„Повстанческие отряды перешли в наступление и вновь очищают от красных банд Уймонский район.

За время хозяйничания этих банд поселки Уймона стали неузнаваемы. Сотни зверски убитых мирных жителей, братские могилы, разрушенные хозяйства,—вот что досталось нам в наследство от коммунистов.

Население терроризовано, запугано и в страхе за жизнь свою старательно угождает палачам своих братьев, отцов и мужей. Коммунисты, ожидая беспощадной мести за содеянные ими преступления, уверяют, что мы, повстанцы, по возвращении на Уймон, вырежем все оставшееся население, не говоря уже о борющихся с нами с оружием в руках.

И они достигли своей цели: угрозами и ложью они заставили многих крестьян уходить с ними.

Мы призываем всех честных граждан отделиться от палачей коммунистов и идти к народу.

Необходимо помнить, что так называемая Советская власть трещит по всем швам.

Наступает час падения коммунистического произвола и насилия. Сила не в штыках, а в народе, который повсеместно поднимает знамя восстания.

И в этот трудный и решительный час мы призываем всех граждан твердо и окончательно порвать с коммунистами, ведущими к гибели и вымиранию русский народ.

Трусости и сомнениям не может быть места, ибо еще час промедления и будет поздно!

За начальника Уймонского боевого участка—АРГОКОВ.

Адъютант—ТОЛЛЬ.

22/V—1922 г."

Дальше следует целая связка „дипломатической“ переписки местных властей с Толлем. Они пытались его уговорить, убедить.

Товарищ Леонид, разбиравший бандитские документы, изменился как туча перед грозой. В его глазах вспыхнули колючие огоньки злобы.

— Чем вы тут занимаетесь?—обратился он к местным работникам.—Кто вам дал право разводить переписку и всю эту подлую игру с Толлем? Не разговаривать нужно, а уничтожить эту сволочь! Не-

медленно бросить имеющиеся в распоряжении вооруженные силы и добить издыхающую гадину. Товарищ Виноградов, возьми на себя руководство операцией. Рассчитай все, сконцентрируй силы. Сделай так, чтобы удар был сокрушительным и последним. Никакой пощады Толлю! Если попадет в плен,—расстрелять на месте! Лучше будет, товарищи,—обратился он к остальным членам политгруппы,—если мы все примем участие в этом деле. Нужно сейчас же переехать в Нижний Уймон, стать лицом к лицу с Толем и показать, что коммунисты никогда не прощают предателей, провокаторов и непримиримых классовых врагов.

20.

Бандиты.

Уезд превратился в военный лагерь.

Закружилось в вихре борьбы русское и туземное население Горного Алтая. Ожила колчаковская эмигрантщина в Монголии. Подняли голову Унгерн, Бакич, Кайгородов. Зашевелилась золотопогонная свора. Почуяла лакомую добычу. Потянулась на запах крови. Перешагнула границу. Вцепилась мертвой хваткой в молодой зарождающийся организм советской Ойротии.

Перейдя границу, Кайгородов умело использовал прежние связи по Каракоруму. Подлаживаясь под настроения баев, зайсанов и демичей, он не прочь был играть роль защитника буржуазного национализма. Он обещал вернуть непризнанные большевиками каракорумские порядки. Это привлекло на его сторону таких вождей бандитов, как Тужелей, Карман и Тазар Чекураковы, Семенек, Штанаков, Себешев и др.

Ему сочувствовали Тябер-Петровы, Манеевы, Борисовы. Его опорой являлись виднейшие богачи: Аргымай Кульджин, Манджи, Сапог, Тобоков. Об'единились враждебные силы контрреволюции от генералов Унгерна и Бакича до кулаков баев включительно. За ними слепо шла остальная зажиточная часть деревни и урочища.

Восстававшие бандитские группы Кайгородов сводил в мощные военные об'единения, организовывал туземные казачьи батальоны, подчинял единому командованию.

Так сложилась „Первая горно алтайская сводная казачья дивизия“.

Соединив свои действия с бандами Тырышкина, Колесникова и Пьянкова, Кайгородов развернул широкий фронт, начиная от Телецкого озера и кончая Бухтарминской границей.

Занявши Уймонский район, Кайгородов об'явил себя командиром повстанческой армии и отдал приказ о всеобщей мобилизации населения от 18 до 45 летнего возраста.

В своем обращении Кайгородов рисовал положение Советской власти, как обреченной на гибель. Вот его приказ № 7.

„Последние известия газет и журнала „Политработник“, являющихся официальными органами Советской правительственной власти, присланных мне военкомом 185 стрелкового красноармейского полка Исаковым при письме от 13 января с. г. с предложением сдаться, явно говорят за то, что Советская власть, почувствовав свое бессилие в борьбе с стремлениями самого народа, а не отдельной кучки людей, какой является их ненавистная для большинства власть,—пошла на уступки народу.

Так, например, признали частную собственность, разрешили вольную торговлю, допустили передачу фабрик и заводов частным предпринимателям, открыли банки для приема сбережений от правительственных учреждений и частных лиц, чем нарушили прежние свои декреты, запрещавшие все это и приведшие страну нашу к полному голоду, нищете и разрухе. Голодом охвачена вся средняя полоса России и, по сведениям ученого исследователя Нансена, посетившего Россию в конце 1921 года, опубликованным в советских же газетах, количество населения в голодающих губерниях сократилось наполовину.

То же ждет и хлебообильную Сибирь.

Узурпаторы-коммунисты, учитывая все обстоятельства, повлекшие их власть к падению, идут на уступки, чтобы, если русский доверчивый народ поддастся на эту удочку и согласится на продолжение их власти, воспользоваться этой доверчивостью и постепенно зажать народ в свои руки.

Принимая все это в соображение, нам не следует поддаваться хитрым уловкам коммунистов, власть которых не признавалась до сего времени ни одним иностранным государством.

На Вашингтонскую конференцию, где обсуждались вопросы мирового значения, представитель от России допущен не был.

Нужно постараться окончательно добить эту шипящую при своем последнем издыхании змею и не дать возможности снова поднять свою голову для причинения большего зла пострадавшему от коммунистов за четыре года существования русскому народу. Дать возможность ему свободно вздохнуть, избрать своих представителей в учредительное собрание, и через них установить в стране тот порядок управления, который признают более отвечающим требованиям самого народа.

Кучка людей—коммунистов и комиссаров, приведшая своими декретами русский народ к голоду и общему вымиранию, должна быть уничтожена. Для осуществления чего нам необходимо сейчас же встать, как одному человеку, в ряды освободительной армии и дружным последним напором смести ненавистную для большинства нас разлагающуюся власть Советов.

Итак, вперед за общее благо народа, за восстановление по-
пранных коммунистами прав.

Да здравствует учредительное собрание и освобождение рус-
ского народа от гнета коммунистов!

На основании приведенных соображений об'являю мобилиза-
цию всему гражданскому населению в возрасте от 18 до 45 лет,
способному носить оружие или обслуживать хозяйственные нужды
частей. Свыше указанного возраста могут вступать в ряды осво-
бодительной армии по желанию...

*Команд. отрядами освободительной армии
Под'есаул КАЙГОРОДОВ".*

Так бандит оповещал крестьянство о введении Советской вла-
стью НЭП'а, явившейся решающим фактором укрепления союза с
середняком.

Несмотря на разгул свирепствовавшего бандитизма, советское
строительство в Горном Алтае не приостанавливалось. Как и везде—
проходили перевыборы советов. Развертывались очередные хозяйст-
венные кампании. Созывались конференции, совещания, митинги. Ком-
мунисты и комсомольцы успевали действовать на всех фронтах. Чем
труднее была обстановка, тем горячее становился порыв и беззавет-
нее их преданность делу Ленина.

Созывая первый Горно-Алтайский уездный с'езд советов, в своих
листовках коммунисты писали:

„Развившийся бандитизм в Горном Алтае питается соками
отвратительных подонков старой буржуазной России... Этому не-
обходимо положить конец.. Бандитизм будет заклемен самым
беспощадным к нему отношением со стороны первого уездного
с'езда советов“.

Раз'ясняя причины разрухи и задачи борьбы, связанной с восста-
новлением хозяйства, с устранением жесточайшего продовольственного
кризиса, породившего голод в Поволжье, борьбы за транспорт, за
топливо, за оживление промышленности, они говорили:

„Многое уже достигнуто Советской властью в деле восста-
новления хозяйства, но еще в тысячу раз больше требуется сде-
лать, дабы хоть частично залечить недуги, причиненные много-
летней империалистической и гражданской войной.. Твердая по-
ступь и творческий энтузиазм миллионных армий рабочих и кре-
стьян перед всем миром доказали несокрушимость воли и стрем-
ления удержать завоевания Октябрьской революции... Приветствуя
первый с'езд советов Горно-Алтайского уезда, мы сохраняем убеж-
дение, что его работы явятся новым этапом к закреплению
позиций советского строительства в Горном Алтае и раз навсегда
положат конец провокационным выпадам бандитов“.

С'езд Советов действительно дал строгий наказ ликвидировать
бандитизм.

Председателем исполкома был избран Меджит Иванов.

На плечи руководящего ядра в Горном Алтае ложилась тяжелая ответственность за весь ход политических событий.

Нужно было действовать со всей решительностью, диктуемой военно-революционной обстановкой. Полумерам не могло быть места. Исполнительный комитет по своей работе скорее являлся военно-политическим штабом.

Вот одно из первых постановлений уисполкома, принятое 16 ноября 1921 года.

„Каратель колчаковской армии, Кайгородов, с шайкой белогвардейского офицерства, используя несознательность в деле государственного строительства бывших партизан Тырышкина, Пьянкова и др.,—на территории Горно-Алтайского уезда проводит свою предательскую бандитскую работу.

Эти отбросы контрреволюции, руководимые партией эсеров и меньшевиков, призывают крестьянство бороться против рабоче-крестьянской Советской власти, за пресловутое учредительное собрание, за монархический крестьянский союз.

Крестьянство Горного Алтая, у многих из вас еще не зажили рубцы на спинах от плетей „освободителя Кайгородова“.

Припомните, что в 1918 году эти же самые учредилницы—эсеры и меньшевики, обещая свободу, призывали предательски бороться против советов.

Потоки крови, груды трупов, виселицы, расстрелы и порки верховного тирана Сибири-Колчака—принесли вам эти иуды. Пусть знает каждый из вас, что сейчас положение несколько не изменилось. Из-за лживого учредительного собрания показывается фигура нового тирана—царского генерала Бакича.

Не освобождение, а обман, рабство и разорение несут для вас эти проходимцы.

Весь вред и ужас, приносимый бандитами, тяжелым бременем ложится на ваши крестьянские плечи. Из ваших семейств снова в борьбе приносятся сотни кровавых жертв, на вас ложатся тяжелые наряды, грабятся многолавки и вы снова остаетесь без самых необходимых товаров.

Несмотря на такую явную, предательскую работу бандитов, по селам все таки находится часть кулаков, которые стараются укрывать бандитов и содействовать им.

Необходимо всем подняться на борьбу с этим остатками контрреволюции и общими дружными усилиями навсегда покончить с ними на Алтае.

Уездный исполнительный комитет, зорко стоя на страже защиты ваших интересов, постановил:

1. Ни одному бандиту не может быть дано приюта среди селений Горного Алтая. Лиц, оказывающих содействие им, укрывающих бандитов, председателям сельсоветов и волисполкомов

вменяется в обязанность арестовывать и препровождать с материалом в уисполком для предания суду ревтрибунала.

2. Для более удобного наблюдения за сохраненном революционного порядка, под личной ответственностью предсельсовета предлагается: каждое село разбить на районы. Контроль, наблюдение и ответственность за район возложить на одного из членов сельсовета.

3. Сельсоветам приказывается вести наблюдение, и в случае появления бандитов—немедленно доносить волисполкому, милиции и ближайшей воинской части.

4. Установить самый строгий контроль за проезжающими лицами. Составить списки на убежавших с бандитами и представить их в уисполком.

5. Никаких мобилизаций бандиты проводить не имеют права. Все лица, участвовавшие в бандитских шайках, рассматриваются как добровольцы и подлежат ответственности наравне с бандитами.

Предуисполкома Меджит ИВАНОВ.

Заведывающий отделом управления КОРНЯКОВ.

Секретарь ЕФАНОВ^а.

Но строгость приведенного постановления не имела успеха. Бандиты обладали реальной военной силой, вполне подготовленной технически к ведению борьбы. Они совершали успешные налеты на военный транспорт, на мелкие передвигающиеся части, на отдельные селения, в которых расправлялись с коммунистами. Шпионаж кулаков и материальная поддержка делали бандитов неуловимыми. Это еще больше поднимало их авторитет среди зажиточной части крестьянства, а так же среди демичей и зайсанов, проявлявших бешеную злобу и недовольство Советской властью.

Борьба не только с организованным бандитизмом, но и с пособничеством кулаков-баев отдельных мирных деревень и айлов потребовала применения более суровых, карательных мер.

По предложению губернского центра была создана чрезвычайная тройка по борьбе с бандитизмом.

Сформированные сессии ревтрибунала проводили судебные процессы непосредственно в районах действия бандитов.

Не было времени для процессуальной волокиты. Члены трибунала не копались в статьях законов. Их кодексом была революционная совесть. Мерой, определяющей виновность подсудимого, являлась степень его участия в классовой борьбе. Решения сводились к короткой записи:

Кулак, бай, офицер, бандит, взят с оружием в руках,—расстрелять.

Или:—бандит, сдавший добровольно оружие, мобилизован, крестьянин, середняк,—сделать общественное предупреждение, из под ареста освободить; бедняк, бандит, доброволец, принимая во внимание поли-

ческую несознательность, осудить условно, изпод ареста освободить; пособник бандитов, имеющий крепкое зажиточное хозяйство, оказывавший материальную помощь и содействие банде,—подвергнуть строгой изоляции сроком на 5 лет, имущество конфисковать.

Эти решения оказывали глубокое воздействие на остальную часть деревни. В них чувствовалась суровая, но справедливая в классовом отношении рука пролетарской диктатуры.

21.

Год борьбы.

Углублялся развал.

Тяжелой поступью прошла гражданская война по горным хребтам, вплоть до снеговых вершин Чуйской гряды.

В каждом селе десятки погибших, больных, искалеченных, выбитых из колеи трудовой крестьянской жизни.

Беспризорные дети-сироты. Опустошенные заимки, аилы, урочища.

На сотни верст раскинулось мертвое пространство. Только житель берлоги-медведь изредка нарушал жуткую тишину, распластавшую свои крылья по диким зарослям курумника.

Были моменты, когда из двадцати восьми волостей не больше пяти оставалось в руках уездного центра.

Красноармейским частям наносились чувствительные удары. Пехота мало была приспособлена к действиям в горных тущобах.

Незнание местности, шпионаж, оторванность штабов и продовольственных баз от места военных действий, приводили к тому, что части попадали в расставленные ловушки—засады и несли жестокие поражения.

На территорию, занятую „освободительной армией“, начали стекаться элементы, недовольные Советской властью.

Они предлагали свои услуги по налаживанию гражданского управления и политического руководства движением. Кайгородов охотно принимал их, не разбираясь в платформах услужливых контрреволюционеров. Таким образом политический центр сложился из представителей меньшевистско-эсеровского блока, с значительным процентом махровых черносотенцев, не замедлявших к своим фамилиям добавить прежние, утраченные за время революции, титулы.

Главную роль среди них играл меньшевик П. А. Андреев. Он возглавил „Временное районное управление“, которому штабом Кайгородова была передана вся полнота гражданской власти.

Под его руководством 20 февраля 1922 г. проходил „Первый съезд выборщиков Уймонского края“. На съезде присутствовало 140 делегатов. В состав президиума вошли: П. А. Андреев, С. Н. Тырышкин, С. Т. Печенин и А. Д. Суворов. Техническими секретарями: фон-Толль, Светлов и Плешивцев.

Восстанавливая по протоколам „работу“ с'езда, приходится удивляться той никчемной политической стряпне, которой занимались эти политические прохвосты, соглашатели, болтуны, обманщики крестьянских масс.

Открывая с'езд, Андреев предложил:

„Почтить память погибших за годы большевистского безвременья. Послать от имени с'езда приветствие и пожелания побед доблестной „Освободительной армии“, а также, одному из талантливейших вождей ее, так много сделавшему для нашего освобождения, А. П. Кайгородову. Отправить обращение ко всему изнывающему под гнетом комиссародержавия крестьянству, с призывом объединиться в борьбе за свободную жизнь, без насилия и угнетения“.

В отчетном докладе Андреевым перечисляются принятые постановления Временного районного управления. Судя по протокольной записи, вся их работа сводилась к разрешению следующих вопросов:

Об регулировании содержания военнопленных.

Об освобождении по мобилизации должностных лиц и специалистов.

Об учете взятых кооперативных товаров.

О выдаче пайка служащим управления.

О порядке рассылки военно-оперативных сводок.

О порядке арестов и содержания под стражей.

О зачислении хлеба, сданного крестьянами в продналог при Советской власти, в фонд добычи „Освободительной армии“ и мерах борьбы с самовольным расхищением его крестьянами.

В постановлении по вопросу о построении аппарата районного управления говорится: „организацию трех отделов: административного, хозяйственно-экономического и военного, с подразделением на соответствующие подотделы, с'езд одобрил и принял для служащих управления персональные ставки“.

По вопросу о заработной плате Андреевым сделано заявление:

„Низкая оплата труда служащих ведет к скрыванию ими своих знаний и специальности и не дает возможности государству привлечь, в особенности в провинцию, хороших работников, что вредно отражается на работе всего государственного аппарата. Этим оправдывается необходимость установления минимума заработной платы. Минимум предлагается установить в 10 руб. Не менее отрицательным явлением служит уравнивание платы всем работникам, независимо от их ответственности и знаний. Необходимо подчеркнуть всю вредность последствий такой меры. Но, ввиду отсутствия в настоящее время, до образования центральной власти, каких либо денежных знаков „для оплаты труда вводится „кооперативный рубль“ (одна копейка равна 1 фун. овса или $1/2$ фунта пшеницы)“.

Обсуждая вопросы народного просвещения, с'езд принял такое предложение:

„Отменить ограничения, установленные Советской властью в отношении преподавания церковно-славянского языка, прекращение занятий произвести в половине апреля и добиться сохранения существующего числа школ, при условии скорого разрешения хозяйственного кризиса“.

О народном суде в первом заседании с'езда принимается постановление:

„За неимением компетентных лиц, вопрос передать на рассмотрение районного управления“.

Но на другой день, ввиду поступившего проекта организации суда от „специалиста“ Железнова, с'езд снова возвращается к этому „вопросу“.

По проекту народный суд должен состоять:

„Из мирового судьи со специальным юридическим образованием, избираемого с'ездом. При рассмотрении судебных дел присутствуют два представителя от местного населения. Вся полнота судебной власти в районе принадлежит мировому судье. При нем учреждается штат технических работников из секретаря и двух писцов. Жалованье судье устанавливается одинаковое со ставкой председателя районного управления. Решения суда считаются окончательными по уголовным делам вплоть до ареста на 3 месяца и гражданским на сумму до 2000 руб. (по курсу рубля при Керенском)“.

За этот „блестящий проект“ с'езд избрал мировым судьей Железнова.

Перейдя к выборам, с'езд избрал большинством голосов следующих лиц: председателем районного управления Андреева П. А., товарищем председателя Курьянова И. А., членами: Суворова А. Д., Булгакова К. А., Бухтуева Е. М. и от инородческого населения Муктыш Шалданкина. Кандидатами в члены управления: Цирина К. О., Огнева И. И., Кубаркина С. П. Начальником милиции Шибанова М. В., его помощником Болтовского Е. И. и мировым судьей Железнова А. И.

С первых шагов своей деятельности эти поборники „народовласть“ доказали всю несостоятельность их политической линии.

Произвол стал законом. Всякий неподчиняющийся наказывался, как большевик.

Произвол начал отрезвлять крестьянство и туземную часть населения. Все чаще стали наблюдаться случаи перебежки бандитов на сторону красных.

На попытки мобилизовать население, в районе действий бандитов все чаще стали наблюдаться случаи отказа исполнять бандитские распоряжения. Даже угроза расправы не пугала. Талицкий сельский совет так ответил командиру 4 казачьего повстанческого полка, объявившего мобилизацию с 19 до 45 лет: „население села Талицы не

желает присоединиться к вышеуказанному полку, а также и мобилизации. Таковой быть не может. Что и удостоверяем“.

Наступил перелом. Требовался более решительный удар, чтобы сломить сопротивление главарей и организаторов восстания.

День и ночь шла ожесточенная борьба.

Погибли три советских батальона, захваченные врасплох.

Чик—атаманский перевал, Белый бом и Аргут—три кладбища где нашли последний приют сотни молодых красноармейцев, павших смертью храбрых.

Командующий войсками Горного Алтая, Гайлит, с несокрушимой последовательностью вел свои части на неприступные позиции. Ролико-Виноградов, командир частей особого назначения, бросал коммунистические роты и эскадроны в наиболее опасные места.

Кайгородов ловко маневрировал, избегая решительных боев. Свою слабость он заменял хитростью, позволявшей увертываться бандитам от сокрушительных ударов красных.

Все население Горного Алтая разделилось на два лагеря. Кулаки-баб, зайсаны, уголовные типы-бандиты, белые офицеры и социал-предатели составляли фронт против красной армии, коммунистов, бедняков и партизан.

В последние минуты издыхания, прижатый к границе Монголии, враг проявлял невиданную свирепость. Классовая ненависть доходила до того, что захваченных в плен коммунистов-чоновцев мучительными пытками доводили до безумия. Людей живьем сжигали на костре, замораживали в ледяной столб, резали на куски, изощрялись в применении самых отвратительных способов средневековой казни.

Больше полуторых десятков тысяч людей с той и другой стороны стеной стояли друг против друга.

22.

„Кто кого“.

Весна 1922 года.

Страна советов, переходя к НЭП'у, билась над разрешением вопроса о восстановлении разрушенного хозяйства.

Ленин неустанно продолжал твердить, что классовая борьба, с переходом к НЭП'у, не ослабляется, а приобретает еще более острые формы.

Он напоминал:

— „Весь вопрос—кто кого опередит?“

„Успеют капиталисты раньше сорганизоваться,—и тогда они коммунистов прогонят и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на вещи трезво: кто кого? Или пролетарская власть окажется способной, опираясь на крестьянство, дер-

жать господ капиталистов в надлежащей узде, чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему“.

— „Суть дела та, что борьба есть и будет еще более отчаянная, еще более жестокая, чем борьба с Колчаком и Деникиным“.

„— Это не есть соревнование, это есть отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому, борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом“.

Так стоял вопрос.

В условиях незаконченной военной борьбы в Горном Алтае, переход к НЭП'у был затруднен. Наступили решительные дни. Всякое промедление с ликвидацией бандитизма грозило катастрофой, хозяйство дошло до крайнего упадка. Не посеять хлеб, это значило—подвергнуть жесточайшему голоду население Горного Алтая. Партийный и военный руководящий центр решил: проявить величайшее напряжение, не останавливаться ни перед какими жертвами, сделать все, что будет в человеческих силах, но с бандитизмом бесповоротно раз делаться.

С этой целью был задуман сложный и опасный маневр. Штаб отдал приказ сформировать под командой Долгих и Воронкова два истребительных отряда из лучших боевых сил ЧОН. Объединив действия обоих отрядов, бросить их в глубокий тыл противника. Сокрушительным налетом врезаться в самую гущу расположения бандитских сил, истребить штаб войск Кайгородова, а самого Кайгородова взять живым или мертвым.

Не выполнив этой задачи,—не возвращаться.

Одновременно было приказано батальонам регулярных красноармейских частей, ротам и эскадронам ЧОН, действовавшим под командой Монакова, Кочкина, Явцева и Гусева,—развернуть активное наступление по всему фронту.

На подкрепление истреботрядов из Бухтармы был переброшен 82 партизанский полк под командой Овчинникова. Его приход в Уймонский район ожидался в самый разгар действий Долгих и Воронкова.

В первых числах апреля сводный отряд выступил. Несколько суток о нем ничего не было слышно. Путь был намечен через ледниковые вершины гор, где не существовало не только проезжих дорог, но не было даже охотничьих троп. Глубокий снег преградил доступ в вершину речки Катанды. Отсюда истреботряды рассчитывали зайти в тыл противника со стороны Аргута. День и ночь бойцы-чоновцы протаптывали себе тропу. Лошади выбивались из сил. Продовольствия и фуража оказалось недостаточно. Вышли последние сухари. Сто шестьдесят лошадей пришлось бросить в снегах Еломанского хребта. Они не могли уже двигаться дальше от истощения.

Под снежными обвалами гибли люди и лошади, сброшенные в бездонные пропасти.

По мочам, останавливаясь на короткую передышку, отряд волновался:

— Товарищ Долгих, разреши огонь развести... нет никакого терпения... как собаки подохнем от холода... Посмотри, что делается... ужаси... зуб на зуб не попадает. Эдак и чахотку схватить недолго... Ты только подумай: шестые сутки не обогревались, а на этих чертовых белках и в апреле холоднее, чем в крещенский мороз... Раз решишь, что-ли, товарищ Долгих?.. Мы здесь в закуте, за камнем, искры и той не будет видно.

— Нет, не разрешаю. Заметят бандиты—как мух передавят, а каждый из вас нужен для революции. Того, кто нарушит дисциплину, расстреляю! Поняли? Без разговоров!.. Сейчас двинемся дальше.

Позади осталось четыреста верст.

Впереди была Катанда, где находился штаб Кайгородова. Отряд знал, что в районе Катанды расположено не меньше двух тысяч бандитов. Небольшая горсточка чоновцев, в случае неудачи, будет уничтожена. Никому не уйти. Если кто и вырвется—наверняка погибнет в горах. По мере того, как приближался час решительных действий, в отряде началось брожение. Малодушные люди, не верившие в победу, пробовали сеять панику.

— Куда мы идем?.. разве не видно, что впереди гибель... У них сила, а наш отряд измотался до последней крайности... Бросили в самую пасть бандитов,—иди, говорят, умирай... Надо вернуться, пока можно... Потребовать от товарища Долгих, пускай заворачивает оглобли назад. Кому нужно это геройство?... Нам оно ни к чему. Зачем понадобилось лезти в тыл с таким пустяковым отрядом?.. Отчего не выступила вся бригада?.. Хотят чужими руками загребать... Знаем мы, чем они душат!.. Попробовали бы, сволочи, хлебнуть того, что нам досталось за эти дни.

— Так может говорить только подлец, делающий контрреволюционное дело,—раздался голос Долгих над ухом паникера.—Товарищи-командиры, приказываю немедленно построить отряд в боевую колонну!..

— Смирно!.. Слушать мою команду.. эскадроны, в боевую колонну стройся!—скомандовал Воронков.

— Стройся,—понеслось дальше по рядам рассыпавшихся чоновцев. Долгих вышел вперед. Он нервно ожидал конца перестроения. Его богатырская фигура приковывала внимание. Ляхорадочно горевшие глаза говорили о продуманном, бесповоротном решении.

Он начал:

— Товарищи... Впереди нас, может быть, ожидает смерть.—Противник в десять раз сильнее... Правильно и то, что мы до крайности измучены... кони еле переставляют ноги... Но верно ли то, что нам следует повернуть назад... Это не верно.. В сражении побеждает тот, кто сохраняет твердость духа и непоколебимость рядов. Мы, коммунисты и партизаны... нам дана боевая задача уничтожить Кайгоро-

дова. Если мы погибнем,—на смену придут новые бойцы, но в конечном счете дело коммунистической партии победит, так как это единственно правое дело, за которое можно умирать. Позволим ли мы запятнать свою совесть позором дезертирства с боевого участка? Тот, кто так думает,—предатель. Я требую, чтобы отряд расстрелял одного из таких малOVERов, пытающегося дезорганизовать наступление. —Я требую, чтобы мне, как командиру, было приказано —немедленно вести вас в бой... Слово за вами, товарищи.

Наступила жуткая тишина.

Потутив глаза, люди стояли в нерешительности. Не было мужества сказать прямо о своих колебаниях.

— Вы молчите?—продолжал Долгих,—Тогда расстреляйте меня, бросайте фронт, идите по домам, как жалкие трусы, входите в сделку со своей совестью, и не смейте никому говорить, что вы партизаны-коммунисты. Слушать мою команду... По намеченной цели... в командира отряда... стрельба эскадроном... Эскадрон... Сволочи... Почему не исполняете команду?... Тогда начинаю расстреливать я... Каждый десятый получит пулю...

— Первый,—он указал на подстрекателя,—десять шагов вперед. Шагом арш!

Растерявшийся отрядник неловко засеменял ногами, покидая шеренгу.. Долгих сделал выстрел.. Идущий как будто споткнулся, вытянул руки вперед и, потеряв опору, сунулся головой в снег.

Долгих начал отсчитывать с правого фланга: первый, второй, третий...

— Довольно...—вырвалось дружным хором из сотен глоток.— Веди нас, товарищ Долгих, вперед. Будем драться как львы... Смерть бандиту Кайгородову!

На рассвете одиннадцатого апреля двинулись дальше.

Перед самой Катандой отряд разделился на две части. Долгих подходил с Тюнгурской дороги. Эскадрон, во главе с Воронковым, врезался в Катанду по Нижне-Уймонскому тракту.

Кайгородов беспечно отдыхал, не беспокоясь о судьбе гарнизона. Он верил в неприступность своих позиций. Надо быть сумасшедшим, чтобы сунуться в эту природную крепость.

Вдруг выстрел, второй, третий. По улицам суматошно забегали люди.

Кайгородов выскочил на крыльцо.

Он не понимал происходящего. Где-то рядом дзинькнула пуля, что-то обожгло правое плечо. По рукаву потянулась вниз красная полоса крови. Бросился обратно в избу. Залез в подполье. Крепко обхватил руку. Тишина резала напряженный слух.—Конец,—шептали запекшиеся губы,—конец!

Побросав оружие, в ужасе метались бандиты. Их было убито несколько сот человек.

Вырвавшиеся одиночки бандиты понесли весть о разгроме штаба повстанческой армии.

Вытащив Кайгородова из подполья, Долгих отрубил ему голову и приказал отряднику:

— Скачи без останову... в штаб... с донесением... Победа за нами... Доказательство—голова Кайгородова.

Тысячелетней давностью повеяло от скачущего гонца с головой уничтоженного врага... Эпоха Чингис-Хана глянула мертвым оком на дела рождающейся в огне кровавых событий советской Ойротии... Революция победно шагала по снеговым вершинам Катунской и Чуйской гряды, заревом октябрьских пожарищ маяча в знойных степях Монголии, в бескрайних просторах Индии и Китая.

Политгруппа остановилась в Нижнем Уймоне.

Здесь же был расположен штаб 82 полка, расквартированный в огромных домах кулака Ошлыкова. Его сын—офицер находился в банде Кармака Чекуракова.

Верстах в семи, по зайкам и мелким деревушкам, были разбросаны банды Атаманова и Аргокова (его ад'ютантом был Толль).

Командир полка, Овчинников, недружелюбно отнесся к нашему приезду.

Он жаловался на полное невнимание со стороны штаба командующего войсками Горного Алтая к его полку.

— Это чорт знает, что за порядки. Совсем не высылают обмундирования... Партизаны босяком. Нет продовольствия... фуража... Если еще так протянется несколько дней.—я не ручаюсь за состояние полка... Люди требуют смены. Я об этом доносил командующему, но хоть бы что!.. Ответ один: приказываю повести наступление для окончательного истребления бандитских групп. А с кем тут будешь наступать?.. Хорошо, что еще бандиты ведут себя мирно, а то бы давно вышибли с занятых позиций. Мы тут с ними почти каждый день переписываемся. Тоже видать, надоело воевать... Вот их последнее обращение.. почитайте.

Товарищ Леонид берет всззвание и, нахмурив брови, читает вслух:

„Товарищи-партизаны и коммунисты!

Рок судьбы заставил всю Россию умирать голодной смертью.

Уймонский район пока еще изобилует хлебом, и при правильном распределении для населения этого района его хватит с избытком.

Война всегда приносила и теперь несет населению одно разорение и разруху. Коммуна вам ничего не дала, кроме жертв и полнейшего хаоса в хозяйстве. Четырехлетняя практика коммунистов, стоящих у власти, для вас служит ясным показателем и убедила их самих, что дальше она (эта власть) существовать не может“...

— Вы знакомите бойцов вашего полка с этими воззваниями?— обратился Леонид к Овчинникову.

— Да, читают. Мы установили такой порядок, что сами партизаны полка отвечают на их письма предложением перестать бандитствовать, сложить оружие и разойтись по домам.

— Вы отдаете отчет, к чему все это ведет?

— Я вас не понимаю.

— Я спрашиваю, как могло получиться так, что вы, вместо исполнения боевых приказов высшего командования, занялись братанием с непримиримым классовым врагом, допустили разлагать свою часть, затянули ликвидацию остатков бандитизма?.. Кто вам дал на это разрешение?

— Я не вижу ничего плохого в том, что мы хотим покончить с бандитизмом методами агитации и пропаганды наших идей.

— Если не хотите попасть под суд военного трибунала, сейчас же прекратите это безобразие. Предлагаю вам от имени политгруппы в двадцать четыре часа приготовить полк к наступлению, разгромить остатки банд, загладить свое бездействие и преступное отношение к приказам командующего.

Овчинников ушел. Через несколько часов он вернулся и заявил:

— Полк отказывается выступать.. Бойцы требуют прежде одеть их, накормить, а потом посылать в бой.

— Вот результат вашей дружбы с бандитами.. Предлагаем немедленно собрать полк.

Мы отправляемся на полковой митинг. Перед нами в разбивку стоят неорганизованные массы людей, потерявшие вид боевой силы. На призыв выступающих товарищей раздаются реплики:

— Будет морочить головы.

— Слыхали.

— Видишь, расхрабрились как... Воюйте сами.

— Домой пора. Почему не дают смену?

— Правильно!.. Поддерживаем!..

Овчинников смотрел тупым, бессмысленным взглядом трусливого человека, попавшего в плен разнузданной стихии.

— Хорошо! Мы передадим командованию, что вы дезертируете с фронта,—заявил Леонид,—что вы поступаете как жалкие трусы, предатели, изменники делу рабоче-крестьянской власти.

В тот же день мы сообщаем с нарочным о состоянии полка... Мы требуем немедленно его расформировать... заменить другой частью... судить командный состав... беспощадно наказать тех, кто довел его до полного развала.

Ролико-Виноградов, в подкрепление сопровождавшего нас взвода, стягивает в Нижний и Верхний Уймон остальные чоновские части, расположенные в районе.

Утром мы оказываемся отрезанными на правом берегу Катуня. Переправу сорвало. Река бешено ревела.

Если бандиты, осведомленные о наших силах, поведут наступление,—мы будем опрокинуты в реку.

Остается один выход: взять инициативу в свои руки. Ролико-Виноградов отдает приказ оперативной группе ЧОН: стремительным налетом ударить по расположению бандитов, выбить их с занимаемых позиций, оттеснить в горы и, преследуя по пятам, добиться решительного уничтожения банды.

Он берет на себя руководство всеми деталями боя. Операция заканчивается успешно. Бандиты, привыкшие к братанию с полком Овчинникова, не ожидали столь сокрушительного натиска. В паническом бегстве они бросали раненых, оружие, лошадей.

С нашей стороны было убито двое и несколько человек получили легкие пулевые царапины.

Через трое суток, восстановивши переправу, политгруппа выехала в Катанду, побывала в ряде других деревень Уймонского района, и оттуда, взяв Теректический хребет, перевалила в Онгудай.

82 Бухтарминский партизанский полк, не дожидаясь приказа высшего командования, самовольно оставил позиции и, мародерствуя по пути, ушел в Бухтарминский край.

Ликвидация бандитизма приближалась к концу.

Товарищ Воронков завершил разгром банды Колесникова и окончательно добил группу Кармана Чекуракова, укрывавшуюся в Аргуте. Началась полоса перехода к мирному строительству. Один за другим являлись с повинной вожди бандитского движения. Первым сдался Семенек. За ним сложили оружие Штанаков, Словарецкий, Себешев, Дудин, Орлов, Пьянков и Тужелей.

Однако еще целый год происходили мелкие стычки с бродячими группами.

Примером служит сводка Куяганского волпарткома, относящаяся к августу месяцу 1922 г.

„Сообщаю, что положение волости ненормальное. Сгруппировалась банда в количестве 75 человек. 14 авг. сделала набег на Барагаш. Убила трех партизан, потом разбилась на две части. Одна часть находится в Курзуне в количестве 25 человек, а остальные в Этоголе. Мы опять все на чеку. А главное дело вот в чем,—нельзя ли получить патронов из ЧОН'а, пока не поздно. Когда ЧОН перейдет дальше, то тогда будет для нас хуже. А также винтовок, хотя бы десяток штук. Особых новостей нет“. Большинство главарей бандитов сдавались вместе со своими отрядами. Они разоружались до конца, признавали свою вину, считали заслуженным то наказание, какое найдет нужным применить к ним Советская власть.

Национал-шовинисты.

1-го июля 1922 г. состоялось постановление ВЦИК об организации Ойротской автономной области. В нем говорилось:

„До созыва 1 с'езда советов автономной Ойротской области, вся полнота власти таковой, в границах указанных в § 1, принадлежит революционному комитету, ближайшей задачей которого является созыв 1 с'езда советов Ойротской автономной области, для таковой цели используется аппарат Горно-алтайского исполнительного комитета.

„С'езд советов ойротской области избирает исполнительный комитет автономной Ойротской области с правами губернского исполнительного комитета.

„Народному комиссариату по внутренним делам, народному комиссариату по делам национальностей и Сибирскому революционному комитету поручается образовать смешанную комиссию для разрешения вопросов, могущих возникнуть при детальном установлении границ автономной Ойротской области“.

Председателем Областного революционного комитета был выдвинут Меджит Иванов, членами: тов. Леонид, Алагызов, Чусов, Сары-Сэп-Конзычаков.

Последний был командирован для работы в Ойротскую автономную область губкомом партии. До переброски Сары-Сэп работал заведывающим отделом национальностей Алтайской губернии. По его личным документам он числился партизаном, вступившим в партию в 1920 г. По происхождению алтаец ойрот, грамотный.

Никто в то время не знал о том, что он играл видную роль в составе Каракорумской управы. Он скрыл от партии свое прошлое, замаскировал его ложными справками о революционных заслугах в период гражданской борьбы.

Только после новых национал-шовинистических проделок, удалось до конца разоблачить прошлое Сары-Сэпа.

В своем дневнике он далеко откровеннее. Он рассказывает о том, что он происходит из семьи попа-миссионера, что близкий родственник его Анохин помогал ему учиться. Когда начальник миссии, Макарий, после погрома бурханистов становится архиепископом Томским, Анохин перебирается к нему регентом хора и перетаскивает Сары-Сэпа, содействуя его поступлению в духовное училище.

Но будучи изрядным забулдыгой и бездельником, Сары-Сэп, несмотря на оказанную ему протекцию, училище не закончил. После годичного срока обучения его исключают. Новое ходатайство Анохина о приеме его в Бийское катехизаторское училище. Новый год учебы и новое оставление стен школы. Вслед за этим он несколько лет болтается без дела. Умирает отец. Семья начинает требовать от него

помощи. Сары-Сэп идет по проторенной дорожке. В своем дневнике он пишет:

„Посоветовавшись с матерью, я решил ехать в Томск к Макарию и просить его дать, хотя временно, такое место, которое обеспечило бы существование на то время, которое мне нужно для подготовки к экзамену на звание учителя“.

Его поездка увенчалась успехом. Он получает место сверхштатного псаломщика в Бочатском миссионерском стане села Чулухоевского. Об этом периоде Сары-Сэп повествует так:

„Всего в миссионерском стане нас было 4 человека, а именно: миссионер Оттыгошев, священник Кадышов на должности дьякона, дьякон Селеков на должности псаломщика и учителя, и я, наконец, я, как сверхштатный псаломщик. Дома, принадлежащие миссии, находились совершенно в стороне от остальных построек улуса и вместе с каменной церковью представляли нечто вроде хутора.“

„Жизнь шла самая скучная, лишь скрашиваемая,—если только это может скрашивать,—пьянством всей миссионерской кампании, а также ссорами между представителями прекрасного пола. Одним словом, я попал в такой омут, в котором в течение 2 лет до того опустился и так втянулся в пьянство, что если еще немного и я был бы неисправимым“.

Как-же он исправился? Об этом Сары-Сэп рассказывает сделавшись учителем села Бирюли.

„Яд, впитавшийся в мой организм в селе Чулухоевском, оказывается, пустил глубокие корни, так как почва для этого, ввиду потомственности порока, была благоприятная и я часто пил и пил здорово... Это обстоятельство заставило мое тогдашнее начальство перевести меня в другое село.“

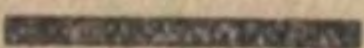
В Усть-Кане, куда попал Сары-Сэп, кончается его учительская деятельность. Даже миссионерское начальство не вытерпело его безудержного пьянства. После этого он избирает поприще сельского писаря. Проходят годы. Во время войны его берут в армию, он кончает учебную команду, становится ротным писарем, попадает на фронт.

В 1917 г. возвращается снова на Алтай. Здесь сближается с деятелями Каракорума и начинает играть среди них не последнюю роль. Он, являясь председателем Кузнецкого отдела каракорумской управы, производит аресты рабочих советов кузнецких копей после чехо-словакского переворота.

Наконец, перед падением колчаковщины, Сары-Сэп скрывается в Бийском уезде. Он устраивается волостным писарем в селе Маралихинском, Огневской волости. В момент партизанского восстания в этом селе, Сары-Сэп переходит секретарем в штаб. Но не обошлось без того, чтобы партизаны не испробовали своего примитивного оружия на его боках. Он так пишет в своем дневнике:

„Я шел с квартиры одного из участников восстания и был избит до бессознания повстанческим отрядом какого-то села. По моему лицу туземца приняли меня за шпиона карательного отряда. Ведя меня в штаб, в который возвращался и я, они нанесли мне удары бичами, вилами и пиками, причем как спина, бока, так лицо и шея были изорваны в куски и переломлена ударами вил левая рука“.

И после этого, с приходом Советской власти, считая себя участником партизанского движения, Сары-Сэп пролезает в партию, становится ответственным работником губернского центра, попадает в состав ревкома Ойротской автономной области, заместителем председателя. Цель достигнута.

Наступала горячая пора организационного перестроения. Учреждения покидали Алтайское, перекочевывая в Улалу. Начался раздел с губернией. Для согласования организационных вопросов, по предложению правительства, работала особая комиссия. Представителем Сиббюро ЦК РКП и Сибревкома как в состав комиссии, так и в областные руководящие органы вводился Гордиенко.

Так начала свое существование Ойротская автономная область.

Сары-Сэп получил командировку в Москву для организации представительства при ВЦИК. Через некоторое время заместителем Сары-Сэпа в представительстве оказался друг Тибер-Петрова, бывший каракорумец Борисов.

Одновременно на Всероссийском съезде советов, куда был делегирован от области Меджит Иванов, происходит избрание в члены ВЦИК Чагат-Строева.

Эта кандидатура была выдвинута составом представителей области, находившихся в то время в Москве.

Наконец, оформление области было закончено. Товарищ Леонид отзывался для работы в Алтгубкоме. Секретарем Оргбюро РКП остался Гордиенко.

Развертывалась подготовительная работа к созыву первого областного съезда советов Ойротии. По области проводилась усиленная работа по восстановлению разрушенного хозяйства. Для завязывания нормальных пограничных взаимоотношений с Западной Монголией было проведено специальное совещание представителей в Инету—Падзе¹

От Ойротии, по предложению Наркоминдела, представляли на этом совещании Меджит Иванов и Гордиенко.

О том, что итогом этого сближения являлось укрепление братской солидарности между трудящимися двух соседних народов, свидетельствуют документы переписки между представителями власти и политических органов совещающихся сторон.

Монголы писали:

---

¹—Инету-Падзе—урочище на территории Западной Монголии.

„Председателю революционного комитета Ойротской автономной области.

„Уважаемый товарищ!

„Революционеры Западной Монголии с нескрываемой радостью приветствуют в вашем лице вновь народившуюся Ойротскую трудовую автономию, вступающую в семью трудовых советских республик. Мы проникнуты глубокой уверенностью в то, что Ой-

Делегатки 1-го с'езда советов Ойротии читают свою газету.

ротская трудовая автономия выведет все племена, населяющие Голубой Алтай, на светлый путь духовного раскрепощения от вековой спячки, невежества и темноты, с одной стороны, и экономического расцвета от матеркальной нищеты и связанных с ней мучений и лишений, — с другой стороны.

Уважаемый товарищ, мы просим вас передать трудящимся братьям Голубого Алтая о том, что теперь не стало той самодержавной России, которая каждый год систематически отправляла через Чуйский тракт в ваши скалистые горные дебри и нашу знойную степь своих искусственно взрощенных пауков, т. е. купцов, с тем, чтобы высасывать наши последние жизненные соки и нашу последнюю артериальную кровь своей бесчеловечной эксплуатацией, циничным мародерством и подлостями. Не даром-

же отмечают в наших народных былях мародерства этих хищников следующими кровавыми словами:

„Весь-бы Чуйский тракт серебром можно вымостить, да золотом, что загребли, захапали русские купцы у алтайцев и монгол. Весь бы тракт можно слезами залить алтайскими да монгольскими, что сочились из узких глаз полудиких, с чистой душой, кочевников,—такой большой обидой и горем наделил их алчный русский хищник“.

Наконец, не стало той России, которая всячески старалась сделать нашу горемычную Монголию своей колонией, обреченной на вечную эксплуатацию; не стало той России, которая с нагайкой станового пристава или полицейского урядника в одной руке и с крестом и иконой какой-нибудь божьей матери или какого-нибудь спасителя—в другой, выгоняла вас с самых плодороднейших мест в голые горные ущелья.

Вместо той проклятой самодержавной России, сейчас существует другая Россия—Россия с рабоче-крестьянской властью, которая не стремится к владычеству над другими народностями, а, наоборот, во всякое время подает руку помощи всякому народу, борющемуся за свое освобождение и самостоятельность против угнетающих его хищников, во имя братской связи всех трудящихся и в интересах наибольшей силы и сплоченности в борьбе с владыкой этих хищников—с капиталом.

Вместо кровавого российского самодержавного трона—трона, залитого кровью десятков и сотен тысяч русских рабочих и крестьян, невероятнейшими усилиями и героизмом последних воздвигнута республика советов, служащая маяком и путеводной звездой для всех угнетенных и поработанных народностей в их борьбе против ужасов капитала оказывающая посильную помощь всем малым народностям в их освободительной, от сфер влияния империализма, борьбе. Одним из рельефнейших свидетельств сказанного является наша Монголия, освободившаяся от трехвековой кровавой эпки китайских мандаринов и купцов, а последнее время—от кровавого разгула отщепенцев русской контрреволюции: Унгернов, Бакичей, Кайгородовых и др. прохвостов.

В заключение надеемся, что Голубой Алтай раз навсегда положит предел всем белобандитским глумлениям и произволу, эксплуатировавшим национальное самолюбие Алтая.

Да здравствует автономный Алтай!

Да здравствует свободная Монголия!

Да здравствует рабоче-крестьянская Россия—источник революционной энергии и героизма!

С товарищеским приветом—уполномоченный центрального комитета народно-революционной партии в Западной Монголии и начальник политотдела Кобдосского военного округа—С. Канов. Председатель Кобдосской организации МНРП—АРАБДЕЕВ.

Председатель Кобдосской организации МРПС—ПУНЦОК.¹

В ответ на это товарищеское письмо революционеров Западной Монголии, ойротские организации писали:

„Уважаемые товарищи!

„Революционный комитет Ойротской автономной области и областной комитет РКП, заслушав письмо, присланное вами на имя председателя ойротского областного ревкома, со своей стороны горячо приветствует в лице вашем революционеров Западной Монголии, защищающих трудовое население от произвола и насилия хищников-капиталистов. Мы просим передать трудящимся братьям знойных степей Западной Монголии наш братский привет, а также просим передать, что ойротский народ только под знаменем Советской власти вздохнул свободной грудью.

Только Советская власть действительно освободила ойротский народ, как и все малые народы бывшей Российской империи, от национального гнета. Только сейчас мы чувствуем себя равными членами трудовой семьи и полноправными гражданами великой республики советов. Только сейчас на нас никто не смотрит свысока, как раньше смотрели царские чиновники и хищная буржуазия. Ойротский народ уже более не представляет из себя бессловесной скотины, которую били раньше безнаказанно и грабили без конца.

С помощью революционного пролетариата России мы сбросили со своих плеч всех паразитов и грабителей, что целые века расхищали наше достояние и сосали нашу кровь.

Правильно отметили вы в своем письме, что весь-бы Чуйский тракт можно было залить алтайскими и монгольскими слезами, что сочились из глаз трудящихся этих народов. Да, много пролито слез трудящимися Монголии и нашего Алтая от причиненного нам буржуазией горя. Кровью и слезами отмечены страницы истории владычества китайских мандаринов и русских царских чиновников над трудящимися Западной Монголии и нашего Алтая.

Но мы больше не плачем, а лишь с ненавистью и презрением смотрим на капиталистический мир, окружающий нас. Плакать мы разучились, но зато научились верно разить врага.

Настанет время, когда весь мировой пролетариат восстанет против своих угнетателей.

Мы готовы идти в самый жестокий и решительный бой против наших общих врагов—буржуазии всего мира. Рука наша не

¹—Перевод грамоты с монгольского произведен Меджитом Ивановым.

дрогнет, когда нужно будет разить врага трудящихся и освободить весь мир от произвола, насилия и грабежа. Мы знаем, что трудящиеся всего мира заодно с революционными рабочими и крестьянами Советской России. Мы знаем, что трудящиеся всего мира готовятся стать в наши революционные ряды. С революционными рабочими и крестьянами Советской России—пролетарский класс всего мира. Поэтому мы можем с уверенностью сказать, что дни владычества капитала сочтены.

Знамя всемирной революции реет над всем земным шаром. Флаг и герб всемирной советской республики уже воздвигается трудящимися Европы и Азии. Мы уверены, что нам еще придется быть свидетелями того момента, когда трудящиеся всего мира окончательно освободятся от ига капитала.

Мы искренне радуемся, что трудящиеся братья Западной Монголии уже сделали первый шаг и освободились от китайских и русских хищников-капиталистов, наводнявших знойные степи Западной Монголии с целью грабежа и насилия. Мы уверены, что в дальнейшем наши братья—трудящиеся Монголии—стойко будут защищать свои права от разных покушений, а эти покушения еще предвидятся со стороны кровожадных хищников капиталистических стран. Капиталисты Японии и др. капиталистических стран еще с жадностью устремляются на лакомый кусок, на богатство трудового народа Западной Монголии, которая, безусловно, сумеет дать надлежащий отпор этим хищникам.

Верной гарантией для трудящихся всего мира является провозглашение социалистического советского строя и вхождение в Союз социалистических советских республик, который создан волею пролетариата и трудящихся советских стран. Мы уверены, что наши братья из знойных степей Западной Монголии не замедлят сделать последний шаг, провозгласят в своей стране социалистический советский строй, войдут равноправными членами в Союз советских социалистических республик.

Уважаемые товарищи, просим вас передать нашим братьям—трудящимся Западной Монголии о том, что территория Ойротской автономной области окончательно очищена от контрреволюционных белобандитских элементов и трудовому населению нашей области сейчас предоставляется возможность приступить к мирному труду и восстановлению разрушенного хозяйства.

А хозяйство наше, действительно, разрушено. Враги Советской власти, видя, что им не сломить воли трудящихся силой оружия и своими происками, с отвратительной наглостью и ненавистью к трудовому населению разрушали на всем пути все, что попадало им под руку, и опустошали край наш грабежами, насилиями и поджогами. Все это нами пережито, враг окончательно побежден и мы надеемся, что при помощи трудящихся

РСФСР и при дружественном сожительстве с нашими соседями—
трудящимися Западной Монголии, мы сумеем залечить жестокие
раны, нанесенные нам врагами.

Да здравствуют трудящиеся Монголии!

Да здравствует единение трудящихся всех стран!

Да здравствует Союз советских социалистических республик!

Да здравствует III Коммунистический интернационал—штаб
мировой революции!

*Председатель Ойротского областного революционного
комитета ИВАНОВ-МЕДЖИТ.*

Члены: МАНЕЕВ—Иркит, АЛАГЫЗОВ—Меркит.

*Секретарь Ойротского областного комитета
РКП(б) ГОРДИЕНКО.*

Покончив с бандитизмом, взялись за мирный труд. Строили. Вос-
станавливали дороги. Поднимали разрушенное хозяйство.

Разгром бандитизма и упрочение со-
ветского строя в Ойротии вызвало беше-
ную злобу классовых врагов. Социал-пре-
датель из лагеря эсеров и меньшевиков,
кулак-бай, миссионер, колчаковский офи-
цер и активный каракорумец—таили за-
ветную мечту реванша. Пробираясь в со-
ветские учреждения, они ставили себе за-
дачу взрывать строительство изнутри. Часть
темных элементов, проскальзывая в пар-
тию, являлась агентурой разгромленных,
но недобитых до конца, контрреволюцион-
ных сил. Такими агентами оказались Сары-
Сэп-Конзычаков, Борисов, Маевский. Под-
держивая тесную связь с бывшими кара-
корумскими „вождями“, особенно с Тибер-
Петровым, они попытались хитро спле-
тенной интригой подорвать областное ру-
ководство и, прикрываясь социал-шовини-

Тов. Гордиенко.

стической окраской, под знаком местного национализма, вырвать
влияние на алтайцев-ойротов у партийной организации.

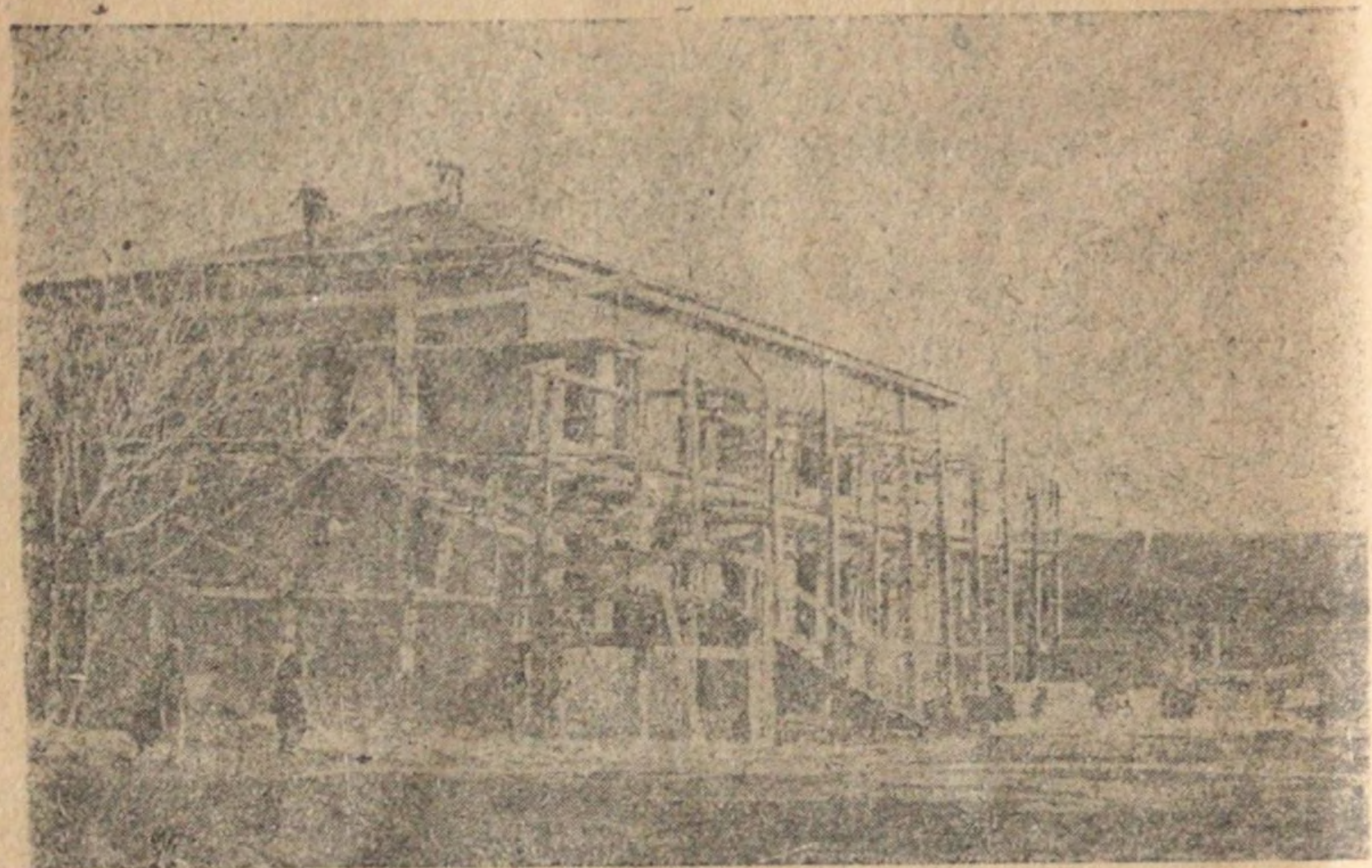
Кроме разложения, которое они начали вносить в ряды органи-
зации на месте, у них созрел авантюристический план разгрома парт-
ядра, путем самой отъявленной лжи перед центром.

С этой целью группа втянула в сферу своего влияния человека
чуждого политике, не разбирающегося в делах борьбы, полуграмотного
алтайца, выдвиженца, члена ВЦИК—Строева.

Все, что говорили и писали эти проходимцы, Строев брал на
веру, прикладывая руку ко многим сфабрикованным документам.

Маевский—прокурор области, присланный на эту работу из Барнаула, оказавшийся чуждым элементом, проникшим в партию, начал плести паутину вокруг Строева.

Очернив руководящих товарищей, он рисовал перед Строевым страшную картину зверств и уголовных преступлений, творимых революционным комитетом и обкомом партии.

Леса первых строек.

Заботясь, якобы, об охране безопасности Строева, Маевский внушал ему, что на него, на Строева—члена ВЦИК,—готовится покушение.

Это привело к тому, что Строев шарахнулся в объятия интриганской группы, поставившей ставку на использование его в своих контрреволюционных целях.

Опутанный интриганами, Строев телеграфировал Наркомнац, копия ВЦИК:

„Срочно прошу ваших телеграфных распоряжений о выезде в Москву по весьма серьезному и секретному докладу, который требует только личного моего приезда, разрешите взять с собой двух человек по своему усмотрению, ввиду опасности поездки“.

На эту телеграмму последовал ответ:

„Поспешите срочно выехать в Москву, взяв по своему усмотрению двух сопроисходящих, выезд телеграфируйте“.

Замнаркомнац Бройдо.

Представитель Борисов.

Строев, выезжая в Москву „с секретным и весьма серьезным докладом“, захватил с собой прокурора Маевского. Оба они занимались отвратительной стряпней, дающей пищу их политическим друзьям-каракорумцам.

Маевский, разоблачая себя с головой в своих докладных записках, доставленных лично в Москву на имя представительства при Наркомнаце, уснащал эти документы невиданным набором грязной клеветы, бессовестных измышлений¹:

Он писал:

„Мне было поручено формирование областного суда, каковое задание я выполнил, представив схему распр деления Ойротской автономной области на судебные-следственные участки...“

Затем я был выдвинут на должность областного прокурора. Я, как прокурор области, приступил к осмотру судебных-следственных дел и обнаружил массу дел неоконченных, требующих неотложного расследования; среди них нашел дела уголовного характера, касающиеся ответственных работников бывшего уисполкома и настоящего облревкома.

Причина массового скопления судебных дел объясняется очень просто.

Областная высшая администрация, имея за собой много „грешков“ с так называемыми „преступлениями по должности“ и будучи крепко спаянной организованной группой, чинила всевозможные препятствия народно-следственным участкам проводить свою работу; последние были бессильны, что либо сделать и сидели сложа руки...

Областная власть как советская, так и партийная, почувствовав во мне неугомонного политика, не поддающегося их влиянию, стала всячески стараться избавиться от меня путем ареста, клеветы и т. д.

Например: пускались такие провокационные слухи, что „Маевский будет арестован“, или „что Маевскому далее двух месяцев не продержаться“, что доказывается запиской тов. Манеева от 23/IX с. г.

Во-вторых, мне лично и совершенно случайно пришлось узнать более гнуснейший замысел шайки, который привел меня в неопикуемый ужас. Одна простодушная старушка проговорила мне, что „сегодня ночью хотят убить какого-то члена Строева за то, что пишет в Москву на наше начальство“, но кто хочет убить Строева—объяснить не смогла.

Я, узнав об угрожающей опасности члену ВЦИК т. Строеву, не сообщая ему о том, поставил на ночь вокруг его квартиры секретный караул из 4 своих судей, а сам пошел в квартиру Строева, где и ночевал.

---

¹—После выяснения вопроса и исключения из партии, Маевский занялся „собственным делом“ — мелочной торговлей в Н.-Сибирске.

Таким путем опасность миновала,—злодеям не удалось выполнить свой гнусный замысел...

Ввиду участия в преступлении „главков“ облревкома не представляется возможным произвести дальнейшее расследование и привлечение к законной ответственности виновных потому, что при попытке осуществить законы правосудия угрожает опасность жизни смельчака со стороны разбойничьей организации*

Прокурор Ойротской автономной области член партии РКП(б) —билет № 207676—Маевский*.

Наряду с этим составляется обширный доклад, подписанный Строевым. Видно, что в составлении доклада принимал участие не только Строев. Это более зрелый плод местных национал-шовинистов, сознательно оправдывающих контрреволюционную борьбу каракорумских заправил и возводивших гору обвинений за весь период гражданской войны на партийно-советскую организацию и ее руководство.

В докладе говорилось:

„Алтайцы, воспользовавшись завоеваниями Октябрьской революции, в начале 1918 г. организовали самостоятельную национальную уездную единицу Каракорум. Каракорумский уезд организовался по инициативе и под руководством известного художника-алтайца Г. И. Гуркина.¹ Как истинный патриот и любящий свой Алтай, он горячо взялся устроить жизнь угнетенного народа.

В качестве разных спецов в Каракорум перебралось много офицеров и другого контрреволюционного элемента, которые повели колчаковскую политику. Они стали Гуркина всячески притеснять, не давали ему провести в жизнь идею самоуправления и не раз сажали его в тюрьму.

В конце 1919 г. белые части отступали по Чуйскому тракту в Монголию. Вслед за отступившими белыми вступали на территорию Алтая партизаны, сформировавшиеся из крестьян Бийского, Горно-Алтайского и Барнаульского уездов Алтайской губернии.

В состав их вошло много крестьян с преобладающим большинством кулаков (кержаков-старообрядцев), жителей Горного Алтая. Крестьяне Горного Алтая, имея злобу, посеянную белогвардейщиной по отношению к туземному населению, не упустили случая мести.

Начались беспощадные грабежи туземного населения—начался погром. Месть, действительно, была чудовищной, первобытного характера—жестокая, зверская, покрытая сплошной кровью, убийством, грабежом, насилием женщин, осквернением домашнего очага.

---

¹—Гуркин вместе с белогвардейцами эмигрировал в Монголию и вернулся на Алтай только в 1925 г.

Жуткую картину представляют туземные айлы, где побывали партизаны. При въезде в деревню или айл, они первым делом схватывали всех мужчин, которых без всякой вины в депресса на месте же зарубали шашками, на глазах плачущей и перепуганной семьи. Затем приступали к основательному грабежу, забирали все, что нравилось, а ненужное уничтожалось. В заключение подвергались позорному насилию жены и дочери убитых туземцев; была масса случаев скоропостижной смерти среди женщин, самоубийств и умопомешательства.

В начале 1920 г. Советская власть окончательно утвердилась на Алтае, образовались революционные сельские и волостные комитеты и ячейки РКП, преимущественно из русских крестьян. Вся власть в волостях и сельских обществах целиком перешла в руки ячеек, считающихся благонадежными в политическом отношении. Но, к величайшему сожалению, в созданные на скорую руку ячейки сплошь и рядом попадали люди, далеко неблагонадежные, с темным прошлым, не чистые на руку. Многие входили в состав ячеек с корыстными целями, как лучше и полегче пожить за счет народа и, в особенности, туземцев. Четырехлетняя работа ячеек не достигла своей цели, а, напротив, затемняла идею коммунизма своими незаконными действиями. Ряд коммунистов — завидные взяточники, жившие за счет туземцев, путем вымогательства нажили состояние, требовали выкуривать из последнего хлеба самогону для себя, производили самоуправные аресты, самосуды и расстрелы. Таких примеров найдутся сотни и тысячи, если поискать, которые остаются не расследованными и виновники не привлечены к ответственности. Уездная власть ко всему этому относилась пассивно, не принимая никаких решительных мер борьбы против произвола и беззакония, чинимых ячейками, хотя и была о ведомлена.

Уездный политический орган неограниченно верил всем донесениям ячеек с мест, руководствуясь таковыми. Часто, основываясь на личных счетах и корыстных целях отдельных личностей, производил массовый арест туземцев, переполнял ими тюрьмы и арестные дома. Дела их не рассматривались годами и в настоящее время тысячи туземцев томятся в тюрьмах, ожидая суда.

Достаточно появиться воинским частям или вооруженной ячейке в населенном пункте, как все население приходило в ужас, бросало свои дома, хозяйства и убегало в горы. Ячейки и воинские части не ликвидировали бандитизм, а создавали его. Вот где весь секрет развития бандитизма на Алтае*.

По всем инстанциям представительство при Наркомате, в лице Борисова, било тревогу, требовало срочного создания комиссии и посылки ее на место для производства следствия и разгона областного

революционного комитета. В заботах о подборе состава комиссии Борисов писал:

„Со своей стороны, представительство выдвигает в комиссию кандидатуру прокурора области т. Маевского, как компетентного беспристрастного работника, а кроме того пользующегося доверием среди широких слоев населения и вместе с тем как возбуждавшего данное дело.

Комиссии должны быть даны широкие полномочия, вплоть до ареста виновных лиц, с заменой их работниками с мест или затребованием из центра, если комиссия найдет нужным.

Кроме того, необходимо было бы командировать в область т. Строева как местного работника и пользующегося полным доверием населения, при помощи которого дать возможность комиссии раскрыть преступления виновных лиц, чего комиссии не удалось бы достичь одной, ибо население настолько запугано, что оно боялось бы преследования „партийных товарищей“ и не осмелится открыть тех преступлений, которые оно откроет комиссии при тов. Строеве“.

Вся эта кампания в составе Борисова, Маевского и Строева была настолько уверена в своем успехе, что предложила Сары-Сэпу выехать из Москвы в Улалу и ждать их директив по проведению разгрома облревкома, как только это будет санкционировано руководящими органами.

Но просчитались интриганы.

Постановлением президума ВЦИК было принято решение:

„Для обследования на месте положения в Ойротской области образовать комиссию из представителей Наркомнац, НКВД и Сибревкома, председателем комиссии назначить представителя Наркомнац, т. Монатова“.

Этого решения было достаточно, чтобы спутать все карты жалких дельцов. Началось заметание следов, суетливая беготня, отбой.

После обследования комиссии ВЦИК парторганизация была очищена от проходимцев.

24.

Ойротия.

Стремительным темпом бежало время.

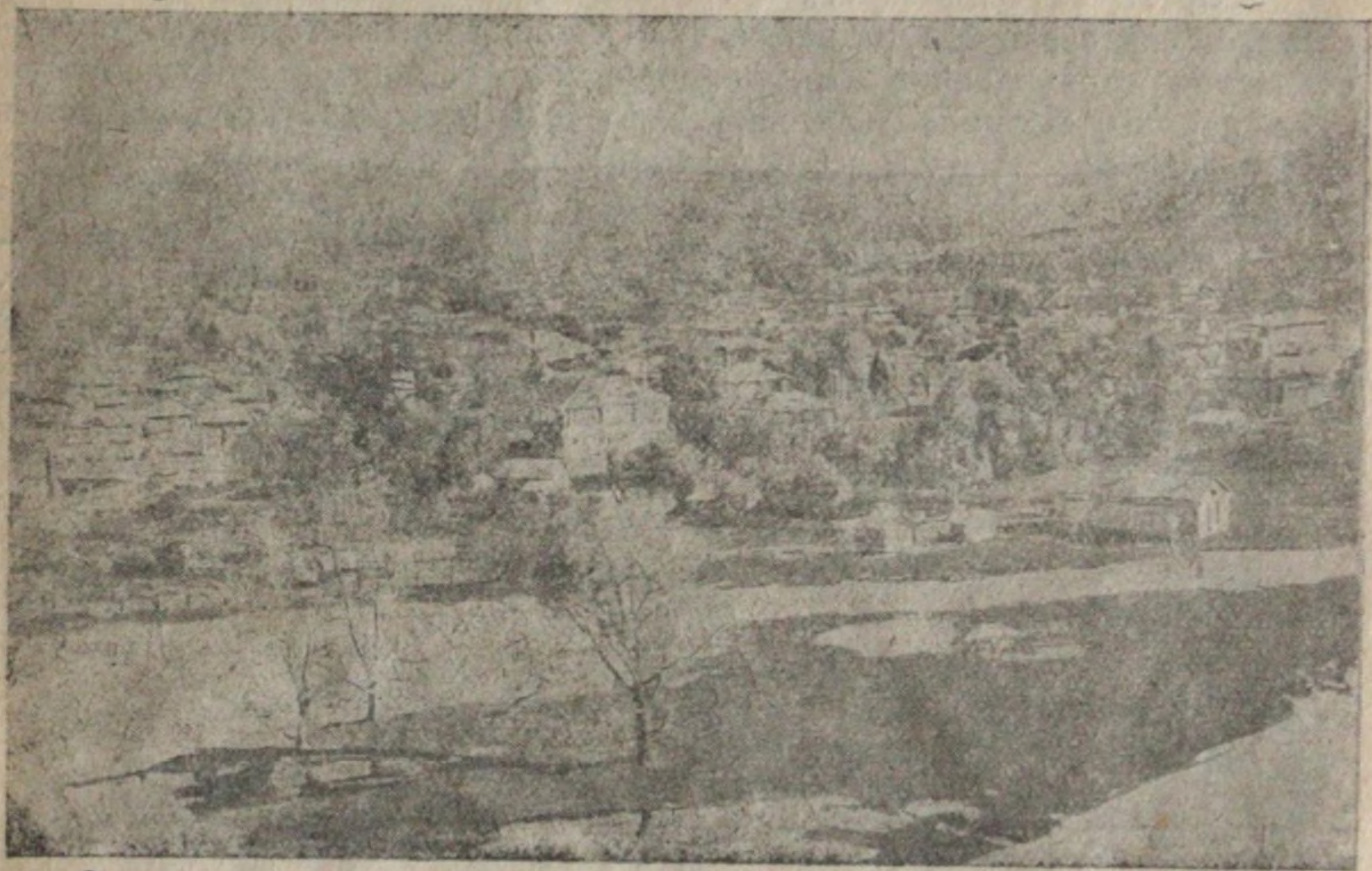
Эпоха революции рождала свои законы движения. То, что осуществлялось десятилетиями в период застоя,—получило теперь иные сроки своего завершения.

Закончился восстановительный этап. Страна советов шагнул вперед—на путь индустриализации и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Ни один день не проходил без борьбы

новое, за социалистическое строительство. Ни одну пядь не уступали без боя старые реакционные силы. Классы сталкивались в сложном переплете бешеного соревнования, не забывая основную цель — „кто-кого“. Партия рабочего класса, вооруженная ленинским учением, вела на штурм миллионные массы пролетариата, завоевывая одну позицию за другой.

Успехи социалистического строительства позволяли поставить на очередь задачу выполнения пятилетнего плана великих работ, задачу развернутого наступления социализма по всему фронту, вы-

Общий вид г. Улаалы — столицы Ойротии.

корчевывания корней капитализма и на основе сплошной коллективизации ликвидации кулачества как класса.

Всякий крутой поворот не обходится без колебаний людей неустойчивых, не верящих в силу пролетариата, сомневающих в возможности построения социализма.

Партия разбила контрреволюционный троцкизм, успешно наносит сокрушительные удары правому оппортунизму, как главной опасности в эпоху наступления, пытающемуся сеять панику, ослаблять волю, дезорганизовать ряды, вооружать классово-враждебные силы, отчаянно сопротивляющиеся строительству социализма.

В классовых боях люди старого мира, притаившиеся в годы НЭПа, обнаружили свое лицо — лицо вредителей-интервентов из лагеря Рамзиных, Кондратьевых, Громанов и Сухановых. Это — блок наемных специалистов, служивших верой и правдой своим бывшим

хозяевам—капиталистам. Это—блок социал-предателей с реакционными элементами, ненавидящими советский строй.

Сложной системой подрывной работы рассчитывали эти враги рабочего класса погубить дело Ленина. Опираясь на кулачество, они мечтали реставрировать капитализм в России, превратить СССР в страну рабов, злить кровью рабочих и крестьян пожар пролетарской революции.

Но просчитались буржуазные политики!

Вопреки их вредительской тактике рабочий класс строил свою социалистическую промышленность. Росли заводы-гиганты. Социалистическое соревнование и ударничество парализовало вредительские планы. Лозунг—„пятилетка—в четыре года“—превращался в живое действие. Подводился фундамент под социалистическое здание. Вовлекались миллионные массы крестьянства в дело перестройки своего хозяйства. Средняк в своей массе переходил на социалистические рельсы развития. Росла коллективизация. Колхозник превра-

Совхоз „Скотозод.“

щался в прочную опору Советской власти в деревне. Тысячи тракторов взрыхляли вековую целину.

Вместе со всей страной росло и крепло хозяйство Сибири. Закончилась постройка Турксиба. Гигантски развернули свою работу угольные районы. Из сочетания кузнецких углей и уральской руды зародилась вторая угольно-металлургическая база страны советов.

Каждый час, каждую минуту кипит творческий труд. Рождаются новые запросы. Плавится в огне стройки вековое наследие прошлого — темнота и невежество.

В Ойротии развернулось дорожное строительство.

Своим огненным дыханием этот порыв энтузиазма увлекает на путь социализма самые отдаленные окраины. Изменяется лицо национальных районов. Сотни лет не могли дать Ойротии того, что принесла ей пролетарская революция.

Сегодня горная страна ойротского народа уже не та. Тысячами глаз смотрит Ойротия в будущее.

Каждый ойрот, бедняк и середняк-колхозник, знает Ленина. Этот „Ойгор баатыр“¹ затмил образ легендарного Ойрот-хана. Он ближе, он понятнее, чем вымышленный герой-освободитель. Он не изгладится из памяти грядущих поколений. Его пройденный путь и дело, завершенное Октябрьской революцией, будут жить в веках всех народов, населяющих земной шар.

Ойрот, бедняк и середняк-колхозник, знает Сталина. Верный ученик Ленина, он продолжил дело

Тип ойротского сказочника — повествователя.

¹—Мудрый богатырь.

своего учителя, он не дал сбиться с верного пути, он вооружил массы на преодоление новых высот построения социалистического общества.

Ойрот, бедняк и середняк-колхозник, знает партию, верит ей, учится бороться под ее знаменами. Пробудившийся народ хочет все знать. Он хочет делать так же, как другие передовые районы Союза. Его не заставишь вернуться к рабству.

Из года в год поднимается в гору хозяйство Ойротии.

Больше 40 проц. дворов находится в колхозах. Около половины посевных площадей дает социалистический сектор. Разрабатываются лесные богатства. Растут совхозы. Растет товарное животноводство. На смену аргымаевскому родилось советское коннозаводство. Растет культура. Повышается грамотность. Начат переход к всеобщему обязательному обучению. Уже сейчас насчитывается 173 советских школы, 294 учителя. Сотни ликвидаторов неграмотности. Несколько десятков врачей, тогда как до революции их не было здесь совсем.

Имеется совпартшкола, учительский и зооветеринарный техникумы. Десятки молодых ойротов учатся в комвузах. Куются кадры будущих строителей и организаторов хозяйства. Издаются книги и газеты на родном языке. Проникло в самые далекие углы кино и радио.

По дорогам Ойротии засновали автомобили.

Да разве можно перечислить все, что появилось в Ойротии за годы Советской власти? Разве можно сравнить теперешнюю Ойротию с той, которая была десятки лет тому назад?..

Недалеко то время, когда весь Алтай покроется стальными рельсами дорог, могучая сила рек превратится в силу электричества, задымят заводы, развернется разработка богатейших, еще нетронутых, алтайских недр.

Пробудился от тысячелетней спячки Алтай. Растет коренизация — переходят кочевники на оседлость. Скоро совсем не будет места первобытному существованию ойротов, в котором цепко держало их прошлое.

Лишь только в своих воспоминаниях сказочники — кожончи сумеют поведать длинную повесть об Ойрот-хане и закончат ее словами о том, как „Ойгор баатыр“ — Ленин сказку претворил в жизнь.

25

Культурный и хозяйственный рост.

Годы восстановительного периода прошли при напряженной и трудной работе Ойротской парторганизации.

Ее состав за эти годы вырос, получил большевистскую закалку, выдвинул из своей среды новые руководящие кадры.

Вместо Меджита неизменным председателем облисполкома с 1924 до 1931 г. оставался Иван Савельевич Алагызов. Секретарем обкома—товарищ Леонид.

Центр Ойротской области, с. Улала, в 1923 г. насчитывал 5 ячеек, в которых состояло 116 членов и 11 кандидатов.

По аймакам—41 ячейка, 204 члена и 48 кандидатов. Во всей парторганизации было 9 женщин. Комсомольцев не больше 300 человек.

К 1931 г. в Улале, ставшей городом с 10,000 населения—парторганизация выросла до 350 членов и кандидатов. Всего по области 83 ячейки и 40 кандидатских групп с общим количеством 1500 членов и кандидатов партии. Причем в этом количестве насчитывается 522 алтайца-ойрота, 277 женщин, из которых 86 женщин-ойроток Комсомольская организация насчитывает в своих рядах 2792 комсомольца.

Такой громадный рост дала передовая, авангардная часть борцов и строителей новой советской Ойротии, став сильнее, политически

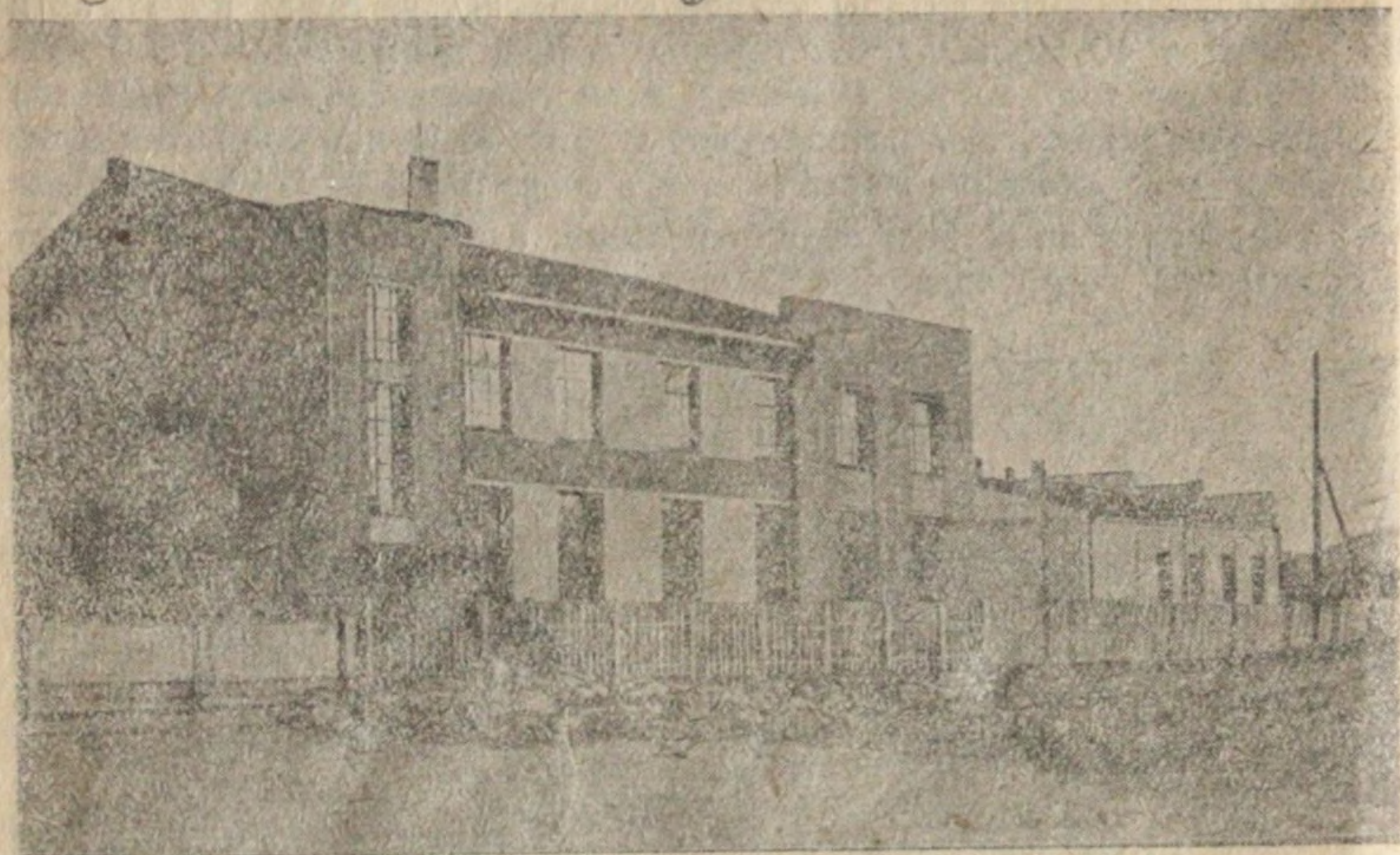
Митинг в день 1-го мая.

сознательнее, лучше подкованной марксистско ленинской теорией. Не зря работала эти годы совпартшкола—кузница молодых ойротских кадров. Не зря десятки и сотни молодых ойротов учились в комвузах и техникумах.

Крепче молодняк, идущий на смену старым борцам, увереннее его действия. Нет такой силы, которая-бы повернула его назад.

Территория Ойротской автономной области сплошному инструментальному учету никогда не подвергалась. Ямпольский в своей книге „Животноводство в Ойротском крае“¹ говорит:

„Инструментальному учету подвергалась лишь небольшая часть при землеустроительных и землеотводных работах; остальная часть территории определена графически по картам и имеет приблизительную точность. По исчислению Алтгубстатбюро вся территория обла-

Здание областного кооператива.

сти распределяется в 90,465 кв. километров. В пользовании крестьянского населения находится 28,3 проц. всей земли (или 2.536,667 гектар), а остальная земля состоит в непосредственном ведении государства в виде лесных и земельных дач².

По переписи 1923 г. в 23 х волостях, выделенных в Ойротскую автономную область и реорганизованных в 10 аймаков, насчитывалось 82,943 человека или по одному жителю на квадратный километр². В этом числе коренного ойротского населения было—34.595, казаков—2.205, русских—45.328 и прочих национальностей—820.

¹—Ямпольский и Абаимов—„Животноводство в Ойротском крае по данным экспед. 1926 г., Новосибирск, Сибкрайиздат, 1929 г.

²—Областное статистич. бюро—„Материалы по статистике сельского хозяйства“. Улала, 1923 г. Изд. облисполкома.

Количество женщин превышало количество мужчин на 35 проц. Это был результат империалистической и гражданской войны.

В единственном колхозе на всю область состояло 23 человек.

За восстановительные годы происходит быстрый прирост населения. На 1 января 1931 г. область имеет вместо 16,491—25,920 хозяйств, населения 122,796 человек, в том числе 51,212 алтайцев ойротов. Прирост Алтайцев-ойротов за эти годы на 16,617 человек.¹

Бурный подъем и улучшение материально-экономического положения ойротов вывели их из заколдованного круга обреченности и созданных старым строем условий вымирания.

Каким лицемерным лепетом звучит теперь утверждение буржуазных писаков об ойротах, что

„Им не суждено иметь будущего, им предоставлено только послужить удобрением почвы, на которой должна возникнуть и развиться жизнь более счастливой расы“.

Рассматривая хозяйственно-культурный рост области со времени 1-го съезда советов², воспринимаешь цифры, как музыку творческого энтузиазма масс, проявивших величайший напор в гигантской переделке прошлого.

Ойрот — колхозник.

Сравнивая посевные площади, не нужно забывать, что в основном хозяйство области является животноводческим.

Вот его важнейшие показатели:

---

¹—Данные приведены по материалам статистической секции областной плановой комиссии.

²—За 1921-1922 г. никаких цифровых материалов не сохранилось.

Внедряется новый быт.—Общественная баня.

Советское коннозаводство в Ойротии.

П О С Е В   В   Г Е К Т А Р А Х

Г о д ы	Едиhoличн.	Колхозы	В с е г о
1923	17,601	00,016	17,617
1930	28,728	12,632	42,727
1931	34,466	25,000	59,466

Особенно знаменательно в приведенной таблице коренное изменение роли социалистического сектора. Вместо 16 гектар—его удельный вес поднимается до 25,000 га.

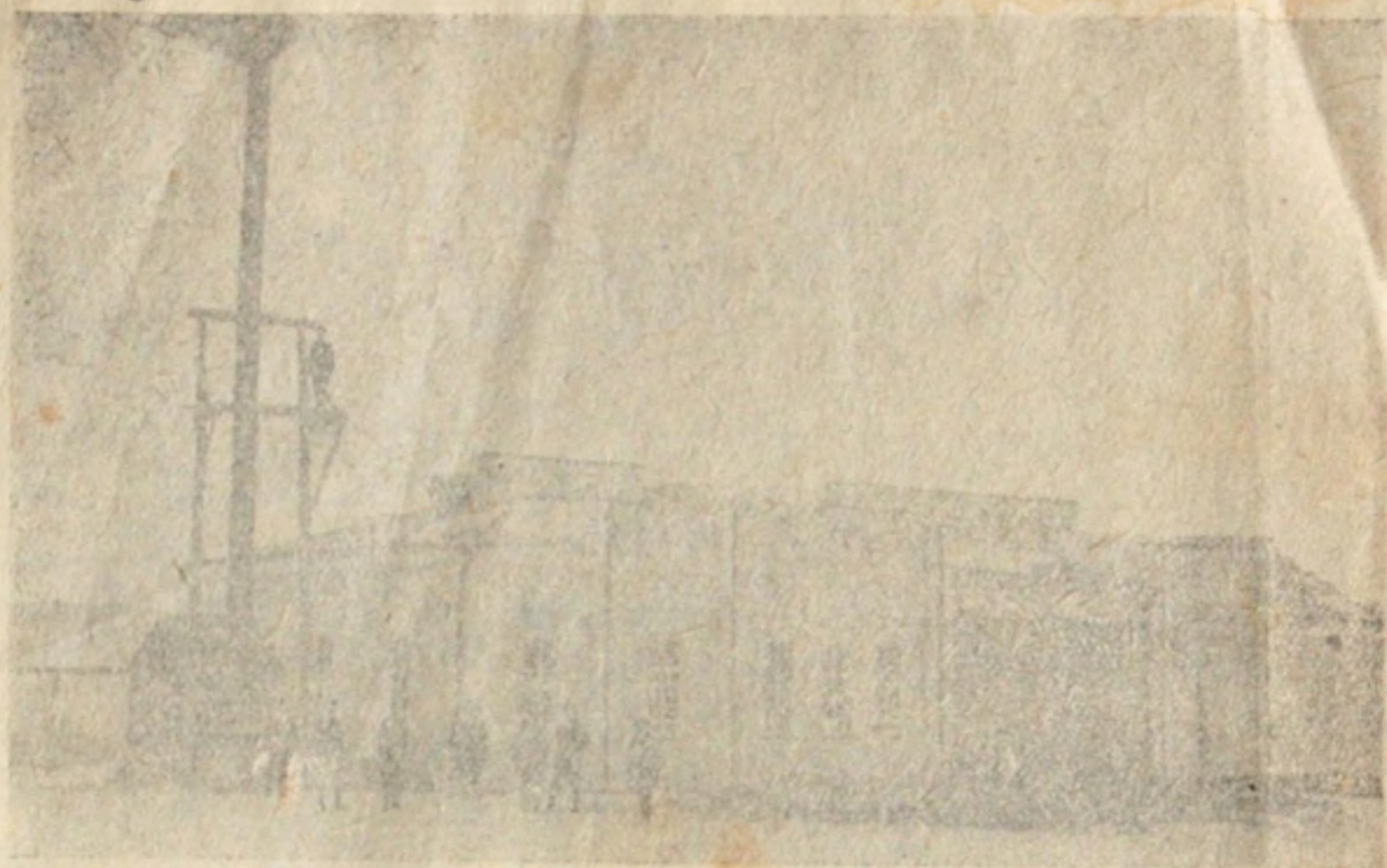
Бык совхозного стада.

Тоже происходит в животноводстве:

Название скота	Едиhoличные		Колхозные		В с е г о	
	1923 г.	1930 г.	1923 г.	1930 г.	1923 г.	1930 г.
Лошади	71,149	91,014	0,012	14,655	71,161	105,992
Крупн. рогат. скот	76,927	140,225	0,022	16,304	76,949	157,201
Овцы и козы .	119,952	286,799	0,008	38,823	119,960	325,656

Колхозы в Ойротии стали крупнейшим экономическим и политическим фактором. Они с избытком заменили кулацко-байское производство.

Продолжает развертываться коллективизация. На 1 июля 1931 г. мы имеем уже иные цифры обобществленных хозяйств. Всего 280 колхозов.

Маслозавод в Бирюлинской коммуне.

Я к.

Первое место пока занимают простейшие объединения — ТОЗ и животноводческие товарищества. Из общего числа имеется 143 сельскохозяйственных артели. Коллективизировано 11,925 хозяйств. Коли-